

АНАСТАСИЯ ЭЛЬБЕРГ

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕПОЛНОЦЕННЫЕ
СЦЕНАРИИ

18+

НИКАКИХ ПОЛУМЕР

Annotation

Выйдя из тюрьмы, Ливий понимает, что из короля превратился в пустое место. Он потерял деньги, людей и любимую женщину, а криминальную империю прибрал к рукам ближайший соратник, десять лет назад сдавший его полиции. Горстка преданных товарищей по оружию, далеко не безобидная незнакомка и желание отомстить – вот и все силы, которые Ливий может противопоставить сопернику. Но разве такие мелочи когда-нибудь останавливали королей? Иллюстрация для обложки сгенерирована нейросетью Midjourney (оплаченный аккаунт) и доработана с помощью Photoshop (официальная лицензия, включающая все продукты Adobe Creative Cloud).

Анастасия Эльберг

Место под солнцем

Жаждающий разбивает кувшин (арабская пословица)

Пролог. Фуад. Настоящее

Весна 1977 года

Алжир

Женщина оказалась невысокой и чуть полноватой, но ни пара лишних килограммов, ни лицо, в чертах которого Фуаду чудилась легкая асимметрия, ее не портили. Аккуратная короткая стрижка, подчеркивающая скулы, едва заметный макияж, тонкая золотая цепочка без медальона на шее.

– Добрый вечер, месье Талеб, – улыбнувшись, поприветствовала хозяйка заведения на чистейшем французском. – Прошу, заходите. Мы открылись час назад, гостей еще нет.

Гостиная, комната с низким потолком и персидскими коврами, на которых были разбросаны шелковые подушки, походила на гарем османского султана. Чаще всего сюда заходили европейцы, а с их точки зрения публичный дом выглядел именно так. Мадемуазель Брике – или мадам Брике, как ее здесь называли – перечитала всю порнографическую литературу о востоке и создала свое любимое детище на основе вымыслов озабоченных путешественников. Фуад много слышал о ней, но увидел впервые. Европейка с восточными корнями, она родилась во Франции, успела пожить в Италии, а потом приехала сюда, познакомилась с будущим мужем и решила остаться. Через пять лет муж, торговавший людьми, погиб во время очередной стычки в войне за территории влияния, но Брике, вопреки логике и здравому смыслу, не отправилась в один из борделей бывшего супруга в качестве рабыни. «Остров изысканного разврата» – так она называла заведение, права на которое ей милостиво оставил ее новый господин. Земля, где находился публичный дом Брике, сегодня принадлежала Фуаду, и она с этим вроде бы соглашалась, но не до конца. В итоге он решил расставить все точки над *i*, явившись к женщине лично.

– Месье Брук, полагаю, – кивнула Брике стоявшему за спиной Фуада Валентину. – Рада видеть, джентльмены. А с вами я еще не знакома...

– Это Динар, один из моих деловых партнеров, – представил второго спутника Фуад.

– Очень приятно, месье, – томно опустила ресницы хозяйка. – Желаете отужинать? Как насчет десерта?

– Не откажемся от вина, – ответил за всех Валентин.

Брике подождала, пока мужчины рассядутся на подушках возле низкого деревянного стола, и расположилась напротив.

– Вина гостям, Рания, – бросила она по-арабски, подозвав одетую в прозрачную накидку девушку.

– Да, госпожа, – ответила та, не поднимая глаз.

Фуад бросил на стол пачку сигарет и посмотрел на хозяйку в упор.

– Чем обязана, месье Талеб? – спросила она с видом девственницы, которой предлагают что-то непристойное.

– Думаю, вы в курсе, мадемуазель Брике. Я жду свои деньги.

– Я расплатилась с вами в прошлом месяце.

– Без учета процентов и долга за последние полгода.

Женщина изогнула тонкую бровь.

– О чем вы говорите, месье Талеб?

– Не нужно корчить из себя дуру, вам это не к лицу. Хотите, чтобы я назвал полную

сумму вашего долга? Будем играть честно и в открытую? Как взрослые люди?

– Вы хотели сказать, как мужчины? Именно это ваши подопечные говорят, приходя за деньгами. Это мужской мир и мужской бизнес, леди, если вы сюда сунулись, уважайте закон. Но я не мужчина, а женщина, месье Талеб. И не стала бы мужчиной даже в том случае, если бы захотела. Да и, признаться, такого желания я не испытываю. Вы позволите?

Брике достала сигарету из пачки Фуада, и гости дружно протянули над столом зажженные спички. Помедлив, женщина сделала выбор в пользу огонька Динара, который заулыбался, как идиот, но быстро пришел в себя, когда Валентин ткнул его локтем в бок.

– Будем играть честно, месье Талеб. Я могу заплатить вам весь долг. Могу заплатить сверх долга, учитывая столь любимые вами проценты. Но разве это односторонняя сделка? Вы бросаетесь словами и раздаете обещания. Где были ваши люди, когда я решала проблемы с таможей в Тунисе? А чем они занимались, когда сюда вломилась полиция? Они перевернули все вверх дном. Разорвали шелковые одеяла, вспороли пуховые подушки, запачкали ковры, разбили дорогой хрусталь и редкий фарфор. Признали, что здесь нет ничего подозрительного, и ушли, не подумав извиниться. Вы клянетесь, что поможете, и требуете денег, но в нужные моменты помощи от вас не дожدهшься. Я бесплатно кормлю ваших людей. Ставлю на их стол лучшие вина. Отдаю им лучших женщин за полцены. А что делают они? Ничего. Хотят еще денег, еще еды, еще вина и женщин покрасивее. Куда катится мир, месье Талеб? Я занимаюсь этим бизнесом не первый год. В былые дни...

– Предлагаю вам замолчать до того, как вы пожалеете о своих словах, – предупредил Фуад.

– ... в былые дни, – продолжила Брике, выпуская пару колечек дыма, – я водила дела с честными людьми. С людьми, которые редко дают обещания, потому что их слово – камень, и они выполняют обещанное любой ценой. Когда кто-то из подопечных Ливия приходил сюда, я говорила: все – за мой счет. Но они платили, и очень щедро. Иногда давали девочкам деньги втайне от меня. Сам Халиф тоже платил, даже за вино и опиум, которые мы предлагаем гостям бесплатно.

– Разумеется, – вставил Валентин. – Он же сдирал с вас втрое больше денег, чем мы. И мог отрезать что-нибудь жизненно важное, если вы приносили нужную сумму на день позже.

– Да, месье Брук, – согласилась женщина. – Но в те дни, когда нам покровительствовал Халиф, мы не ведали проблем ни с полицией, ни с таможей. И не приведи Великий Бог... ах, я хотела сказать, не приведи Аллах кому-нибудь заявиться сюда и устроить бардак с разодранными подушками и простынями. – Сделав последнюю затяжку, Брике потушила сигарету в пепельнице и посмотрела на Фуада. – Вы изменились в лице, когда я упомянула про Ливия, месье Талеб. Прошло столько лет, а вы сидите на своем троне как на пороховой бочке? Боитесь, как бы друг, которого вы предали, не отплатил вам чем-нибудь похуже?

Фуад закурил, наблюдая за вернувшейся девицей в прозрачной накидке. Она поставила на стол бутылку вина и четыре бокала. За ними последовала тарелка сыра.

– У вас есть неделя для того, чтобы вернуть весь долг, леди. В противном случае я обращусь к судье Аднану. Приговор не понравится никому.

– Пусть так, – пожала плечами Брике, поднимаясь. – Зато проблема будет решена. Оставлю вас, джентльмены. Мне нужно принять гостей.

Девица в прозрачной накидке поставила возле стола ширму, отделяя его от гостиной. Несколько минут мужчины в молчании пили вино, дымя сигаретами и размышляя каждый о

своём.

– Не могу поверить, что подонок портит мне жизнь даже из тюрьмы, – наконец заговорил Фуад. – Сколько унижения я должен вытерпеть? Его бывшие прихвостни плюют нам в лицо, уводят товар, отвоевывают территории. А теперь надо мной насмехается наглая шлюха!

– Исполосовать ей задницу ножом, – предложил Валентин, прожевав кусочек сыра. – Или мордашку попортить. Посмотрим, как она будет улыбаться гостям со шрамами на лице. А ты чего заткнулся? – глянул он на Динара. – Вспомнили про Халифа – язык проглотил? Или вино тебе не по душе?

– Вино хорошее. И шлюха наглая, – согласился друг.

– Тогда выпьем за то, чтобы она вернула нам наши деньги.

– И за то, чтобы Ливий сдох в тюрьме, – поддакнул Фуад.

Динар сцепил пальцы в замок и поднял на него глаза.

– Ты не в курсе последних новостей?

– Так он скопытился? Слава богу! Почему ты сразу об этом не рассказал?

– Он вышел из тюрьмы.

Вино чуть было не брызнуло у Фуада изо рта, и он торопливо поднес ладонь к лицу.

– Что? Как?! Его выпустили раньше?!

– Да нет, – покачал головой Динар. – Отмотал десятилетний срок до последнего дня, как законопослушный... э... как порядочный уголовник.

– Господи, да быть такого не может. Когда это случилось?

– Сегодня вечером. Я знаю кое-кого из тамошних надзирателей. Встретились в городе, я шел к тебе. Он и рассказал. Говорит: «Сейчас Халиф отдохнет, выспится как следует и вернет себе свое королевство. И лучше бы тому, кто это королевство отобрал, быть паинькой и отдать все добром».

– Господи, – повторил Фуад.

Он не мог поверить ни в то, что десять лет пролетели как один миг, ни в то, что Ливий Хиббинс вышел из тюрьмы целехоньким. Еще мгновение назад они пили вино и думали о том, как вытрясти деньги из зазнавшейся потаскухи, а теперь сбился его худший кошмар.

– У нас есть план? – как бы между прочим поинтересовался Валентин.

Одна часть мозга Фуада твердила, что он должен прямо сейчас собрать вещи и уехать из страны. Желательно, подальше. Перемахнуть через океан. Штаты. Да, Штаты – это отличная идея. Он вернется, когда все поутихнет... или не вернется, там тоже можно жить припеваючи. Вторая часть мозга уговаривала засунуть подальше все страхи, не думать о рисках, главным из которых был риск долго и мучительно умирать с выпущенными кишками, и защищать то, чем он владел. Владел по праву, что бы там ни возомнил себе Халиф.

– Я поговорю с ним, – сказал Фуад.

– Ты больной, – вынес вердикт Динар. – Он тебя прирежет. К слову, где ты будешь его искать?

– Разберусь. Вечерние посиделки закончены. Заплатите шлюхе за вино. Пусть утешится и купит себе пару побрякушек.

Глава первая. Ливий. Настоящее

Весна 1977 года

Алжир

Ливиан Хиббинс, бывший заключенный номер Т-1804, около четырех часов назад вышедший за ворота алжирской тюрьмы, бродил по узким каменным переулкам, наслаждаясь покоем восточной ночи, и вяло размышлял о том, что было бы неплохо перекусить, а потом найти комнату в неприметном районе. До денег на швейцарских счетах он доберется нескоро, но наличных в бумажнике хватит на простой ужин и оплату хибарки с разбитыми стеклами в окнах и полным клопов грязным матрасом.

С тех пор, как его нога в последний раз ступала на эту землю, минуло десять лет. Секунда, если вспомнить, что он темный эльф, и Великая Тьма даровала ему долгую жизнь. Вечность, если вспомнить о том, что в мире, где Ливий обитал до того, как превратиться в заключенного номер Т-1804, все менялось чертовски быстро. Не в твою пользу, если изменения иницилируешь не ты. А ведь когда-то этот город принадлежал ему. Он ходил по здешним улицам с высоко поднятой головой, жил на шикарной вилле за городом и купался в деньгах. Шумные застолья с несколькими сменами блюд, одно другого изысканнее, могли длиться сутками. В его постели спала самая красивая женщина, а люди и темные существа, с которыми он работал, целовали ему руки и называли Халифом. Он строил все это так долго – и потерял в один миг.

Ливий был одет в дешевые джинсы и белую майку – именно в таком виде десять лет назад полицейские взяли его с поличным, когда он продавал шведских эскорт-девушек алжирскому богатею-извращенцу. Богатей не любил выпендрежа, и ради этой встречи пришлось сменить дорогие брюки и рубашки на более скромный наряд. Ливий не забыл даже об обуви, выбрав место итальянских туфель стоптанные кроссовки. Оставил только любимые «Вашернон Константин», элегантную модель из белого золота, подарок Владимира. Часы, которые Халиф считал своим талисманом, подвели по-крупному. Или же виновата резкая смена имиджа в угоду клиенту? Работоторговцы суеверны, особенно если речь идет о больших деньгах. А деньги богатей пообещал заоблачные. Нет, дело не в часах и не в дрянных шмотках. Ливия подвела алчность, помноженная на уверенность в собственной неуязвимости.

Богатей получил товар, продавец получил деньги и, следуя законам гостеприимства, пригласил клиента отужинать вместе с ним. За пятью блюдами и парой бутылок хорошего вина последовало сладкое, а за сладким – опиум, достойное завершение празднования успешной сделки. Служители закона явились как раз вовремя для того, чтобы застать все это великолепие, включая толпу девушек европейской наружности без паспортов. Меньше чем через два часа за спиной Ливия захлопнулась дверь тюремной камеры, и меньше чем через три недели он услышал из уст судьи приговор: десять лет без права на обжалование. За торговлю дурью, которой в доме было пруд пруди, не впаяли еще пару годков – и на том спасибо.

Наручные часы показывали начало второго. Узкие улицы квартала, по которым шел Ливий, были пусты: крепко запертые двери, темные окна. Нет даже кошек и бродячих собак. Ночь выдалась жаркой и душной, но после спертого тюремного воздуха внешний мир и в таком проявлении казался ему райским садом. Он в очередной раз повернул за угол и

заметил лившийся из дверей маленького кафе свет.

– Крепкий кофе и что-нибудь поесть, – сказал Халиф, обращаясь к спавшей на ходу женщине за деревянной стойкой. Она здорово постарела с тех пор, как они виделись в последний раз.

Хадиджа окинула его красноречивым взглядом.

– Ишь ты, явился. Давно тебя не было. Даже не сразу признала. А деньги-то есть?

Ливий достал бумажник и продемонстрировал несколько купюр.

– Динары, – уточнила хозяйка.

– Я дам вам пятьдесят долларов. Этого хватит?

– Да хоть сто давай. Что мне с твоими бумажками делать?

– Послушайте, ханум. Я голоден как стая чертей. На пятьдесят долларов вы сможете жить две недели, ни в чем себе не отказывая, а я хочу чашку кофе и скромный ужин.

Хадиджа махнула на него рукой. Расценив это как согласие, Ливий положил на стойку деньги. Она сгребла их со скоростью хищной птицы, сунула в застиранный передник и ушла на кухню.

– Не смей дымить под моей крышей, сын шайтана! – крикнула хозяйка, полуобернувшись. – Хочешь травиться – иди на улицу!

Успевший достать из пачки сигарету Халиф прикурил от огарка свечи и вышел за порог. Сделав пару затяжек, он с наслаждением выдохнул дым, опустился на один из деревянных стульев и заметил, что в кафе есть еще один посетитель. Точнее, посетительница. Женщина стояла, прислонившись к стене, и смотрела на него в упор. На ней было короткое, выше колена, платье из белого шелка, светлые волосы свободно лежали на плечах. И как она умудрилась пройти сюда даже под покровом ночи? В таком виде ее закидали бы камнями через несколько шагов.

– Моя госпожа, – вежливо улыбнулся Ливий.

Женщина вышла из тени. Глаза цвета морской волны пристально изучали лицо посетителя. Халиф запоздало вспомнил, что в исламских странах прямое обращение мужчины к незнакомой, да к тому еще и незамужней даме можно расценить как непристойность. На замужнюю не похожа... и мусульманкой не выглядит. Типичная европейка. Говорит ли она по-арабски?

– Добрый вечер, – перешел он на английский. – Я буду рад, если вы согласитесь...

– Никакого анального секса, никаких дополнительных мужчин в постели и никаких штучек вроде плеток и наручников, – отчеканила девица на чистейшем английском. – Деньги вперед.

– Что? – опешил Ливий. – Спасибо за предложение. Но я имел в виду кофе.

Светловолосая женщина, оказавшаяся темной эльфийкой, жила в маленькой квартире на последнем этаже старого дома в двадцати минутах ходьбы от кафе. Вроде бы она рассказывала о том, как здесь оказалась, но Ливий слушал вполуха и забывал информацию сразу же. Расправившись с ужином, он вспомнил о другом голоде, который не представлял угрозы для жизни, но после шести рюмок арака, выпитых на пару с новой знакомой, из ненавязчивого стал невыносимым. Работорговец может достать женщин откуда угодно и для кого угодно, пусть бы и для заключенных в тюрьме строгого режима, но десять минут торопливого секса раз в месяц еще никому удовлетворения не приносили.

За несколько часов, оставшихся до рассвета, Халиф успел проделать с девицей почти

все, на что была способна его фантазия, наплевав на слабые попытки партнерши возражать против особо изощренных действий, и, окончательно вымотавшись, лег на спину поверх тонкого одеяла. Эльфийка сидела рядом, расчесывая волосы. В первых лучах солнца, пробивавшихся сквозь неплотно закрытые занавески, ее стройное гибкое тело с маленькой аккуратной грудью выглядело еще соблазнительнее, чем при свете красноватого ночника. Глядя на женщину из-под полуприкрытых век, Ливий подумал, что не прочь отыметь ее еще разок, но после нескольких часов восстанавливающего сна.

– Как тебя зовут? – спросил он у эльфийки.

– Я не так давно этим занимаюсь, так что творческий псевдоним еще не придумала, – усмехнулась женщина.

– Никогда не видел, чтобы проститутки ждали клиентов глубокой ночью в темных переулках, да еще в районе, где жизнь замирает после заката.

– Это особый восточный стиль.

– Мне можешь не рассказывать. О восточных проститутках я знаю в разы больше твоего. Эльфийка одарила Ливия хитрой улыбкой.

– А, так ты клиент с большим опытом?

– Скорее, сутенер.

– Здешних сутенеров я знаю в лицо. А тебя вижу впервые. Или ты был в длительном отпуске? Судя по тому, как ты на меня набросился, на твоём необитаемом острове женщин было маловато.

– В тюрьме с женщинами часто возникают сложности. Суровая таможня задерживает и просит заплатить побольше, так сказать.

Лицо светловолосой красавицы вытянулось от удивления.

– Так ты... ладно, не хочу знать.

– Очень хорошо. Теперь ты замолчишь, а я посплю.

Халиф поправил подушку, повернулся на левый бок и потянул на себя одеяло.

– Но это моя квартира!

– Я заплатил тебе столько, что хватит на пару десятков ночей. И на право поспать здесь до полудня тоже.

Эльфийка пнула его в голень.

– Эй! Это моя постель! Я не шучу! Проваливай!

– Я тоже не шучу. Заткнись, пока не получила оплеуху.

– Это незаконно! Я позвоню в полицию, и ты вернешься в тюрьму! Кстати, а сколько ты там просидел?

– Десять лет.

– Охренеть, – округлила глаза женщина. – Ты кого-нибудь убил?

– Нет, но сейчас убью, если ты не закроешь рот. Дай мне поспать. Я впервые за десять лет сплю в нормальной постели.

Тяжело вздохнув, эльфийка бросила на одеяло расческу, прилегла рядом и подперла голову рукой.

– Ты кого-нибудь изнасиловал, а потом убил? Или наоборот?

Ливий открыл глаза. Спать хотелось невероятно. Даже эмоциональный запах женщины на него не действовал.

– Я торговал людьми.

– Охренеть, – повторила эльфийка. – Но за это полагается смертная казнь!

– У меня есть связи. Благодарные клиенты, влиятельные люди. Они помогли.

– Отмотать десять лет в алжирской тюрьме. Ничего себе помощь. Но теперь-то ты законопослушный гражданин, осознавший свою вину? Начнешь праведную жизнь? – Она подняла руку ладонью вверх. – Ладно, не хочу знать. Вообще-то мне нужно на работу. Выхожу через час. Ничего, если я тебя тут запру? Вечером вернусь. В холодильнике полно еды.

– Ты никуда не пойдешь. Я тебя купил.

Эльфийка уткнулась лицом в подушку, изображая крайнюю степень отчаяния, а потом легла на бок, опершись на локоть и приняв соблазнительную позу.

– Я поняла, говорить с тобой про законопослушных граждан и праведную жизнь не стоит, ты не понимаешь, что это означает. Ты можешь погостить тут пару дней. Но не думай, что я восприняла твои слова про новое приобретение всерьез, ладно? Я не какая-нибудь потаскуха. Я ведь не похожа на потаскуху?

– Ну что ты. Только на очень воспитанную женщину, которая подходит к незнакомому мужчине в час ночи и выдает тираду про анальный секс и плетки.

– Ах, так ты все же услышал? Судя по тому, что ты со мной вытворил, и не скажешь! Как насчет того, чтобы прислушаться к женщине, когда она говорит «нет» или «мне это не нравится»?

– Я очень внимательно к тебе прислушивался. Давно не слышал, чтобы женщина так стонала от удовольствия.

Возмущенно фыркнув, эльфийка повернулась к Ливию спиной.

– Как долго ты планируешь тут торчать? Ладно, не хочу знать. Меня зовут Тара, а тебя?

– Ливий.

– В смысле, Ливиан? Твой папаша пал жертвой моды на фальшивые имена первых богов?

Халиф придвинулся к женщине и обнял ее, легко сжав грудь. Тара сладостно выдохнула, выгибая спину.

– Может, я кое-чем заткну тебе рот, и тогда ты все же замолчишь?

– Почему бы и нет? – в тон ему ответила эльфийка. – Уж коли ты меня купил, то, наверное, можешь делать со мной все, что захочешь?

– Где ты работаешь?

– Нигде я не работаю. В противном случае не цепляла бы мужиков впотьмах. – Она помолчала. – В смысле, я и вчера не цепляла мужиков. Я иногда помогаю Хадидже с клиентами, кафе открыто круглые сутки. Посетителей в такой час немного, но она уже не так молода, не справляется. Я ждала клиентов и увидела тебя. Ты мне понравился.

Ливий спрятал лицо в ее волосах и вдохнул их запах. Он понял, что пролежал бы здесь не один час. Вот так, не двигаясь и обнимая полужнакомую женщину.

– Значит, ты не проститутка, и не работаешь. На какие деньги ты живешь?

– Ну так, – уклончиво ответила Тара. – Приятель помогает.

– Взамен на домашнюю еду? Или ты пользуешься другой, более приятной валютой?

– Не твое дело. Какого черта? Ты собирался спать!

– Я хочу спать спокойно, не думая о том, что твой приятель явится сюда и всадит мне под ребро нож. Это меня не убьет, но разозлит. А я не хочу злиться. И ты, поверь, тоже этого не хочешь. Да и схлопотать пожизненный срок за убийство через день после выхода из тюрьмы я желанием не горю.

Тара повернулась к нему лицом и положила ладони под щеку.

– Ладно, не хочу знать, – подвел итог Ливий, укрываясь одеялом.

– Эй, не злись. Просто он... как бы это? Ну, сутенер, в общем. Не подумай, я у него не работаю. Но если он придет и увидит кого-то в моей постели, нас неправильно поймут.

– Так это твой сутенер, а не приятель?

– Нет! – возмутилась эльфийка. – Это сложно, я не могу объяснить.

Халиф погладил женщину по щеке.

– Если твой приятель-сутенер придет сюда, я все ему объясню. Мы поговорим как деловые люди. Товар имеет привычку убегать от тех, кто за ним плохо присматривает.

– Я не товар!

– Ты будешь товаром до тех пор, пока я не решу иначе. А если он не поймет по-хорошему, поговорим по-моему.

– Смотрю, ты передумал насчет следующего тюремного срока?

– Да. А вот насчет того, чтобы кое-чем заткнуть тебе рот, не передумал. От твоей болтовни у меня началась бессонница.

Глава вторая. Эоланта. Прошлое

1958 год

Багдад, Ирак

Кантара отложила книгу, поднялась с обитой синим бархатом кушетки и подошла к каменным перилам балкона. Небо уже окрасилось в первые оттенки красного, но солнце до сих пор не поднялось. Благословенные предрассветные часы, тихие и прохладные. Самое время для посиделок при свечах и разговоров о важном. Ветер трепал короткий шелковый халат сестры, играл каштановыми кудрями, свободно лежавшими на плечах. Эоланта поймала себя на мысли, что давно не разглядывала ее так пристально, хотя они встречались за ужином каждый вечер. Ее маленькая Кантара стала совсем взрослой. Из нескладного подростка превратилась в молодую женщину. Она была красива диковатой и немного неправильной красотой, которую Эоланта не раз видела на картинах с воительницами древности. Гордая посадка головы, решительный взгляд золотисто-карих глаз, плавная кошачья походка. С тех пор, как они уехали из родительского дома и поселились здесь, на востоке, минул не один год. Мать помнит Кантару и Эоланту еще девочками, а Сезара – скромным юношей, до смерти напуганным перспективой сопровождать их обеих в незнакомом мире. Теперь девочки выросли, а до смерти напуганный скромный юноша свернул на дорожку, при мысли о которой у родителей встали бы дыбом волосы. Кантара часто пишет матери письма, умело переплетая правду с ложью. Эоланта пишет реже. Лгать она умела, но с матерью этот номер не пройдет. А от правды ее лучше беречь. Меньше знает – лучше спит.

– Хочу поехать в Европу, – внезапно выдала Кантара. – Учиться.

Эоланта допила шампанское и вернула бокал на низкий медный столик с витыми ножками.

– И на кого же?

– Не знаю. Может быть, на врача. Или на медсестру. Или на адвоката. Что там нынче модно, в Европе?

– Понятия не имею.

– Я выучусь на медсестру, а потом пойду в армию. Как в свое время сделала ты. В Европе постоянно воюют, на фронте медсестры нужны.

В ожидании ответа сестра повернула голову к ней, убирая с лица растрепавшиеся волосы.

– Лимит военных конфликтов мирового масштаба мы исчерпали на многие годы вперед, – сказала Эоланта. – А роль медсестры на фронте тебе не подойдет.

– Почему? – надула губы Кантара.

– Великая Тьма при рождении даровала нам обоим доброе сердце. Пусть у одной из нас оно останется таковым. Война меняет и людей, и темных существ. Она сделает тебя другой. Война разрушает, а потом ты собираешь себя по кускам, но к прежней себе не возвращаешься, как бы страстно этого ни хотела.

– Темные эльфы испокон веков были воинами, – упрямылась сестра.

Эоланта встала, подошла к ней и обняла за плечи.

– Прошлое осталось в прошлом, – мягко произнесла она. – Сегодня нам не нужно отвоевывать земли у врагов и вести за собой армии. Мы можем позволить себе быть слабыми

женщинами.

– Например, надзирателями в тюрьме строгого режима, как ты. Идеал слабой женщины, ничего не скажешь.

– Не придирайся к словам, Кантара. Или тебе плохо здесь? Ты ешь дрянную еду? У тебя мало денег? Одежды? Ты живешь как принцесса, наряжаясь в бриллианты и шелка. Гуляешь с подругами. Любуешься розами в саду и слушаешь пение птиц.

Кантара легко сжала ее запястья и посмотрела в глаза.

– Мне все нравится, Эо. Но когда-нибудь тебе придется отпустить меня. Я не могу вечно жить на привязи, даже если эта привязь – золотая цепь, а еду подают в золотой миске. Я хочу увидеть мир... встретить мужчину, которого полюблю.

Эоланта повернулась на тихий звук шагов. Служанка замерла в дверях, сложив руки за спиной.

– Пришел господин Сезар, моя госпожа.

– В такой час?.. Хорошо. Я приму его в кабинете. Пусть подадут вино и легкий завтрак.

– Я распоряджусь.

Кантара проводила служанку удивленным взглядом.

– Что он здесь забыл ранним утром, да еще посреди недели? Обычно он предупреждает звонком или письмом.

– Видимо, что-то срочное. Мы продолжим наш разговор за ужином.

– Говори в таком тоне со своими заключенными, а не со мной! – возмутилась сестра. – Если я захочу поехать в Европу, то поеду, и ты меня не остановишь! Поеду в Австралию! В Штаты!

– Езжай куда хочешь. Но помни, что ни в один университет без школьного образования тебя не возьмут. Вместо того, чтобы корчить из себя бунтарку, могла бы посидеть за учебниками. Начни с изучения английского.

– Зачем мне английский? – округлила глаза Кантара. – Разве в Европе французского недостаточно?..

Сезар ждал Эоланту, сидя в кресле у ее рабочего стола. Он задумался так глубоко, что вздрогнул от неожиданности, когда она поздоровалась.

– Когда ты приезжаешь сюда так внезапно, я начинаю воображать самые ужасные в двух мирах вещи.

– Прости, что не предупредил. Но дело и вправду срочное. – Он слабо улыбнулся. – Твои амазонки, которые уже проснулись и завтракают в саду, уговаривали меня к ним присоединиться, и я почти согласился.

Вернув ему улыбку, Эоланта опустила в свое кресло. На Сезаре был строгий деловой костюм из черного шелка. Воротничок белоснежной рубашки идеально выправлен, тонкий галстук заколот скромной золотой булавкой. Зачесанные назад волосы открывают высокий лоб, о котором отец часто говорил «лоб ученого». «Наш маленький Заро будет ученым, – повторял он. – О нем еще услышит весь мир». Сезар был старше Эоланты на пять лет. Он рос тихим и замкнутым, почти не общался со сверстниками, но с ней мог говорить сутками, забывая про еду и сон. Даже внешне они походили друг на друга как две капли воды: те же янтарные глаза, тот же оттенок волос, чересчур бледная кожа, которая часто встречается у высших темных эльфов, тонко вылепленное лицо с высокими скулами и изящным носом. Эоланта считала брата если не богом, то главным наставником. Кругозор его был настолько

широк, что он знал ответы на все вопросы, а думал так быстро, что это приводило ее в замешательство.

Что же, ученым Сезар и вправду стал. По крайней мере, учился он постоянно и с удовольствием. Получил целых два высших образования. Первое – медицинское, незадолго до Второй мировой. После войны решил, что медициной заниматься не хочет, и выучился на химика. Работал в засекреченных проектах, где, как подозревала Эоланта, ставили опыты на людях и темных существах. Когда Сезар начал сомневаться в правильности выбранной им стороны? Когда впервые задумался о том, что нет смысла подчиняться законам, если можно взять их в свои руки? Отговорила бы она его, если бы он упомянул об этом раньше, в самом начале, до того, как сжечь мосты? Вряд ли. Кантаре достался мягкий характер матери, а им с братом – ослиное упрямство и жесткость отца. От принятых решений Сезар не отступал. Сегодня оба они ходили по лезвию. Каждый – по-своему.

– Ты можешь вернуться к ним после того, как мы закончим наш разговор.

Сезар весело рассмеялся.

– Благодарю покорно. Это грозит затянуться на несколько дней, а у меня полно дел.

Служанки принесли блюда с фруктами, бутылку вина и пару бокалов. Брат покосился на еду и алкоголь и вежливо покачал головой.

– Спасибо за угощение, но мне нужен трезвый рассудок.

– У тебя проблемы? – напрямик спросила Эоланта.

– Вообще-то, да. И серьезные.

– Слушаю.

Достав из потайного кармана пиджака маленькое фото, Сезар протянул его сестре.

– Это Ливиан Хиббинс. Чаще его называют Ливием. Или Халифом. Некоторое время назад его поймали на одной из здешних границ со щедрой порцией героина и посадили в вашу тюрьму. Ему дали пять лет.

– Пять лет за героин? Легко отделался. Подозреваю, не без твоей помощи?

Брат сложил ладони так, будто хотел вознести молитву неведомым богам, и отвел глаза.

– Да, ты права. Но дело в том, что за решетку он угодил, если можно так выразиться, из-за меня.

Эоланта внимательно разглядывала фото. Изображенный на нем мужчина неуловимо напоминал Сезара. Только волосы длиннее и уложены иначе. И улыбка совсем другая. У брата она была осторожной и вежливой. У незнакомца со снимка – открытой и дерзкой, как у мальчишки, который бросает вызов всему миру, уверенный в своих силах. Такие мальчишки, оказываясь в тюрьме, делают много проблем.

– Не уверена, что хочу знать детали.

– Никто не заставлял его тащить трижды проклятый героин лично, да еще и так скоро. Я сказал, что мне нужно закрыть вопросы с таможней, справлюсь за пару недель. Но парень любит делать все по-своему. Прибавь слишком горячую голову – и поймешь, что подобное редко доводит до добра. Он нашел покупателя, который запросил вдвое больше товара. У Халифа, ясное дело, загорелись глаза, и у моих ребят тоже. Да и у меня, врать не буду. А когда загораются глаза, инстинкт самосохранения отказывает напрочь. И в итоге все катится к чертям.

– Ты хочешь, чтобы я помогла твоему приятелю выйти из тюрьмы?

Сезар склонил голову и задумался.

– Нет, Эо. Это еще не все. Но ведь ты не хотела знать детали.

– Я передумала.

– Ливий – подопечный Аднана Саркиса. Уверен, тебе знакомо это имя.

Рука Эоланты, потянувшаяся к блюду с инжиром, замерла.

– Конечно. Алжирец. Его называют восточным королем работорговцев.

– Тот покупатель ждал не только героин, но и более живой товар. Много живого товара.

Аднан пытался организовать эту сделку несколько месяцев, в том числе, и с моей помощью, так как знал, что я иногда работаю с Халифом и наладил связи со здешней таможней.

– Теперь торгуешь не только наркотиками, но и людьми?

– Нет, сестрица, – вяло улыбнулся Сезар. – Так низко я еще не пал. Мы просто сотрудничаем. Помогаем друг другу. Выручаем, поддерживаем...

– И товаром вы, разумеется, тоже обмениваетесь.

Брат кивнул в направлении окна. В саду весело щебетали девушки, до сих пор не закончившие свой завтрак.

– Разве здесь нет очаровательных европейек, попавших к тебе не совсем законным путем, Эо? Помнится, кое-кого из амазонок тебе подарил Аднан.

– Не в качестве рабынь для плотских утех!

– Торговцы людьми могут достать не только рабыню для плотских утех. Как насчет красивой и скромной славянской жены для состоятельного господина?

Эоланта бросила на стол фото и поморщилась.

– Боги, Сезар. Меня тошнит от этой мерзости. Работорговцы не должны сидеть в тюрьме. Их нужно вешать.

– Теперь я понял, почему ты так долго изучала снимок. Хотела представить, как Халиф будет смотреться с веревкой на шее?

Щеки предательски порозовели, и она опустила глаза на разбросанные по столу письма. На одном из них красовалась пометка «срочно». Послание от начальника тюрьмы, полученное вчера вечером. Теперь Эоланта знала, о чем пойдет разговор, хотя тему беседы в письме не указали. В работорговца, который, помимо всего прочего, работает на Аднана Саркиса, Кадар вцепится мертвой хваткой. Сел за героин? Ничего страшного. Задача леди Эоланты, старшего надзирателя – накопать побольше компромата. Заключение часто говорят лишнее, особенно в пылу ссоры. У тюремных стен есть уши, а в камерах есть люди, с радостью сообщающие персоналу важные сведения.

– Не смущайся, Эо. Твой брат толкает дурь половине Ближнего Востока. Никто не скажет и слова против, если ты заведешь себе работорговца в качестве – как ты сказала? – мальчика для плотских утех. В конце-то концов, у тебя давно не было мужчины.

– Я услышала достаточно, Сезар. Ты свободен.

Брат встал и вежливо поклонился.

– Не смею задерживать. И буду рад, если ты попытаешься сделать что-нибудь для меня. Помимо веревки на шее Ливия. В противном случае такую же веревку на мою шею накинёт Аднан.

Леон Кадар, британец по матери и марокканец по отцу, родившийся в Ираке и ни разу не бывавший ни в Англии, ни в Марокко, выглядел типичным европейцем. Высокий, голубоглазый, с грубоватым лицом, которое идеально подошло бы солдату, и светлыми волосами, зачесанными на косой пробор. Эоланта знала, что его мать принадлежала к богатому аристократическому роду. После ее смерти он, будучи единственным сыном,

унаследовал фамильный особняк под Лондоном и гигантскую сумму денег и мог бы уйти на покой в двадцать пять, но работал как проклятый, хотя не так давно встретил сороковой день рождения. Финансовая сторона дела начальника тюрьмы не интересовала. Он был человеком идеи, помешанным на правосудии. Не нанимал на работу кого попало, лично разговаривал с каждым надзирателем раз в месяц, желая убедиться в том, что тот подходит для своей должности. Отец Леона, торговец оружием, был пойман с поличным в Сирии, и любящий сын принимал в этой операции непосредственное участие.

В тюрьме Эоланта работала около десяти лет. Уже через три года Леон передал ей обязанности старшего надзирателя и даже согласился принять в ряды сотрудников кое-кого из ее подруг. Лиц ни мужчины, ни женщины заключенным не показывали, и последних здесь было достаточно и до нее. Начальник тюрьмы, человек с печатью Лилит, отличал обычных людей от темных существ и интуитивно чувствовал, что темные эльфийки могут за себя постоять, если возникнет такая необходимость. Но до сегодняшнего дня серьезных проблем Эоланте решать не приходилось, тем более что женщинам строго запрещалось разговаривать с обитателями камер. Она подозревала, что запрет они время от времени нарушают: соблазн порой ох как велик, да и темных существ среди заключенных предостаточно, а они определяют, кто перед ними, с помощью эмоционального запаха. Эоланта предпочитала закрывать глаза на мелкие оплошности. В конце-то концов не сечь же плетью женщин, которые инстинктивно тянутся к изголодавшимся по их обществу мужчинам.

– Как тебе новости? – спросил Леон.

С момента ее прихода он сиял, как начищенная монета из храмового серебра. Эоланта давно не видела его таким довольным.

– Отличные новости, – ответила она. – Но не понимаю, по какому поводу ты веселишься.

Начальник тюрьмы указал на лежавшее перед подчиненной досье, папку из плотного серого картона, перехваченную тонким зеленым шнурком. Обычно шнурок завязывали, но документов в нее напихали слишком много. Криминальное прошлое у Ливиана Хиббинса, заключенного номер D-489, было богатое. Оставалось удивляться, как он успел совершить все перечисленные преступления, если большую часть жизни провел в тюрьме и залах суда.

– Работоторговля, наркотики, убийства, – начал перечислять Леон, загибая пальцы. – Целый букет.

– Если я не ошибаюсь, свои пять он получил за торговлю героином, – напомнила Эоланта.

– За десять килограммов чистейшего героина, – уточнил начальник тюрьмы. – Кое-кто из твоих близких родственников – так уж и быть, не буду называть его имя вслух – потянул за нужные ниточки, и ему удалось сотворить немного волшебства. Хороший адвокат, связи в правительстве. Отличная работа. Жаль, что магия твоего брата действует только в пределах здешних границ, и шакал Аднан Саркис не смог дотянуться до своего любимчика. В криминальном мире об удачливости Халифа ходят легенды. Якобы он не горит в огне и выходит сухим из воды в самых безнадежных ситуациях. И вот удача мерзавцу в кои-то веки изменила.

– Ты позвал меня для того, чтобы поделиться со мной этой радостью?

Рука Леона легла ей на плечо, и Эоланта инстинктивно отодвинулась.

– Не будь дурой, Эо. В одиночной камере моей тюрьмы сидит Ливий Хиббинс, который за несколько лет сбыл столько живого товара, сколько обычные работоторговцы не сбывают за

всю жизнь. Ты всерьез думаешь, что я позволю ему отделаться пятью годами за вшивый героин?

– Меня зовут Эоланта, и ты будешь обращаться ко мне именно так. – Она помолчала, осмысливая его слова. – Почему он сидит в одиночной камере?

Леон, по-прежнему сохранявший довольный вид, опустился в кресло по другую сторону стола.

– Потому что за избиение заключенных в нашем увеселительном заведении положено такое наказание.

– Он попал сюда четыре дня назад!..

– Верно. Приехал утром, на рассвете. И вечером того же дня отметелил Гасана Хабиба. Сел на его место в столовой за ужином. Заключенные знали, что это чревато проблемами, но ни один из них даже не пикнул. Гасан пришел и заявил, что парень сел не туда, куда следует, и лучше бы ему уйти по-хорошему. Халиф ответил, что будет сидеть там, где захочет, и лучше бы собеседнику заткнуться, так как он портит всем аппетит. Гасан достал нож, а Халиф сломал ему запястье, нос и пять ребер. И воткнул бы в глаз его же нож, если бы не надзиратели.

Эоланта кусала губы, пытаясь сдержать рвавшийся наружу смех. Леон недоуменно поднял брови.

– Я сказал что-то забавное, леди Нойман? Или вы думаете, что избиение заключенных – нормальная практика в тюрьме?

– Рост Гасана Хабиба – два метра пять сантиметров, а весит он больше ста килограмм. Я пытаюсь представить, как стройный мужчина интеллигентного вида сотворил с ним такое, но получается плохо.

– Теперь стройный мужчина интеллигентного вида проведет две недели в одиночной камере.

– Надеюсь, он не скучает, – подзадорила собеседника Эоланта.

– О нет. У него куча книг, и он поглощен чтением. Сейчас, если не ошибаюсь, наслаждается древнегреческой философией, а до этого в меню была «Божественная комедия» в оригинале. Сукин сын умнее университетского профессора с несколькими научными степенями. Как уродливо порой шутит Великая Тьма. Отдать такой мозг преступнику. Ты понимаешь, что мне от тебя нужно, дорогая?

– Не очень.

Леон похлопал ладонью по папке с досье и широко улыбнулся.

– Я хочу, чтобы он болтался в петле. Там ему самое место. Пусть твои девочки и мальчики наострят ушки и послушают беседы заключенных. Уверен, это будет интересно.

– Если он так умен, как ты описываешь, вряд ли будет вести разговоры о работоторговле.

– Ну, без женщин-то в тюрьме наши подопечные точно не обойдутся. Тебе ли не знать, сколько девок тут появляется, когда в одной из камер сидит торговец людьми. Они достают их буквально из воздуха и умудряются проводить через все посты. Раньше я закрывал на это глаза, но теперь не стану. – Леон наставил на нее указательный палец. – Ливиан Хиббинс заслужил смертную казнь. Надеюсь, ты сделаешь свою работу хорошо, Эоланта. И ничего не случится, если мы немного приукрасим правду.

Она откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

– Моя работа не имеет ничего общего с приукрашиванием правды.

– Ты хочешь, чтобы он вышел на свободу и продал твоих детей?

– У меня нет детей.

– Тогда подумай о других детях. О мужчинах и женщинах, которых он продает, и с которыми творят жуткие вещи. Как насчет твоих любимых девочек? Они больше не смогут мирно щебетать у пруда в саду, попивая шампанское. Их будут насиловать, бить, унижать. А как насчет тебя? Ты тоже можешь попасть в лапы к подобным уродцам.

Эоланта рассмеялась.

– Разве что по собственному желанию.

– Что? – озадаченно переспросил Леон.

– Забудь. Я подумаю, что можно сделать. Была рада тебя повидать. Надеюсь, ребра у Гасана Хабиба заживут быстро, и он немного присмирееет.

Глава третья. Ливий. Настоящее

Весна 1977 года

Алжир

Когда Ливий открыл глаза, маленькую спальню заливали лучи заходящего солнца. Вентилятор под потолком вертелся так медленно, будто наполненный ароматами цветущих деревьев воздух сгустился от жары. Что это за запах? Похоже на цветы апельсина. Середина апреля, весна в самом разгаре. Идеальное время для того, чтобы начать новую жизнь. Еще одну. Жизней Халиф прожил столько, что перестал считать.

В дверном проеме показалась голова Тары.

– А, их великолепие изволили проснуться, – сказала она, широко зевнув. – Я встала сорок минут назад и завтрак приготовить не успела. В смысле, обед. Поздний. Ранний ужин. В общем, ты понял. Как насчет свежих лепешек с сыром? Тут неподалеку делают. Принесу через несколько минут.

– Я не хочу есть. Иди сюда.

– Знаешь, вовсе не обязательно восполнять десять лет за несколько часов, можно растянуть удовольствие.

– Иди сюда, – повторил Ливий. – Я хочу кое-что спросить.

Эльфийка приблизилась к кровати и села на одеяло, запахнув полы длинного шелкового халата.

– Как зовут твоего приятеля-сутенера?

– Фуад.

– Фуад Талеб?

Тара насмешливо изогнула бровь. С остатками ночного макияжа и встрепанными волосами она походила на деревенскую замарашку, но Халиф решил, что в этом образе есть что-то трогательное.

– Ты его знаешь?

– Можно сказать и так. Давно ты на него работаешь?

– Я уже говорила, что не работаю на него. Мы друзья.

– Фуад Талеб выжимает деньги даже из камней – и уж точно не позволит кому-то жить за его счет. Если он не поставляет тебе клиентов, то сам трахает пару раз в неделю. И иногда по выходным. У тебя сигареты есть?

– Я не курю. Чего ты к нему прицепился? Может, он иногда и поставляет мне клиентов. Между прочим, это большая честь. Он редко снисходит до простых смертных. Важный человек, влиятельный бизнесмен, как говорят в Европе.

Отряхнув валявшуюся на ковре одежду, Ливий критически оглядел джинсы. Он повесится, если проносит это тряпье еще сутки, но денег на дорогие штотки у него не было, да и купить их особо негде. В машине он нуждается больше, чем в брюках и рубашках от кутюр, но о ней можно только мечтать. Будь у него транспорт, он бы поехал за город и узнал, что случилось с виллой. А потом нашел бы кого-нибудь, кто знает, где сейчас Эоланта. Забирая коды от швейцарских счетов, Владимир советовал их записать, но паранойя, помноженная на предвкушение десятилетнего срока, мешала Халифу мыслить здраво. Теперь заветные комбинации цифр лежали в сейфе друга под надежной охраной. Проблема была только одна: Ливий и понятия не имел, где находится этот сейф, и мог только догадываться о

том, какое имя теперь носит друг. А в то, что он прилетит в Алжир спустя десять лет, верилось с трудом.

Не то чтобы у Владимира была плохая память на даты, просто он имел привычку мерять окружающих по себе. Халиф мог покалечить или убить кого-то из сокамерников, но честно отбывал тюремные сроки до последнего дня. Мистер Ковалев попадал за решетку четырежды, умудрялся сбегать даже из карцера и верил, что друг поступит так же. Социальные работники, с которыми Ливию доводилось беседовать в европейских и американских тюрьмах, втирали ему мутные истины о нормативном поведении и уважении к чужим границам. Он отвечал, что уважает чужие границы, но только в том случае, если установил их сам, и думал, что у Владимира нет никаких границ. И вряд ли когда-нибудь появятся.

– И далеко распространяется его влияние?

– Ему все сутенеры города приплачивают. Не знаю насчет работорговли и других городов, но...

– Ты давно здесь живешь?

– Около пяти лет. Он уже тогда здесь всем заправлял с парой-тройкой дружков.

– Джамаль, Динар и Азим?

Эльфийка театрально захлопала в ладоши.

– Bravo! Вот это память! Только Азима не припомню. Европейец какой-то. Голубоглазый, светловолосый, невысокий. У него нет указательного пальца на правой руке.

– Валентин. Я отрубил ему палец за дурацкую привычку указывать на собеседника.

– Ха-ха, – иронично скривила губы Тара. – Каковы ближайшие планы, мой господин?

Товар готов слушать и внимать.

Одевшись, Ливий подошел к окну и несколько минут стоял без движения, теребя миниатюрный нож, прикрепленный к ремешку часов. Лучшим решением было бы купить пачку сигарет, воздать дань скромному ужину в виде лепешек с сыром, а потом снова взобраться на потаскушку и не слезать с нее до утра. Утром он отыщет телефон, наберет несколько номеров и узнает, какова расстановка сил. Но что предпринять дальше? От некогда любимого востока Халифа тошнило. Он поедет в Европу. Если Владимир не вернулся в Россию и не улетел за океан, то живет там. Они оторвутся на славу, вспомнив былые дни, а потом можно будет поговорить о бизнесе. Денег на билеты хватит. Для начала – Париж. Там полно давних клиентов и друзей, без крыши над головой он не останется. Но до этого следует привести в порядок текущие дела.

– Позвони Фуаду и попроси его приехать.

– А, что? – округлила глаза Тара. – Нет уж, дружок, устраивай криминальные разборки в другом месте!

– Мы приятели. Не виделись десять лет. Выпьем кофе, потрецим о жизни.

– Прямо так и сказать? Твой добрый приятель вышел на свободу и страстно желает тебя видеть?

– Нет. Скажи, что ты... не знаю. Соскучилась. Хочешь потрахаться. Нуждаешься в клиентах, в деньгах. Придумай что-нибудь.

Эльфийка встала и, подойдя к Халифу, взяла его под руку.

– Слушай, – сказала она. – Мы отлично провели время. И ты мне действительно нравишься. Но я не хочу проблем. Я топчу эту землю почти два века, и всю жизнь только и делаю, что нахожу на свою голову неприятности, одна другой хуже. Если в такой заднице, как

Алжир, я не могу быть нормальной законопослушной женщиной, то моим следующим местом назначения будет Северный полюс.

– Я разберусь со всеми неприятностями.

– Вот об этом я и волнуюсь! Понимаешь? Я притягиваю проблемы как хренов магнит!

Поймав взгляд Ливия, Тара скрестила руки на груди.

– Ты действительно этого хочешь? – спросил он.

– Чего? – не поняла эльфийка.

– Спокойной жизни. Проблем не бывает только у тех, кто уже умер. Этот мир принадлежит тем, кто умеет создавать и решать проблемы.

– Очень жаль, мистер, но моя философия в корне отличается от вашей.

– Ты могла бы носить бриллианты и сшитые для тебя платья. Ездить на шикарной машине, пить шампанское на завтрак, делать покупки в модных столицах мира, заказывать столики в самых дорогих ресторанах. Но ты живешь в каморке занюханного восточного городишки и торгуешь своим телом.

– Меня все устраивает.

– Пойдем со мной. Я сделаю тебя королевой. Фуад и его стая вечно голодных волчат будут убивать друг друга за право поцеловать твои туфли.

– Не хочу тебя расстраивать, дружок, но ты не похож на короля.

Халиф приподнял ее голову за подбородок. Тара отвернулась, сжав губы, но он успел урвать свой поцелуй.

– Если бы познакомились десять лет назад, ты бы говорила со мной совсем другим тоном, глупая шлюшка. Одного моего взгляда было бы достаточно для того, чтобы ты прыгнула в постель и раздвинула ноги. Мои друзья имели бы тебя по очереди, а ты изображала бы страсть. Пока Фуад Талеп не начал мести хвостом по всем переулкам, королем в этом городе был я. И остался им по сей день. Дело за малым – стряхнуть пыль с короны и вывести крыс.

– Но зачем тебе я?

– Мне нужна боевая подруга. Ты – не лучшая кандидатура, но сейчас возможностями выбора я не располагаю. Буду играть теми картами, которые есть на руках.

Эльфийка присела на подоконник.

– Ты всегда ведешь себя так? Относишься к другим как к вещам, не считаешься с их мнением? Думаешь, что все они – твои рабы?

– Такова природа людей и темных существ. Они хотят, чтобы им говорили, что делать.

Тара отвела глаза и закусилла нижнюю губу.

– Ты отвратителен, – заговорила она после паузы. – Так и живешь? Собственные правила и даже в мелочах все или ничего?

– В противном случае я бы не был королем. Что у тебя под халатом?

Поведя плечами, эльфийка сбросила расписной шелк. Ее ноги обвили бедра Ливия, пальцы запутались в его волосах.

– На этот раз я, кажется, вляпалась по полной программе, – выдохнула она в перерыве между поцелуями. – Небось, наврал мне с три короба, а я развесила уши...

Халиф поднял женщину за талию, перенес на кровать и, уложив поверх смятого одеяла, наклонился вплотную к ее лицу.

– Разве я просил мне верить? Подожди немного – и ты увидишь все сама.

– Раздевайся, первые боги тебя побери. Или ты намерен трахать меня в одежде?

Спустя два часа Ливий сидел напротив Тары на одном из устилавших крышу дома ковров и ел свежие лепешки с сыром, запивая их крепким чаем. Эльфийка принесла старую керосиновую лампу и несколько свечей: не столько ради света, оба прекрасно видели в темноте, сколько ради создания романтической атмосферы. На тонкий серп молодого месяца в небе над городом то и дело наплывали облака. Ночь, предшествующая новолунию, подумал Халиф, отставляя чашку. Жрецы сладострастия держат строгий пост, а темных эльфов-целителей даже под угрозой смерти не выгнать из дома ради сбора лекарственных трав. Бог Эрфиан, которого до Великой Реформы считали покровителем врачей и властелином сновидений, а после даровали титул хозяина подземного царства, в ночь темной луны путешествует по земле от заката до рассвета. Как большинство высших темных эльфов, Ливий получил религиозное воспитание, и, хотя особой связи с верой предков не ощущал, к смерти относился с уважением. Самое время вознести молитву богу Эрфиану. Он оберегает всех, кто затевает что-нибудь эдакое под покровом ночи. Почему бы ему не покровительствовать убийцам?

– Где ты родилась? – спросил он у Тары.

– В вампирском клане, – ответила та, прожевав кусок лепешки. – За океаном, в Штатах. Ждала темного совершеннолетия как манны небесной, умирала от желания свалить. Все, что угодно – только не клан. Меня тошнит от тамошних порядков, от бесконечных пиров, от сплетен и от тупых вампиров, которые говорят только о деньгах. Я, между прочим, была дочерью личного слуги первого советника. И могла рассчитывать на неплохую партию. В те времена у обращенных как раз появилась мода на смешанные браки. Темные эльфийки, светлые эльфийки, ты понял. – Эльфийка оторвала еще один кусок от лепешки и взяла с блюда ломтик сыра. – На самом деле меня зовут Царсина. Каково? У мамыши разум помутился после родов. Стресс, гормоны и все такое. Она была помешана на первых богах. Лет до шести рассказывала мне сказки только об этом.

– И слушала ты невнимательно. В противном случае знала бы, что Ливиан тоже принадлежал к числу первых богов.

Тара замерла, не донеся сыр до рта.

– Мамаша изрыла мне весь мозг со своими богами, и Ливиана я бы запомнила.

– Он был третейским судьей. К богу Нофару шли за пониманием и милосердием, а к богу Ливиану – за соломоновым решением. Однажды его сестры, богини Энлиль и Адвена, заспорили о том, кто из них более искусен в постели, и явились к нему для того, чтобы он их рассудил. Бог Ливиан переспал с обеими и сказал Энлиль наедине, что лучшей любовницы у него еще не было, и повторил то же самое в личной беседе с Адвеной. А когда они снова пришли к нему вдвоем, заявил, что даже девственницы доставляли ему больше удовольствия. В итоге Адвена и Энлиль рассорились окончательно и много веков не разговаривали друг с другом.

– И в чем мораль? – улыбнулась эльфийка. – В том, что с сестрами спать не стоит? Или в том, что даже лучшие подружки могут поругаться из-за дурака?

– Мораль в том, что стоит думать своей головой, а не перекладывать на других ответственность за решение собственных проблем. А если переложил, то не удивляйся, что оно тебе не понравится.

– Чертовски глубокая мысль. – Тара заглянула в его чашку. – Еще чаю?

– Нет. Лучше выпьем кофе. Я давно его не варил, но, надеюсь, не растерял навыки.

Тара кивнула и приготовилась подняться, но замерла. Глаза эльфийки изумленно распахнулись, уставившись на что-то за спиной Халифа. Он услышал тихий скрип двери, ведшей на крышу, и бросил взгляд через плечо.

– Темная ночь – темные гости.

– Это ты о себе, Ливий? Да, пожалуй. Тебя я ожидал увидеть здесь в последнюю очередь.

Фуад Талеб подошел к собеседникам, мягко ступая по ковру, и остановился в нескольких шагах.

– Не хочешь подняться и поприветствовать старого друга?

– Извини, нога побаливает. И поясницу ломит.

– Уважению, как я погляжу, тебя в тюрьме так и не научили.

Мужчина со всклокоченной рыжей шевелюрой и ярко-зелеными глазами, которого Халиф когда-то называл своим заместителем и считал лучшим другом, уже хотел было опуститься на ковер, но в последний момент взял невысокий деревянный табурет. На востоке попытку сесть выше гостей и хозяина расценивали как плевок в лицо, но Ливий благоразумно промолчал. Во-первых, потому, что он находился в чужом доме. Во-вторых, потому, что Фуад еще не начал высказывать накопленные оскорбления, и тратить нервную энергию впустую не хотелось.

– Принесу кофе, – вымученно улыбнулась Тара и, вскочив на ноги, исчезла за дверью.

Халиф прилег, опершись на правый локоть.

– Ты похудел и постарел, – заметил Фуад. – И что это за старые драные шмотки?

– Ну, а ты все хорошеешь и хорошеешь. До сих пор куришь, надеюсь?

– Держи.

Фуад бросил на ковер пачку красного «Marlboro» и позолоченную зажигалку. Не отрывая взгляда от лица гостя, Ливий достал сигарету и закурил.

– Кто бы мог подумать, что Халиф падет так низко? Ты живешь в квартире шлюхи и выпрашиваешь у меня курево. Мы поменялись местами. Когда-то я ползал перед тобой на коленях, выпрашивая работу.

– Именно поэтому ты работал на меня, а не наоборот. Я никогда и ни перед кем не ползал на коленях. Если мне были нужны деньги, я доставал их сам.

Беззлобно рассмеявшись, Фуад оторвал кусок лепешки. Несмотря на жару, он был одет в деловой костюм из белого шелка. На ногах – отполированные до блеска туфли с узким носом, алый галстук на черной рубашке закреплен бриллиантовой булавкой. Больше никаких джинсов, из которых он в прежние времена не вылезал.

– Верно. И чаще всего отнимаешь эти деньги у других. Равно как и товар.

– За товар я всегда плачу. И за твой тоже заплатил. Или я его подпортил? Вроде бы девственницей она не была, и на ее теле нет ни единого синяка. Можешь раздеть при мне и проверить лично.

Фуад прожевал лепешку, заел ее последним ломтиком сыра и налил себе стакан воды из стеклянного графина.

– Ты научился стильно одеваться, – продолжил Ливий, затягиваясь и выпуская дым через ноздри.

– Да. – Собеседник любовно погладил лацканы пиджака. – Статус обязывает.

– Наслышан. Как тебе корона? Достаточно бриллиантов? Не тяжеловата?

– Жизнь похожа колесо, Халиф. Сегодня ты наверху, но оно постоянно крутится. Если не

знаешь, как удержать позицию, рано или поздно окажешься на дороге в грязи. Когда-то ты был королем и правил достойно. Но твоё время ушло, и ты уступил место наследному принцу. Миру нужна свежая кровь.

– Я дал тебе работу, сукин сын. Ты сидел за моим столом, был самым желанным гостем в моем доме. Так ты меня отблагодарил? Сдал полиции?

Вернув пустой стакан на ковер, Фуад примирительно поднял руки.

– Давай будем честны друг перед другом, Ливий. За некоторое время до того, как угодить за решетку, ты... как бы это помягче? Слегка обнаглел. Ты только и делал, что жрал в три горла заморские фрукты и сладости, пил самые дорогие в мире вина, спал на шелковом белье и трахал бесконечных наложниц. А мы делали всю работу. Когда ты имеешь других, будь готов к тому, что кто-нибудь отымеет тебя. Что до полиции... – Он сделал неопределенный жест. – Скажем так: этот вопрос был вынесен на голосование, и решение приняли на основе мнения большинства. Ты не умеешь проигрывать, Халиф. Это твоя слабость. Смирись и будь хорошим мальчиком. Ты проиграл.

Ливий встал, поморщившись от боли в пояснице. Фуад поднялся навстречу. Халиф был выше собеседника почти на голову, но тот уверенно смотрел ему в глаза, расправив плечи и вздернув подбородок. Все можно решить прямо сейчас, не затягивая и не усложняя. Свернуть голову. Ударить в шею ножом, с ювелирной точностью найдя сонную артерию – одно из множества полезных умений, которые осваивает цепляющийся за жизнь заключенный. Но легкую смерть нужно заслужить. Сучонок достаточно старался для того, чтобы у него отняли это право.

– Мне нужны деньги, сынок. Уверен, по старой дружбе ты подкинешь мне работенку.

Глаза Фуада потемнели. Мысли смертных Халиф читать не умел и не нуждался в этой способности: все, о чем думали люди, было написано у них на лице. Человек, которому он когда-то доверял, как самому себе, пытался принять решение, но в уравнении насчитывалось слишком много неизвестных. Наконец Фуад расплылся в довольной улыбке и протянул руку для того, чтобы похлопать Ливия по щеке, но он сделал шаг назад и наклонился, туша недокуренную сигарету.

– Тюрьма хорошо повлияла на тебя, Халиф. Смирение – это добродетель, и она украшает любого. Надеюсь, ты не слишком страдал от сексуальных домогательств других заключенных? Расслабился и отдался процессу, получая удовольствие?

– Увы, мы не сошлись в предпочтениях. Я люблю долгие прелюдии, а они чересчур нетерпеливы. Пару-тройку раз мне пришлось поставить кое-кого на место и посидеть за все хорошее в одиночной камере. На этом проблемы закончились, и я наслаждался покоем и уважением.

Фуад расстегнул пуговицу на пиджаке и наклонился для того, чтобы взять с блюда еще одну лепешку.

– А знаешь, что во всем этом самое любопытное, Халиф? Тебя не было здесь хреновых десять лет, но кое у кого при упоминании твоего имени до сих пор трясутся поджилки. Они произносят его шепотом, так, будто ты появишься из воздуха и вспорешь кому-нибудь живот. – Он поднял указательный палец. – Но скоро они увидят, что ты работаешь на меня, и все поймут.

Ливий почтительно склонил голову.

– Жду твоего решения.

– Присмотрю тебе квартиру. Не хочу, чтобы ты ютился в этой дыре, да еще и в компании

дешевой шляхи. В конце-то концов мы друзья.

Фуад сделал несколько шагов к двери и добавил, полуобернувшись:

– А, и еще кое-что. Извини за Эоланту. Окажись она послушной девочкой, мы бы поимели ее разок-другой и отпустили в целости и сохранности. Но у тебя что ни баба – так ведьма, Халиф, уж не знаю, каким шестым чувством ты их выбираешь. Им бы ошейник с шипами и на цепь посадить, а не спать в одной постели с мужиком.

– Король выбирает женщину себе под стать, сынок, и знает, как с ней обходиться. В противном случае ему нужно думать не о троне, а о теплом молочке, которое приносит кормилица.

– Тунисские работорговцы, которым я ее отдал, разберутся. А тебе, Халиф, я бы посоветовал выбирать слова. Ты живешь в моем городе и собираешься на меня работать.

Ливий сел на ковер и положил под спину пару подушек.

– Вижу, что мастер, изготовивший тебе корону, перестарался и сделал ее слишком тесной. Мозг функционирует не так хорошо, как следовало бы. – Он вытянул ноги и прикрыл глаза. – Если ты решил, что я буду на тебя работать, ты заблуждаешься. Если ты думаешь, что я безропотно проглочу все, что ты мне сейчас сказал, ты серьезно заблуждаешься. А если ты веришь в то, что это твой город, ты полный идиот.

Фуад расхохотался.

– И что же ты сделаешь, Ливий? Все, чем ты когда-то владел, принадлежит мне. Я мог бы предположить, что ты захочешь отнять это, но не вижу войска за твоей спиной. Прежний Халиф прирезал бы любого за пару неуважительных слов, а ты даже не достал нож.

– Ума у тебя так и не прибавилось, сынок. Все должны делать свое дело. Солдат воюет, полководец руководит сражением, а император сидит в замке, изредка обращаясь к войску со стен с напутственными речами. Если солдат надевает мантию властителя, империя обречена. Иди, иди. Как бы молочко не остыло.

Тара появилась на крыше через несколько минут после того, как Фуад удалился, кипя от злости. Ливий сидел без движения, не открывая глаз, и пытался сосредоточиться на обдумывании сложившейся ситуации, но мысли то и дело переключались на другое. Он может вернуть себе и деньги, и власть, и людей, но Эоланта потеряна навсегда. Эта женщина без раздумий пускалась в любую авантюру, наплевав на законы. Носила лохмотья и спала на голом полу, когда Халиф с трудом наскребал денег на скромный ужин. Одевалась в меха и обставляла их алжирский дом шикарнейшей мебелью, когда дела пошли в гору. Его люди называли ее «Эоланта-султана», и она в полной мере оправдывала свой титул. Высокая статная красавица с копной иссиня-черных кудрей, сияющей молочно-белой кожей и янтарными глазами, воскресшая воительница древности. Королева с характером львицы, из-за которого они с Ливием часто и бурно ссорились, но всегда засыпали в одной постели.

Всем, чего Халиф добился за эти годы, он был обязан Эоланте. Она поддерживала его, когда он боролся за свое место под солнцем. Не отходила ни на шаг, когда он думал только о следующей дозе морфия, с которым слишком близко подружился в тунисской тюрьме. Эоланта знала о нем все, хранила самые постыдные секреты, была рядом в минуты слабости и триумфа. Он мог попытаться найти ее, но вряд ли она осталась в живых. Работорговцы любят послушных женщин и умеют ломать тех, кто сопротивляется их воле. Ливий и сам это умел, но подобных Эоланте уже встречал. Они режут вены, пьют яд, выпрыгивают из окон – но сломать себя никому не позволяют.

– Трупов не видно. Дружеская встреча прошла хорошо?

Халиф дернулся, как от удара плетью по лицу. Эльфийка ойкнула, чудом удержав принесенный стакан с кофе.

– Не подкрадывайся ко мне со спины.

– Извини. Вот кофе. Сахар я не положила, так что...

– У тебя есть машина?

– Нет. Могу одолжить у Хадиджи. Но за бензин придется заплатить. Куда поедem-то?

Далеко?

– Около часа пути отсюда. Навестим моего приятеля.

– Посреди ночи? – с сомнением изогнула брови Тара.

– Старые друзья иногда приходят в неурочный час, особенно если они десять лет просидели в тюрьме.

Глава четвертая. Сезар. Прошлое

1958 год

Багдад, Ирак

– Я думала, последняя шахга, где добывали зеленые алмазы, закрылась три века назад.

– Будем считать, что я нашел одну из них и выкопал камни собственными руками ради тебя. Но на самом деле я достал их у знакомого ювелира, который торгует редкими драгоценностями.

– Спасибо, милый. Колье чудесно.

Эльдара погладила подушечками пальцев сине-зеленые камни в оправе из темного золота и повернулась к стоявшему за ее спиной Сезару.

– Когда придет твой гость?

– С минуты на минуту. Я уже говорил, но повторю: ты не обязана это делать.

– Такова традиция, верно? Женщина хозяйина подносит вино важному гостю. Она одета скромно, не смотрит в глаза и являет собой пример послушной мусульманской жены.

– Аднан – не мусульманин, а мы пусть и на востоке, но имеем право выбирать, каких традиций придерживаться. Ты не должна подносить кому бы то ни было вино. Это унижительно.

Женщина взяла его под руку.

– Люди унижают себя сами, – мягко сказала она. – Вино можно подносить с видом служанки или с видом королевы. Даже если на тебе скромная одежда, и ты не смотришь мужчинам в глаза.

– Ты права, мой свет.

– Боишься, что я ему понравлюсь, и он меня украдет? – улыбнулась Эльдара. – Он работороговец, не так ли? Говорят, они тащат все красивое, что плохо лежит. Как сороки.

– У него две жены, и третьей в ближайшее время он обзаводиться не планирует.

Она склонила голову, будто прислушиваясь к мыслям, и приложила ладонь мужа к своему животу.

– Ему не нравятся такие разговоры. Вот увидишь – он вырастет настоящим дикарем, который будет кидаться с ножом на каждого, кто плохо говорит о женщине. Или, не дай бог, поднимет на нее руку.

Сезар наклонился к ней и поцеловал в лоб.

– Почему ты думаешь, что это мальчик?

– Мне снятся сны, – с мечтательной улыбкой ответила Эльдара. – Волосы у него будут золотыми, как у меня. А глаза – янтарными, как у тебя. Я вижу его почти каждую ночь. Он гуляет по цветущему саду и звонко смеется. И говорит, что ему не терпится посмотреть на этот мир.

– Все хотят посмотреть на этот мир. А потом понимают, что он уродлив и несправедлив. На каждую минуту любви приходится год ненависти, а на каждую минуту счастья – десятилетия горя и боли.

– Зачем ты так говоришь? Это неправда!

– Это правда. И каждый раз, видя детей, я думаю о том, имеем ли мы право давать им жизнь. Приводить их в мир, где люди убивают других только потому, что чей-то бог якобы истинный, а чей-то – нет, и где все лгут, от политиков и дипломатов до тех, кого ты считаешь

друзьями.

Тяжело вздохнув, Эльдара опустила на стул возле туалетного столика.

– Ты сможешь научить его быть сильным.

– Тот мир, в котором живу я, еще более уродлив, чем мир с общепринятыми законами и правилами. Надеюсь, он не захочет повторить мой путь.

– Но ты так хотел наследника...

– Каждый мужчина хочет наследника. Сотысячный способ потешить свое эго. Похвастаться перед друзьями послушным мальчиком, который прекрасно учится, играет в шахматы и побеждает во всех соревнованиях. А потом идет на войну и умирает за чужую правду. В лучшем случае. А в худшем возвращается оттуда и до конца своих дней шарахается от каждой тени. Я повидал таких мальчиков, можешь мне поверить, и знаю, о чем говорю. Их отцы говорят о том, что сыновья были героями, но какой толк от слов, если сыновей нет в живых? Я не собираюсь учить своего сына быть сильным. Я хочу, чтобы он был мудрым и осторожным и как можно чаще прислушивался к голосу здравого смысла. Чтобы он понимал, когда нужно отступить, а когда достать оружие. И чтобы он был достаточно умен для того, чтобы делать последнее пореже.

– Дети учатся на примере родителей, а не на основе их советов.

– Тогда твой муж будет подавать твоему сыну плохой пример.

Эльдара открыла пудреницу и взяла большую пушистую кисть.

– Нашему сыну, – уточнила она. – И твоему наследнику, что бы ты ни говорил. Что этот глупый серый мир, населенный трусливыми законопослушными гражданами, может противопоставить твоему миру, яркому, притягательному, полному соблазнов и легких денег? Миру, в котором живут по правилам дикой природы: сильный получает все, а слабому не достается ничего? Как ты думаешь, какой мир он выберет, глядя на тебя? Окончит университет и станет клерком, будет горбиться за печатной машинкой до конца жизни? Или захочет носить дорогие костюмы, покупать своим женщинам бриллианты и каждый день доказывать окружающим свою силу? Молчи, Сезар. Я не хочу слушать.

– Я не тащил тебя под венец силком. Ты сама сказала мне «да». И знала, на что идешь.

– Надеюсь, месье Саркис не слишком рассердится, если я нарушу восточную традицию и не поднесу ему вино. Сегодня вечером мне хочется побыть одной.

Впервые Сезар увидел Аднана Саркиса несколько лет назад. То был высокий смуглокожий мужчина, которому, как сказали бы смертные, не так давно перевалило за сорок: лицо до сих пор кажется молодым, но призрак увядания уже подошел вплотную и заглядывает через плечо. Иссиня-черные волосы с легкой сединой Аднан стриг коротко, почти по-военному, одевался с элегантно небрежностью – стиль, который могут позволить себе только очень богатые, потому что им удастся балансировать между вычурной роскошью и лохмотьями – и говорил по-арабски с мягким приятным акцентом. Он всегда был предельно вежлив и обходителен, мог поддержать любую беседу, но одна деталь его облика настораживала Сезара. Золотисто-карие глаза, казавшиеся чересчур неподвижными и пустыми для красивого благородного лица с живой мимикой. Привычка Аднана смотреть в упор, не мигая, заставляла не готового к такому испытанию собеседника ерзать на месте и чувствовать себя бабочкой, которую вот-вот проткнет иголкой увлеченный коллекционер. Так смотрит тот, в ком давным-давно не осталось даже тени эмоций, будь то радость или горе. Внутри лишь пустота. Но в пустой кувшин, как известно, можно налить больше вина, чем в

полупустой или полный. Иногда мудрость заключается в том, чтобы позволить себе опустеть.

– Ваш повар – настоящий кудесник, – похвалил Аднан, откладывая вилку. – Лазанья великолепа. Я не раз бывал в Италии, но такого восхитительного блюда еще не пробовал.

– Благодарю. К слову, он француз. Родился в крохотной деревеньке без имени и начал осваивать кулинарное искусство с шести лет. Говорит, что другие дети мечтали стать врачами или солдатами, а он мечтал только об одном: изучить лучшие рецепты всех кухонь мира в совершенстве, чтобы потом изобрести собственные блюда. И они превзойдут все, что до этого попадало на чью-то тарелку.

– Он темный эльф?

– Как ни странно, смертный, пусть и с примесью темной крови. Вроде мать у него светлая эльфийка. Или отец. Еще вина?

Аднан кивнул, и Сезар наполнил бокал гостя.

– Янтарное. Откуда вы его взяли? У вас есть виноградники?

– Это подарок отца. Он присылает ящик янтарного вина на именины каждого из своих детей.

– Кого нужно поздравить?

– Кантару, младшую из моих сестер.

Гость с улыбкой поднял бокал вина.

– Пусть первые боги даруют прекрасной леди Кантаре долгие дни и удачу в любви.

– В любви она и без того чересчур удачлива. Поклонников столько, что можно собрать целую армию и с ее помощью захватить всю Европу.

– Но только не сердце вашей младшей сестры?

Сезар улыбнулся и позвонил в серебряный колокольчик.

– Несите сладкое, – сказал он появившейся в столовой служанке.

– Да, господин.

– Если моя сестра и собирается замуж, – обратился хозяин дома к Аднану, – то после следующей смены темных веков.

– А та, что постарше? Вы уже подыскали ей супруга?

– Эоланте? Про таких в древности говорили «женщины от крови первых богов сами выбирают себе мужчин».

Аднан сделал еще один глоток вина, вернул бокал на стол и приложил к губам салфетку.

– Жаль, что ваша супруга не почтила нас своим присутствием.

– Она решила провести вечер в одиночестве. Беременность дается ей тяжело, а мысли о трех пережитых выкидышах настроения не улучшают.

– Долгожданный ребенок. У вас уже есть дети, не так ли? От первой жены? Я помню, вы приезжали ко мне вместе.

– Да. Две девочки, близняшки. Они учатся во Франции, приезжают домой на каникулы.

Служанка поставила на стол два тирамису в хрустальных стаканах и шоколадный пирог.

– Господа пожелают кофе? – спросила она.

– Крепкий и без сахара, – кивнул Аднан.

– Господин? – посмотрела служанка на Сезара.

– Воды с лимоном, пожалуйста.

Гость взял миниатюрную ложечку и принялся за тирамису.

– Простите, что говорю с набитым ртом, но в жизни не ел ничего вкуснее. Еще немного

– и я переманю вашего повара к себе.

– Я готов расстаться с ним, если это укрепит нашу дружбу.

– Ваша первая жена была очень красивой женщиной, – вернулся к прежней теме Аднан. – Воспитанной. Настоящей леди. Почему вы расстались?

– Она покончила с собой через полгода после рождения детей. С темными эльфийками такое часто случается. Послеродовая депрессия. Говорят, что первые боги не просто так даровали им узкие бедра. Они пришли в этот мир для того, чтобы быть воинами, а не матерями.

– Примите мои соболезнования.

– С тех пор прошел не один год, я почти не думаю о ней. Вряд ли я когда-нибудь ее забуду, но это осталось в прошлом. Она подарила мне дочерей. О большем я не мог и мечтать. На этом мы закончим обсуждение моей личной жизни и перейдем к обсуждению дела, ради которого я вас пригласил.

Мужчина, которого в половине стран Ближнего Востока называли восточным королем работорговцев, с обстоятельным видом доел тирамису, принял из рук вернувшейся служанки крохотную чашку кофе и улыбнулся.

– Излагайте, Сезар.

Хозяин дома сохранил спокойное выражение лица.

– По моей вине сорвалась крупная сделка, которую ваши люди пытались организовать не один месяц.

– В чем заключается ваша вина?

– Вы шутите, Аднан? – не выдержал Сезар. – Я уверен, что вам доложили подробности!

– Я хочу услышать вашу версию, – ответил гость, принимаясь за шоколадный пирог.

– Ливий Хиббинс нашел клиента, который пожелал купить крупную партию героина.

Мы не успели заменить сотрудников таможни нашими людьми, но он все равно повез товар через границу.

– Что значит «крупная партия»?

Сезар сделал глоток воды и посмотрел на лужицу под шариком ванильного мороженого, которым был украшен пирог.

– Десять килограмм.

– Итак, Ливий потащил через границу десять килограмм героина, зная, что шансы на успех фактически нулевые. До сих пор не понимаю, в чем заключается ваша вина.

– Я мог его отговорить.

Аднан медленно вернул ложечку на тарелку.

– Вы близко дружите с Ливием?

– Он гостеприимный хозяин и интересный собеседник. В остальном наше общение ограничивается деловой сферой.

– Расскажу вам, как мы познакомились. Нас представил друг другу Умар, мой старший брат. Они с Ливием встретились в тюрьме, когда тот отбывал свой первый срок. Приводит его Умар и говорит: «Смотри, какого мальчика я для тебя нашел. Из него выйдет толк». Ливий тогда был совсем пацаном: худой, как щепка, одет в лохмотья, волосы до плеч, мордашка смазливая, как у девки. Я сперва подумал, что братец решил надо мной подшутить. И говорю Ливию: «Ну, малыш, кое-где шепчутся, что ты хочешь стать королем?». А он смотрит мне в глаза без тени улыбки и отвечает: «Нет. Я уже король». Брат расхохотался и уточнил: «Ты на востоке, приятель. Королей тут нет, только халифы». Ливий сказал, что этот титул его

устроит. Через несколько недель так к нему обращались все. Сперва смеялись, но быстро поняли, что с парнем шутки плохи. Я на своем веку встречал упрямых ребят, но такого безумца Великая Тьма мне еще не посылала. Кто-то уклоняется от ударов судьбы или опускает голову, а Ливий бьет ее в ответ. Получает за это по лицу и бьет снова, в два раза сильнее. Вы думаете, у вас получилось бы его разубедить?

Под внимательным взглядом Сезара Аднан снова взял ложечку и вернулся к пирогу.

– Я слышал, вы хотите сделать его своим преемником.

– Возможно.

– Я не смогу вернуть вам потерянные деньги, но могу помочь ему выйти из тюрьмы.

Моя сестра...

– ... работает старшим надзирателем, мне это известно. Она готова рискнуть должностью и свободой, а, может статься, и жизнью ради спасения незнакомого мужчины, пусть и вашего друга?

– Это будет непросто, но она сделает все, что от нее зависит. И даже чуть больше.

– Вы благородный мужчина, Сезар. Когда-нибудь это сыграет против вас.

За столом воцарилось тягостное молчание. Аднан доел пирог, отставил тарелку и откинулся на спинку стула, допивая кофе.

– У меня двое сыновей, – заговорил он. – Изнеженные дети, которые вряд ли смогут зарабатывать на жизнь самостоятельно в ближайшем будущем – разве что если произойдет чудо. Они так послушны, так покорны моей воле, что порой меня тошнит. Ливий – мой третий сын, хотя между нами нет кровного родства. Тот сын, о котором я всегда мечтал – и которого так и не смог воспитать. Упрямый дерзкий мальчишка с дрянным характером, убежденный в том, что ему по праву рождения принадлежат оба мира, и каждую минуту думающий только о том, как поскорее обрести эту власть. – Аднан сделал последний глоток и с задумчивым видом заглянул в чашку. – Таких детей, Сезар, можно воспитать только одним способом. Как можно раньше научить их тому, что такое ответственность. За себя и за других. А ответственность, друг мой – это наказание, которое следует за проступком. Ливий сидит в тюрьме не впервые, и вряд ли этот срок будет последним в его жизни. Не мешайте ему получать необходимое воспитание.

– То есть... вы не хотите, чтобы Эоланта ему помогла?

– Она может испечь для него домашний пирог. Хотя, если верить слухам, Ливий вскоре сам испечет для нее пирог с почками Гасана Хабиба. Мальчик он самостоятельный и может защитить не только себя, но и других.

– Вы не хотите навестить его? Я могу это устроить.

– Если вы поставили ребенка в угол и бегаєте к нему каждые пятнадцать минут, в наказании нет никакого смысла.

– Вы правы. Еще кофе?

Глава пятая. Ливий. Настоящее

Весна 1977 года

Алжир

Остановив машину возле хлипкого забора, окружавшего дом Насира, Ливий достал ключи из зажигания и посмотрел на темные окна. Жилым маленькое одноэтажное строение не выглядело, но за десять лет здесь ничего не изменилось. Высохшая трава, разбросанный повсюду мусор и атмосфера полного опустошения. Большую часть времени Насир проводил либо в разъездах, либо в доме Халифа, и у себя почти не появлялся.

– Круто, мы приехали в дом с привидениями, – прокомментировала сидевшая по правую руку Тара. Она жевала орехи из бумажного пакета и смотрела в окно. – Надеюсь, это не твой королевский замок? В принципе, выглядит неплохо, если устроить генеральную уборку.

– Ты знаешь, где живет Фуад?

– Понятия не имею. И не уверена, что хочу это изменить, особенно после вашей сегодняшней встречи.

– Я пообещал, что с тобой ничего не случится. Ты мне доверяешь?

Эльфийка поперхнулась орехом и закашлялась.

– Ты серьезно? Нет, я просто хочу понять: ты шутишь или как? – спросила она, прочистив горло. – Я встретила тебя вчера вечером, мы приятно провели время и даже перекусили вместе, а ты уже напридумывал неизвестно что. Как я могу доверять незнакомому мужику, который, помимо всего прочего, отсидел десять лет за работоторговлю? Судя по тому, как к тебе обращался Фуад, раньше ты был не самым последним парнем в этом городишке, но хорошие времена прошли. У тебя нет ни квартиры, ни машины, ни денег. Нет даже нормальной одежды. Не обижайся, но я бы не рискнула назвать тебя властелином своих эротических грез. Мы прокатились до пригорода, утром вернем тачку Хадидже и расстанемся так, будто друг друга не знаем, окей? Я верну деньги, мне они без надобности, сама заработаю.

– Можешь валить хоть сейчас. Я тебя не держу.

– В смысле, ты уже передумал насчет боевой подружки? Даже не попытаешься меня удержать? Кстати, кто такая Эоланта?

– Мамочка не объясняла тебе, что подслушивать нехорошо?

– Я хочу знать!

– Я тоже много чего хочу. Ну как, уходишь? Если хозяин этого дома не уехал, это твой последний шанс выпутаться из криминальной истории. Продолжишь прятать голову в песок, делая вид, что проблем не существует.

Эльфийка гордо вздернула подбородок.

– Вот уж нет. Я остаюсь!

– Тогда сиди здесь. Я сейчас приду.

Ливий вышел из машины, приблизился к калитке и тихо свистнул. Минутой позже в одном из окон вспыхнул тусклый свет, дверь распахнулась, и на пороге появился Насир с фонарем в руке. Он вышел на заваленную мелкими сучьями дорожку, чертыхаясь, проделал путь до забора и ахнул, увидев гостя.

– Халиф! Это ты? Это правда ты?!

Не дожидаясь ответа, хозяин дома отодвинул ржавый шпингалет, удерживающий

калитку, и открыл ее, поморщившись от душераздирающего скрипа петель. Как и следовало ожидать, внешне он не изменился: юный темный эльф с длинными, почти до плеч, каштановыми волосами и обманчиво мягким и задумчивым взглядом черных глаз. Насир выключил фонарь и сунул его в задний карман джинсов.

– Боги, ты мне не снишься! Ты жив! Свободен! Наконец-то... я возносил молитвы каждую ночь, и они были услышаны!

– Что за сантименты, сынок? Мы виделись не так давно. Что такое десять лет при учете того, что Великая Тьма создала нас почти бессмертными?

Насир крепко обнял Халифа, похлопав по спине, а потом выпустил друга из объятий и отошел на пару шагов.

– Ты совсем исхудал. Хреново там кормят, да? Ну да неважно, все позади. Скажи, что тебе нужно? Деньги. Да. Первым делом тебе нужны деньги. А потом...

– С деньгами я разберусь сам. А вот квартира не помешает.

Эльф уставился на Ливия так, будто тот свалился с луны.

– Квартира? – уточнил он полным отвращения тоном. – Ты не хочешь вернуться домой?

– Домой? – в свою очередь не понял Халиф.

– Домой, – улыбнулся Насир. – На виллу. Ты же не думаешь, что я бросил ее? Или, не приведи первые боги, отдал козлу Фуаду?

– Он хотел ее забрать?

Помощник Ливия в сердцах сплюнул в дорожную пыль.

– Хотел, да не вышло. Ходил, как лиса вокруг курятника, улыбался, предлагал деньги. Обещал мне золотые горы. Третью прибыли. Половину города. Говорил, что сделает правой рукой. А я ему сказал, что правая рука у него уже есть, и она помогает ему в те моменты, когда очередная шлюха показывает средний палец. Натравил на меня Азима, представь себе. Азим, с которым мы когда-то пили за одним столом, явился ко мне с ножом! Я переломал ему все ребра, а потом перерезал горло. И отослал его правую руку Фуаду. Может, пригодится. – Насир наставил на себя указательный палец. – Я сказал этой сволочи, что работаю на Халифа – и буду работать на него даже в том случае, если он просидит в тюрьме еще целый век. Ты подобрал меня на улице. Научил всему, что я знаю. Благодаря тебе я стал мужчиной, который отвечает за свои слова и решает свои проблемы сам. Это для меня дороже всех денег в двух мирах. Кто-то продается – и это его выбор. А я не продаюсь.

Халиф протянул эльфу руку, и тот крепко пожал ее.

– Спасибо, сынок. Это лучшее, что я услышал за последние сутки. Кто остался с тобой?

– Нас мало, – вздохнул Насир. – Человек десять-пятнадцать. Многие ушли к Фуаду, и я не могу их осуждать. Им нужно на что-то жить, кормить жен и детей, а я одинок и справляюсь сам.

– Десять-пятнадцать человек – это больше, чем ноль.

– Ты прав. Теперь ты вернулся, и все будет иначе. Вот только... – Он отвел глаза. – Они увели Эоланту. Прости, я не смог им помешать. Я был один против пятерых. Если бы...

Ливий успокаивающе потрепал его по плечу.

– Что было – то было. Прошлого не вернуть.

– У тебя есть распоряжения?

– Целых два. Во-первых, я хочу, чтобы ты собрал военный совет. У тебя есть сутки. Навести всех, кого нужно, и пригласи их ко мне. Если почувешь в ком-то сомнение, скажи, что я лично явлюсь к нему и убью. Как кровного врага или как того, кто теперь работает с

Фуадом. Что, в принципе, одно и то же. Все мои люди знают, что я могу простить все, помимо предательства.

Эльф решительно закивал.

– Еду прямо сейчас. А второе?

Халиф достал из бумажника маленькое фото и протянул его Насиру.

– Я хочу, чтобы ты нашел этого мужчину. В последний раз мы виделись в Штатах чуть больше десяти лет назад. Тогда его звали Владимир Ковалев, он занимался финансовыми махинациями. Высокий, около ста девяноста сантиметров, каштановые волосы с золотыми отливом, светлая кожа, темно-синие глаза. Он обращенный, но внешность предпочитает не менять, женщинам она нравится. Последний бл... то есть, бабник со стажем. Думаю, он живет в Европе, скорее всего, в большом городе. Там, где много красивых женщин и денег. Может, он финансист, или юрист, или крупный бизнесмен в сфере недвижимости.

Насир бросил беглый взгляд на снимок и спрятал его в передний карман джинсов.

– Будет сделано. Что ему сказать?

– Передай, что Халиф ждет коды своих швейцарских счетов и с каждым днем промедления лишает девственности очередную темнокожую наложницу, которую для него приберег. Шучу, шучу, сынок. Парень он темпераментный и может отрезать тебе язык за упоминание про наложниц. Скажи, что я хочу получить коды, это все. И достань мне нормальную машину. Я не могу катать даму на такой развалине.

Тара сидела на капоте и смотрела на звезды. Поймав взгляд эльфа, она лучезарно улыбнулась и помахала ему рукой.

– Привет, красавчик!

– Это моя подруга Тара, – представил Ливий.

Насир пристально оглядел женщину.

– Совсем не похожа на Эоланту-султану, – вздохнул он. – Но тоже красивая.

– Может, заодно и поимеешь ее, чтобы всесторонне оценить? Не припомню, чтобы я просил у тебя одобрения. Давай ключи. Я еду домой.

На месте знакомой виллы Халиф ожидал увидеть опутанный зеленью дом с запущенным садом, но открывшееся взгляду зрелище его так поразило, что он на мгновение отпустил руль и чудом не съехал в придорожную канаву. Все выглядело так, будто он вышел из этих ворот вчера. Чисто выметенная подъездная дорожка, подстриженные деревья в саду, журчащие струи в мраморных фонтанах, склоняющиеся над скамейками ветки апельсиновых деревьев.

– Ну, а как тебе этот замок? – спросил Ливий у Тары, когда они шли по саду к парадной двери. – Ничего? Сойдет?

– Охренеть, – после минутного молчания отреагировала эльфийка. – Тут кто-то живет?

– Нет. Мои люди десять лет ухаживали за ним, ожидая меня. Еды в холодильнике, разумеется, нет, но внутри, как я понимаю, ничего не тронули.

– И пылицы-то, наверное... – протянула Тара. – У меня аллергия на пыль! Как у мамы. Это наследственное.

В большой гостиной, вопреки ожиданиям спутницы Халифа, было кристально чисто. Хрусталь сверкал, на полированных поверхностях намеков на грязь не отыскала бы самая привередливая хозяйка. Ливий сделал круг по первому этажу, осмотрев кухню, библиотеку и гостевые комнаты, выглянул на большой балкон, с которого открывался вид на море, и поднялся вверх.

– Здесь еще одна гостевая комната, будуар и две спальни, гостевая и хозяйская. Куда заглянем в первую очередь?

– В хозяйскую спальню, конечно, – последовал очевидный ответ.

Халиф отпер нужную дверь маленьким ключом и жестом пригласил эльфийку войти.

– Ух ты, – протянула она. – Кровать с балдахином, персидский ковер! Шикарно! Еще немного – и я поверю, что ты король... а что там, за ширмами?

– Гардероб Эоланты. Бери все, что хочешь.

– Ты уверен? В смысле... это нормально, что я надену ее одежду? Воспоминания и все такое?

– Ей она уже не понадобится.

Тара юркнула за ширму. Ливий присел на кровать и оглядел лежавшие на невысоком медном столике вещи. Стопка любовных романов, вычищенный мундштук, черепаховый гребень, баночки, применение содержимого которых знают только женщины, крохотная бутылочка французских духов. Он поднес к носу небрежно брошенные поверх книг лайковые перчатки, вдохнул знакомый запах и прикрыл глаза.

– У Эоланты отличный вкус, – похвалила из-за ширмы эльфийка. – Взгляни, как тебе?

Она подошла к большому зеркалу и всмотрелась в свое отражение. Длинное платье из пестрого иранского шелка сидело на ней ладно, хотя Эоланта была выше на несколько сантиметров, чуть шире в бедрах и уже в плечах.

– Прекрасно.

– Там есть еще одно, изумрудное... и коралловое, и малиновое! Я бы забрала все!

– Забирай.

Тара сделала несколько шагов к кровати и, остановившись возле столика, взяла из рук Халифа перчатки.

– Послушай, я серьезно. Я не хочу делать тебе больно. Можно оставить эти платья здесь. Или запереть в какой-нибудь сундук. Я не знаю, что с ней случилось, но тебе нужно время для того, чтобы с этим справиться. И вряд ли другая женщина в ее одежде поспособствует терапии.

– Это осталось в прошлом. Я привязался к ней, хотя знал, что моя жизнь не располагает к постоянным отношениям. Она была мне очень дорога. Мы через многое прошли вместе. У нее было много подруг, и она с радостью отдавала им свою одежду. Представь, что ты ее подруга.

Эльфийка вернула перчатки на столик.

– Я могу сказать, что ее грудь в два раза больше моей, и это меня расстраивает?

– Ты это уже сказала.

– Тебе нравятся женщины с большой грудью?

– В том числе.

– А с маленькой? Как моя?

– Тоже.

– Но маленькая грудь тебе нравится больше, верно? Она ложится в ладонь. Очень удобно.

Ливий улыбнулся и встал с кровати.

– Сварю кофе и буду ждать тебя на балконе.

Глава шестая. Эоланта. Прошлое

1962 год

Багдад, Ирак

– Садись. Нам нужно поговорить.

Начальник тюрьмы указал Эоланте на кресло возле своего стола, и она приняла приглашение. На столе Леона лежало несколько докладных, отпечатанных на машинке, и папка с досье. Женщине не нужно было смотреть на ее обложку – она уже знала, чье имя там значится.

– Слушаю.

– Надеюсь, твой отпуск прошел хорошо.

– Да, все было славно. Мы с девочками ездили на море и пили шампанское, любуясь закатом.

– Рад, что ты отдохнула. А я в это время занимался твоими мальчиками. Находящимися по обе стороны решетки. – Он выдержал драматическую паузу. – Хочешь узнать последние новости?

Вместо ответа Эоланта коротко кивнула. Леон показал ей докладные, помахав ими в воздухе.

– Пять шгук. И все – на имя Ливиана Хиббинса. Ссора с надзирателями, еще одна ссора с надзирателями, ссора с заключенным, еще одна ссора с надзирателями. И – на сладкое. Он отправил Гасана Хабиба в лазарет.

– В третий раз, – уточнила Эоланта.

– В третий раз за четыре года заключения этот худосочный слюнтяй избивает главаря тюремной банды на глазах у надзирателей и заключенных, а они знай себе хлопают в ладоши и одобрительно насвистывают. Ты должна провести воспитательную беседу.

– С надзирателями, с Гасаном Хабибом или с Ливианом Хиббинсом?

– Не дерзи мне, Эоланта. Я тепло отношусь к тебе, но остаюсь твоим начальником. И начальником этой тюрьмы. Я прошу – нет, я требую – чтобы мои заключенные перестали избивать друг друга, а надзиратели нашли свои потерянные яйца. Ты хорошо меня поняла?

Женщина взяла предложенный портсигар, но в последний момент передумала и закуривать не стала.

– Что он сказал ему теперь?

– Кто и кому? – раздраженно переспросил Леон.

– Что Гасан сказал Ливию.

– Как ты его назвала? Ливий? Четыре года назад, когда он попал в тюрьму, ты говорила «заключенный номер D-489». Каждый раз, когда ты вспоминаешь его – а мы делаем это ох как часто – на твоем лице появляется дурацкое выражение растерянности. Еще немного – и я подумаю, что ты влюблена.

– Ты ревнуешь?

Начальник тюрьмы медленно поднялся из кресла и скрестил руки на груди.

– К заключенному? Я ревную тебя к заключенному? Я знаю, что ты не глупа, но порой ты кажешься мне полной дурой. Такой же, как девочки, которых ты опекаешь и кормишь на своей вилле, как домашний зверинец. В противном случае ты не могла бы позволить себе даже намек на мысль о том, что я буду ревновать тебя к этим отбросам.

Эоланта взяла досье, открыла его на первой странице и посмотрела на фото. Благодаря Сезару, которого она расспрашивала с вежливой осторожностью – вряд ли ей удалось его обмануть, но особого значения это уже не имело – в ее руки попало огромное количество сведений о заключенном номер D-489. Брат рассказал, что по происхождению он итальянец, родился в аристократической семье, получил великолепное образование и уехал из дома в юном возрасте. У Ливия была старшая сестра Альвис, ныне проживающая в закрытой лечебнице в Восточной Европе, младшая сестра Эльруния, легкомысленная девица, путешествующая по миру и живущая за счет мужчин, и младший брат Анигар, сменивший имя на звучавшее более современно «Андре», убийца и серийный насильник, успевший отсидеть два пожизненных срока.

Отец семейства, некогда – состоятельный бизнесмен, растративший все деньги до последней монеты, конечно же, видел в старшем сыне наследника. Старшие дети в семьях темных эльфов страдают больше прочих, так как им с раннего детства внушают понятия о долге и начинают посвящать в деловые тонкости. Отец для воспитанного в таких традициях мальчика является чуть ли не богом, и боль, которую они испытывают, когда жизнь разбивает стены их хрустального замка, порой оказывается невыносимой. Любой другой на месте Ливия бросил бы сестер и брата на произвол судьбы, но он продолжал содержать их. Ничего удивительного в том, что он попал в криминальный мир, не было. Большие деньги, большие возможности, миллион шансов доказать обоим мирам, чего ты на самом деле стоишь. Парень, который мог бы приносить пользу людям, если бы карта легла иначе.

Эта история почти дословно повторяла историю Сезара, но брат до сих пор балансировал на тонкой грани между болотом, куда рано или поздно затягивает преступная жизнь, и той жизнью, где его держали жена, дети и сестры. А как далеко успел уйти Ливий, и сможет ли он вернуться назад? Сезар принес Эоланте маленький снимок, сделанный в уютном кафе. Заставленный винными бокалами и многочисленными тарелками стол, набитые окурками пепельницы, вышитые подушки и пушистые ковры. Брат держал кофейную чашку, Ливий сжимал в пальцах сигарету. Они смотрели в объектив фотографа и довольно улыбались, как мальчишки, получившие долгожданные велосипеды. Увидев снимок, Эоланта поймала себя на странной мысли: сероглазый мужчина с длинными ухоженными волосами и утонченным интеллигентным лицом в ее личном мире превратился из безликого заключенного номер D-489 в нечто большее.

Нет, конечно, она не влюблена. Такую глупость она бы себе не позволила. Но фото, хранившееся в одном из ящиков стола ее рабочего кабинета на вилле она доставала часто и внимательно изучала каждую деталь образа Ливиана Хиббинса. Ей хотелось услышать, как звучит его голос. Как звучит его смех. Она хотела, чтобы он посмотрел ей в глаза и произнес ее имя, даже если их будет разделять решетка. Между ними, незнакомцами, протянулась тонкая нить, крепнущая с каждой минутой. Порой Эоланта лежала в постели без сна и размышляла о том, какие ему снятся сны. Это походило на сумасшествие и пробуждало новые, пугающие и одновременно такие приятные чувства, что ей хотелось совершить что-нибудь по-настоящему безумное.

– Я поговорю с мальчиками, Леон. Обещаю: они запомнят этот разговор надолго.

Начальник тюрьмы улыбнулся и, перегнувшись через стол, потрепал ее по руке.

– Ты моя умница, Эоланта. Всегда удивлялся – и как тебе удается держать в страхе толпу не самых безобидных мужчин?

Потому что я – женщина от крови первых богов, а они испокон веков вели за собой

армии.

– У меня есть могущественный покровитель, у которого я научилась всему, что сегодня знаю, и которому обязана всем.

Стрела попала в цель, и Леон засиял, как начищенная монета из храмового серебра.

– Вот что я всегда хотел слышать от своей бывшей жены, но так и не услышал. Возможно, именно поэтому она превратилась в бывшую.

– Таким мужчинам, как ты, нужна особенная женщина, Леон. Амазонка, а не служанка. Королева, а не бытовая рабыня, которая моет посуду и подносит тебе кофе. Уверена, рано или поздно ты встретишь такую.

Как и ожидала Эоланта, глаза начальника тюрьмы заблестели от предвкушения. Эта крепость должна была оказаться более неприступной, с сожалением подумала она.

– Я уже ее встретил. – Леон торопливо обогнул стол, вновь взял женщину за руку и прижал ее пальцы к губам. – Ты моя королева и амазонка. И всегда была таковой. С того момента, как я увидел тебя. С той минуты, как я впервые взглянул в твои восхитительные янтарные глаза и влюбился без памяти. Хочешь узнать правду? Я расстался со своей женой не потому, что она мне надоела. Я понял, что ни одна женщина не сравнится с тобой, а терпеть рядом дешевых потаскушек я не собираюсь.

– Значит, я – дорогая потаскушка? – рассмеялась Эоланта.

– Нет, милая. Ты моя королева.

Для того, чтобы я была твоей королевой, не хватает самой малости – ты должен быть королем. Подумав об этом, женщина едва сдержала смех.

– Королеву ждут дела. Она может идти?

– Только после того, как согласится поужинать со мной сегодня. Я поведу тебя в лучший ресторан города. Тот, который любит твой брат.

– Это недешевый ресторан, – тонко улыбнулась Эоланта.

– Если мужчины не будут тратить деньги на женщин, то ради чего они их зарабатывают?

– Твоя правда. Можешь заехать за мной к девяти.

– Так поздно?.. – опешил Леон.

– Мне нужно время для того, чтобы привести себя в порядок. Сегодня я буду блистать. Разве ты не хочешь, чтобы на твою королеву смотрели все?

– Эо, ты окончательно сошла с ума? Не подумай, я ни на что не намекаю. Чисто спортивный интерес. Ты долго думала перед тем, как сотворить эту глупость?

Эоланта похлопала по ладони кисточкой для румян и легко тронула ей сперва одну, а потом другую щеку.

– Леон сказал, что я должна провести со своими мальчиками воспитательную беседу.

– Мне только кажется – или он имел в виду надзирателей?

– С ними побеседовали мои заместители. Самый лакомый кусочек я оставила для себя.

Кантара валялась на кровати, попивая шампанское, и не отрывала взгляда от стоявшей возле зеркала сестры.

– Хочу убедиться в том, что правильно поняла тебя, Эо. Ты якобы случайно остановилась возле камеры Ливия Хиббинса и якобы случайно заговорила с Селестой, которая явилась туда вместе с тобой. Ливий Хиббинс услышал это и спросил, может ли он шлепнуть тебя по заднице. Ты решила проверить его личные границы на прочность и узнала, что они значительно крепче его ребер.

– С надзирателями мужского пола он разговаривает более наглым тоном.

– То был эффект внезапности. Он не ожидал увидеть женщину. Какие выводы ты сделала?

– На месте Гасана Хабиба я бы боялась этого мужчины как огня. Если они сцепятся в четвертый раз, Ливий отправит его не в лазарет, а прямиком на кладбище.

Сестра широко зевнула.

– Ох уж эти игры взрослых мальчиков. Что-нибудь еще?

– У него очень приятный голос.

– Разумеется. Он и внешне ничего. Я видела его фото с Сезаром. Ну, то, которое ты хранишь в своем столе.

Эоланта, вставлявшая шпильки в прическу, замерла, поймав отражение сестры в зеркале. Та лениво пожала плечами.

– Ты копалась в моих вещах, мерзавка?!

– Не будь такой вредной! Я пришла в кабинет для того, чтобы поговорить по телефону в тишине. Мне понадобилась ручка. Говоришь так, будто я читала твой дневник!

– Не смей входить в мой кабинет без разрешения.

Кантара поднялась с кровати, подошла к зеркалу и тронула Эоланту за плечо.

– Извини, Эо. Честное слово, я не собиралась копаться в твоих вещах. Снимок лежал сверху, вот и все. Я увидела его чисто случайно.

– И откуда же ты узнала, кто на нем изображен?

– Ну, – сестра принялась накручивать на палец прядь волос, – спросила у Сезара. Говорю: что это за умопомрачительный красавчик рядом с тобой на фото, которое ты принес Эоланте? Он там совсем молоденький! В жизни не сказала бы, что такой парень будет толкать героин. И уж тем более заниматься работорговлей. Он же вроде работорговец, так?

– Говорят, – уклончиво ответила Эоланта.

Гениальный план начальника тюрьмы, страстно желавшего добыть компромат на заключенного номер D-489, провалился с громким треском. Во-первых, потому, что большую часть времени Ливий провел в одиночной камере – наказание, подразумевавшее полную изоляцию даже во время приемов пищи и часовых прогулок. Во-вторых, потому, что заключенный номер D-489, изредка появляясь «в обществе», говорил о чем угодно – но только не о преступном мире. Он обменивался с другими заключенными непристойными шутками, слушал истории из их жизни, но чаще всего отмалчивался, размышляя о своем. Спустя шесть месяцев Леон отчаялся и переключил свое внимание на более интересные дела. Ливий провел в стенах его тюрьмы четыре года, и, если бы не многочисленные жалобы надзирателей, месье Кадар забыл бы о нем окончательно.

– Признайся, Эо. Ты хотела увидеть его поближе.

– Да, – кивнула Эоланта, вставляя в прическу последнюю шпильку.

– Он тебе очень нравится.

– Да.

– И сегодня он в этом убедился. Ведь если женщина пару раз пнула тебя под ребра, а на сладкое полоснула по горлу кинжалом из храмового серебра, то между вами совершенно точно промелькнула искра.

Эоланта в очередной раз оглядела себя в зеркало, поворачиваясь то одним, то другим боком. Для сегодняшнего вечера она выбрала короткое облегающее платье из алого шелка, к которому планировала добавить кружевные перчатки и украшенные бриллиантами

босоножки на высоком каблуке, подарок давно забытого поклонника.

– Я выгляжу как шляха? – спросила она у сестры.

Кантара допила шампанское, поставила бокал на туалетный столик и спустя пару секунд кивнула.

– Ага. Только чулок с подвязками не хватает.

– Ты права. – Эоланта бросила взгляд на наручные часы. – У меня есть пятнадцать минут, чулки надеть успею.

– У тебя появился новый поклонник, а ты мне о нем ничего не рассказала?

– Я ужинаю с Леоном Кадаром.

Сестра так и застыла с открытым ртом. Подойдя к шкафу, Эоланта открыла маленький ящик и начала рыться в нем в поисках чулок.

– Что ты сказала? Леон Кадар? Какая муха тебя укусила?! Он же скучный разведенный мужик! И одеколон у него паршивый. – Кантара блаженно заулыбалась. – Вот от Ливия, наверное, пахнет в разы приятнее... Какой у него эмоциональный запах?

Эмоциональный запах, который так и кричит ей в оба уха: дура, остановись, пока не поздно, эта история закончится плохо. Стоило бы прислушаться к голосу разума и притормозить. Но вместо этого она упорно жмет на педаль газа, убежденная в том, что все правильно. Все происходит так, как должно происходить. Она слишком долго жила с полумертвым сердцем. Слишком долго пряталась под личностью женщины, которой на самом деле не является. И наконец-то встретила мужчину, у которого получилось ее разбудить.

– Я не хочу говорить об этом, Кантара.

– Милая сестрица, ты ведь не думаешь, что я тебя осуждаю? Я могу сколько угодно трещать о твоём сумасшествии, но как только начнется веселье – и я первой побегу за приключениями. – Сестра обняла Эоланту и прижалась к ее спине. – Посмотри на эту сногшибательную красотку в зеркале. Она влюблена, и это делает ее еще красивее. Я давно не видела тебя такой счастливой. Надеюсь, ты составила достаточно коварный план?

– Молчи, несчастная! Ты могла бы попытаться отговорить меня, но вместо этого потакаешь моим глупостям!

– Я – не отец и не матушка, чтобы отговаривать тебя, Эо. Ты приведешь его на виллу? Девочки должны посмотреть! – Кантара встрепелась, услышав приглушенный звонок в дверь. – О! Это Сезар.

– Сезар? – подняла брови Эоланта. – Ты не говорила, что он придет!

– Ну да, я пригласила его на ужин. Прости, забыла предупредить. Интересно, он столкнулся с Леоном? Обожаю, когда мужчины устраивают эти сцены со злобными взглядами! Бегу открывать, а то все пропущу.

Оставшись в одиночестве, женщина подняла телефонную трубку, набрала центральный номер тюрьмы и попросила перевести звонок в лазарет.

– Доктор Салах, – отозвались на другом конце провода. – Добрый вечер, леди Эоланта.

– Хочу поинтересоваться состоянием здоровья заключенного номер D-489.

– У него сломаны три ребра, я дал ему настой из трав, благодаря которому кости срастаются быстрее. Через неделю будет как новенький. А вот с порезом на горле пришлось попотеть, рана глубокая, зашивать было чертовски неудобно. Я сделал ему инъекцию морфия, но он лишь туманит сознание, боль остается такой же сильной. Бедняга настрадался на несколько лет вперед.

– Древние греки говорили, что боль освобождает и очищает.

– Видимо, их не резали храмовым серебром.

– Как он себя чувствует сейчас?

– После долгих уговоров выпил снотворное, спит как младенец. Должно быть, видит во сне вас. Другой на его месте сыпал проклятиями или вопил от боли, а он раз за разом задавал мне одни и те же вопросы: что за женщина и как ее зовут. Воля у парня железная.

Эоланта рассматривала свои ногти, покрытые бледным лаком.

– Обращайтесь с ним получше. И попросите кого-то из надзирателей принести ему книги.

– Книги? – недоуменно переспросил врач.

– Он любит читать.

– Хорошо, леди Эоланта. У вас будут другие распоряжения?

– Передавайте ему привет. – Она замолчала и, не дождавшись ответа, рассмеялась. –
Делайте свою работу, доктор. Большого от вас не требуется.

Глава седьмая. Фуад. Настоящее

Весна 1977 года

Алжир

Валентин остановил машину у ворот нужного дома и посмотрел на Фуада поверх солнцезащитных очков.

– Пойти с тобой?

– Нянька мне не нужна. Жди здесь.

Фуад опустил стекло машины и прислушался к наполнявшим жаркий полуденный воздух звукам.

– Что будем делать, если Аднан тебе откажет? – задал следующий вопрос Валентин.

– Сражаться до последней капли крови. Я не уступлю ему ни сантиметра земли моего города. И не допущу, чтобы все, построенное за эти десять лет, обратилось в пыль.

– Я вижу здесь только одну проблему: Халиф думает, что это его город. Всего и делов – объяснить ему ситуацию так, чтобы он понял. А опыт подсказывает, что в таких ситуациях он сразу хватается за нож.

Прикурив от спички, Фуад вышвырнул ее на тротуар.

– Он превратился в чучело, насквозь больной. Раньше он мог задать трепку всем нам, но те времена канули в лету. Ливий Халиф Хиббинс умер в тюрьме. Мужчина, с которым я говорил вчера, на него не похож.

В ответ Валентин пожал плечами. Следующие несколько минут в салоне машины царило тягостное молчание. Фуад курил, отгоняя от лица сигаретный дым, и смотрел на выкрашенную белой краской дверь каменного дома. Тот, с кем он говорил вчера ночью, и вправду не походил на Халифа, но ему ли не знать, как обманчива бывает внешность, особенно в случае этого человека. В памяти Фуада сохранился образ высокого элегантно одевавшегося мужчины с аристократичными чертами лица, широкой открытой улыбкой и холодными серыми глазами. Ливий мгновенно располагал к себе и мужчин, и женщин. Появляясь в комнате, где присутствовала толпа людей, он привлекал всеобщее внимание, и вокруг него быстро собиралась куча поклонников. Он знал, какие шутки в ходу в высшем обществе, а какие можно рассказывать клиентам или женщинам. Словом, умел себя преподнести.

Халиф отрастил волосы и короткую бороду, полностью преобразившую лицо, двигался не как хищник, а как смертельно уставший человек, но не утратил ни капли внутренней силы, и одного его взгляда было достаточно для того, чтобы собеседник отвернулся. А еще Ливий Хиббинс умел с помощью пары метких слов показать любому его место. И с удовольствием продемонстрировал это бывшему заместителю. Свою наглость он тоже не растерял. Фуад решил, что ее, этой наглости, в нем стало еще больше. Выйти из тюрьмы, за несколько часов обзавестись бабой и сидеть в ее доме с видом царственной особы, отдавая распоряжения рабам. Халиф оказался в своей стихии. Если опасного человека упрятать за решетку на десять лет, а он так и останется несломленным, то после освобождения станет втрое опаснее.

– Нужно было убить его в тюрьме, – заговорил Фуад. – У нас был шанс. И мы упустили его благодаря тебе.

Валентин поднял руки, признавая свое поражение.

– Видит бог, я пытался. И не раз.

– «Пытался» и «преуспел» – две разные вещи. Что может быть проще, чем прирезать человека в тюрьме, мать твою? Особенно в здешней, где надзиратели смотрят в сторону, если принести им блок сигарет?!

– Последнему, кто пытался его убить, Халиф переломал все пальцы на руках, – напомнил Валентин. – А надзирателю, который это допустил, перерезал подколенные сухожилия. И всадил бы нож в шею, не явись приятель надзирателя вовремя. Кстати, тому тоже досталось, три шва на морду накладывали, до сих пор страшный, как атомная война. Подобные новости распространяются быстро, жить хочется всем. Ливий ходил, как хренов король, и никто не смел к нему прикоснуться. Ты давно живешь в этом мире и знаешь здешние законы. Иногда нужно переломать кому-нибудь пальцы для того, чтобы тебя начали воспринимать всерьез. А Халиф переломал столько пальцев, что давно потерял им счет. Мое мнение остается прежним: попроси у него прощения и скажи, что хочешь вернуться. Не думаю, что он простит тебя в ту же минуту, зато оставит в живых. Рано или поздно он возьмет свое, это дело времени. Наши люди вернуться к нему. Все вернется к нему. Он станет еще сильнее. Разве тебе было плохо, когда ты сидел по правую руку от него и пил налитое им вино? У тебя было мало денег? Мало женщин? Мало власти?

– Завали пасть, хренов трус. Управу можно найти на кого угодно, пусть бы и на самого дьявола. Если у меня получилось перетянуть на свою сторону большую часть его людей, я способен на все. Да и поздновато идти к нему на поклон, не находишь? Со временем он может простить мне и тюрьму, и то, что я заправлял здесь в течение десяти лет. Но бабу запомнит навечно. Почему вы не могли решить все полюбовно?

Валентин потер плечо и поморщился так, будто там была еще не зажившая рана.

– Я объяснял тебе тысячу раз. Чертова сука достала пистолет. Обращаться с ним она умеет, при мне стреляла по бутылкам в сумерках – и ни одного промаха, кошка проклятая. Что нужно было делать? Ждать, когда она прострелит мне башку? Отнять у нее пистолет? Она достала бы нож. К такой женщине нужно посылать не пятерых мужчин, а целую армию! И то не факт, что армия с ней справится. Правильно русские говорят: муж и жена – одна сатана. А ведь они даже женаты не были.

Фуад сделал последнюю затяжку, выбросил сигарету и плюнул в окно.

– А тебе с Халифом, конечно же, было хорошо.

– Конечно. Все были на своих местах, все получали свой кусок. А за отхваченный палец я на него не в обиде, сам виноват. – Валентин помолчал. – Я с тобой во всем, что бы ты ни решил, но знай: подыхать в ближайшие несколько лет я не планирую.

Одна из жен Аднана, завернутая по самые глаза, проводила гостя в кабинет, сумрачную комнату с тяжелыми занавесками на окнах и пушистым ковром на полу. Хозяин сидел на подушках у стены, прикрыв глаза, и пил охлажденное вино, заедая его фруктами.

– Голоден?

– Нет, спасибо, – ответил Фуад.

– Иди, Фатма, – кивнул Аднан жене.

– Да, мой господин.

Когда женщина ушла, прикрыв за собой дверь, хозяин дома отставил бокал с вином и выпрямил спину.

– С чем пожаловал?

– Халиф вышел из тюрьмы.

– Знаю. Он пригласил меня на ужин. Я успел соскучиться по его застольям. Вино льется рекой, еда великолепна, любая дурь на выбор, приятные собеседники, полуголые танцовщицы живота, каждую из которых ты можешь оттрахать в любое время, а если они тебе не по душе, хозяин найдет что-то получше.

– Меня он не приглашал, остается довольствоваться воспоминаниями.

– А ты бы пригласил на ужин человека, который сдал тебя полиции?

Фуад передернул плечами.

– Если бы я не сдал его полиции, он рано или поздно нарвался бы на неприятности. Мы оба знаем Халифа, он это умеет.

– Так чего ты хочешь, дитя мое? Чтобы я поговорил с Ливием и выпросил персональное приглашение?

– Ты должен нас рассудить. Никто не хочет доводить ситуацию до открытого конфликта. Ты отошел от дел и стал судьей, но это твой город, и ты заинтересован в том, чтобы на его территории не проливали кровь.

Аднан облокотился на подушки.

– Не припомню, чтобы брал у тебя в долг, Фуад. Следовательно, я тебе ничего не должен.

– Я хочу, чтобы ты нас рассудил.

Кивнув, хозяин взял с большого блюда горсть темных ягод и отправил их в рот.

– А что по этому поводу думает Ливий?

– Он пойдет мне навстречу. Воевать со мной он не будет, ему это невыгодно. У меня впятеро больше сил, и они прекрасно организованы. В его распоряжении жалкая кучка людей, забывших, что такое дисциплина. Да и он сам уже не тот. Я видел его вчера ночью дома у Тары. Мы перекинулись парой слов.

Прожевав ягоды, Аднан сделал большой глоток вина.

– И я даже знаю, что он тебе сказал. «Ты веселился десять лет, сынок, пришло время собирать игрушки и возвращать королевство папочке». – Собеседник улыбнулся погрозил ему пальцем. – Ливий Хиббинс даже из тюрьмы держал вас за яйца, а теперь ухватит покрепче – и уж точно не отпустит. Он способен прижать всех к ногтю даже с тремя соратниками. Один из твоих ребят узнал о том, что Халиф снова здесь, рассказал остальным – и у них затряслись поджилки. Здоровая реакция, страх полезен, он свидетельствует о наличии инстинкта самосохранения. Ливий таковым не располагает, и я ему об этом говорил не раз, это его беда. А твоя беда – гордыня, дитя мое. И когда-нибудь она сведет тебя в могилу.

– Так ты нас рассудишь?

– При условии, что Халиф даст согласие. Но до того, как ты к нему пойдешь, давай поразмышляем. Что вменяется ему в вину? Власть над этим городом, которую он получил по праву. Немного чревоугодия, чуть-чуть разврата. Невоспитанная, но очень красивая женщина, которую он слишком редко бил плетью. Любовь к дорогой одежде, деньгам, удобствам...

– Он отымел Тару, – встрял Фуад.

– После десяти лет в тюрьме я отымел бы первую встреченную женщину, а такую эффектную мадам – так тем более. В плане дам вкус у Ливия изысканный, но вряд ли он спрашивал у нее, кто она, до того, как затащить в постель. Да и не думаю, что она сопротивлялась. Тара – умная девочка и понимает, что таким мужчинам лучше давать все, что они попросят, и не упрямиться. В противном случае они возьмут свое силой, и ей будет

не до смеха. А что мы имеем в твоём случае?— Аднан начал загибать пальцы. — Ты предал человека, который доверял тебе как брату. Забрал все, что принадлежало ему. Убивал его людей. И — на сладкое. Убил его женщину, пусть и не своими руками. Эоланта была той ещё ведьмой, но Халиф ей дорожил. Он имеет полное право убить тебя, твою бывшую жену, твоих детей и всех твоих людей. Хочешь суда? Будет тебе суд. Отойдя от дел, я дал слово уважать всех, кто переступает этот порог, и слово держу. Но если ты совершаешь ошибки, нужно брать ответственность за последствия. Ты ошибся, а теперь пожинаешь плоды. Ты мог убить Халифа в тюрьме. Мог придержать коней и не зариться на чужое. Мог прийти к нему с опущенной головой и покаяться. Но ты принял другое решение. Собирай заслуженный урожай.

Глава восьмая. Сезар. Прошлое

1962 год

Алжир

– До сих пор не понимаю, зачем ты поехала со мной. Я высказался ясно. Это деловой визит.

– В хорошем обществе на мужчин, которые приходят на званые ужины в одиночестве, смотрят косо. Эльдара по понятным причинам не согласилась бы тебя сопровождать, и ее место заняла я.

Сезар бросил короткий взгляд на сестру и вновь сосредоточился на дороге. До города оставалось немногим больше тридцати километров, но он, всегда любивший быструю езду, то и дело притормаживал, ссылаясь на плохую видимость и надвигающиеся сумерки.

– Хочешь посмотреть на друзей и коллег Ливия Хиббинса?

Эоланта достала из сумочки зеркало и помаду.

– В том числе. А еще мне нравится общество Аднана. Он интересный мужчина.

– Что ты сказала своему новому ухажеру, попросив недельный отпуск?

– Ты весь на нервах, братец. Следи за дорогой.

Пальцы Сезара вцепились в руль так, будто он был спасательным кругом, за который хватается утопающий.

– Это не мое дело, Эоланта, но ты творишь глупости.

– Женщины часто творят глупости.

– Только не ты. Объясни мне, что происходит. Я беспокоюсь о тебе. Что за история с Леоном Кадаром, и с чего вдруг ты вспылала к нему такой страстью?

Подкрасив губы, сестра убрала помаду и достала щетку для волос.

– Ты лезешь туда, куда не следует, Сезар. Мы давным-давно договорились не обсуждать личную жизнь друг друга. Я не говорю тебе, что семья плохо сочетается с твоей, с позволения сказать, профессией, а ты не говоришь мне, с кем следует спать.

– Прошу тебя, Эоланта. Ты всегда была воплощением спокойствия и здравого смысла. Крутила мужчинами, как хотела. А теперь ведешь себя так, будто в тебя вселился бес. Не метишь же ты на место этого тюфяка? Хочешь отравить его и сесть в кресло начальника тюрьмы? Но зачем ради такой глупости выстраивать столь сложные комбинации и трахаться с ним целых полгода? С Леоном Кадаром, первые боги тебя побери! Ты не могла найти более достойного мужчину? Не того, кому я мечтаю перерезать горло?!

Эоланта неспешно причесывалась, поглядывая в зеркало.

– Если тебе так хочется перерезать ему горло, не буду мешать. Но сперва я от него кое-что получу.

– Что именно?

– Подписанный приказ о досрочном освобождении Ливиана Хиббинса.

Сезар ударил по тормозам, и жалобно завизжавшие шины на мгновение потеряли соприкосновение с дорогой. Он остановился на обочине и проводил взглядом проехавший мимо автомобиль.

– Не делай вид, что это стало для тебя сюрпризом, – вновь заговорила сестра, продолжая причесываться. – Думаешь, я расспрашивала тебя о нем по просьбе Леона? Собирала компромат, о котором он мечтал? Пусть засунет свои мечты о смертной казни в задницу. А

даже если бы что-то получилось, приспешники Аднана Саркиса прирезали бы и его самого, и всех его родственников.

– Ты сошла с ума, Эоланта. Если кто-то узнает об этом, ты попрощаешься с карьерой.

– Нужных высот я уже достигла. Да и особого желания работать под началом мужчины, который трахается как пятнадцатилетний девственник, не испытываю. Изображать страсть, которой нет – тяжелая работа.

Лицо сестры оставалось расслабленным и спокойным. Только сейчас Сезар заметил, что в ее образе появилось что-то незнакомое, одновременно настораживающее и притягательное. Свет, который мог бы исходить от мадонны, реши она наплевать на свои обеты и совратить очаровательного юношу. Она сидела на расстоянии вытянутой руки от него, но ее мысли были далеко.

– Женщины – настоящие стервы, да, Сезар? – с улыбкой спросила Эоланта, взбивая прическу. – Они могут воспользоваться тобой для того, чтобы добиться внимания другого. Вам боги даровали силу, нам – коварство.

– Как тебя угораздило влюбиться в мужчину, которого ты знаешь только по фото? Да не просто влюбиться, а заварить ради него такую кашу? Господи, Эоланта! Ты же... ты же... – Он воздел руки к потолку. – Не могу поверить. Такая история могла случиться с кем угодно – но только не с тобой!

– Почему, братец? Я сделана из железа? Из камня? Ты полюбил смертную женщину и женился на ней, хотя клялся, что преподнесешь свадебное украшение только темной эльфийке. А я влюбилась в заключенного. Мы стоим друг друга.

Сезар завел успевший заглохнуть двигатель и вырулил с обочины на дорогу.

– Моя жена не продавала ни героин, ни людей.

– Ты всегда говорил, что хочешь видеть рядом со мной мужчину, который сможет меня защитить.

– Не знаю, что до защиты, но затащить тебя в болото, откуда нет выхода, он сможет. Подобные отношения не раз начинались и заканчивались у меня на глазах. Вы принадлежите к разным мирам, Эоланта. Ты не знаешь его. Он не знает тебя. Вы как огонь и лед. Они могут существовать по отдельности, но уничтожат друг друга, если сойдутся вместе.

– С возрастом ты становишься таким патетичным, Сезар.

– Если бы наша семья исповедовала старые ценности, я бы женился на тебе. И тогда ты не сотворила бы и тысячной доли тех глупостей, которые успела совершить за свою относительно недолгую жизнь.

Эоланта закрыла сумочку и со скучающим видом уставилась в окно.

– Не обманывай себя. Ты был бы несчастен, а я творила бы глупости тайно. И это доставляло бы мне удовольствие.

– Я тоже не любил Ниэнну, но отец решил, что я должен жениться на ней, а его воля для меня свята. Боги распорядились так, что она умерла, и я нашел другую женщину. И во второй раз женился по любви.

– Ты постоянно на кого-то оглядываешься, Сезар. На отца. На друзей. На коллег. А я ни на кого не оглядываюсь. Я делаю то, что хочу, к худу или к добру. Если я захочу творить глупости, то я их буду их творить, и ты мне не помешаешь. В конце-то концов, не ты ли так часто повторяешь, что женщины от крови первых богов сами выбирают себе мужчин?

– Ты выбрала не того мужчину.

– Все лучше, чем до сих пор не повзрослевший мальчик, по поводу и без повода

вспоминающий папочку и святой долг.

– Он приходится отцом нам обоим, Эоланта. Будь в тебе чуть больше покорности, ты бы выказывала ему уважение.

– Приберегу покорность для твоих высокопоставленных друзей. Я должна буду подносить им вино? Или у Аднана для этого есть слуги?

– Миледи. Вот так сюрприз. Я ожидал увидеть супругу вашего брата.

– Беременность дается ей тяжело, она временно отказалась от путешествий, месье Саркис. Рада встрече. Вы замечательно выглядите.

Аднан поцеловал Эоланте руку и похлопал Сезара по плечу.

– Вы задержались. Проблемы в пути?

– На дороге была авария, пришлось объезжать. Прошу прощения за задержку. Надеюсь, гостей не слишком много, и они не успели проголодаться всерьез.

– Надеюсь, что успели, – рассмеялся хозяин. – Я люблю, когда мои гости едят много и с аппетитом. Прошу следовать за мной.

Дом восточного короля работорговцев был обставлен в традиционном стиле: невысокие столы, ковры и шелковые подушки. Богатство Аднана бросалось в глаза, но Сезар, которого чрезмерная роскошь обычно тяготила, нашел это уместным. Их с Эолантой проводили в трапезную, большую светлую комнату с высоким потолком. На полу возле круглого стола сидели двое мужчин и одна женщина, совсем молодая, на вид – почти подросток.

– Господа, знакомьтесь, – заговорил Аднан. – Сезар Нойман, наш иракский коллега. Леди Эоланта, его младшая сестра. Насир Амари, самый юный из моих подопечных, – кивнул он на одного из гостей, темного эльфа с задумчивыми черными глазами. – А этого джентльмена зовут Фуад Талеб.

Рыжеволосый мужчина вежливо кивнул, но тепла в его зеленых глазах не прибавилось ни на йоту. Перед тем, как пожать протянутую Сезаром руку, он помедлил, будто задумавшись.

– Рад знакомству, – искренне улыбнулся Насир, отвечая на рукопожатие.

– Вы не представили нам прекрасную госпожу, – напомнила хозяйину Эоланта.

Аднан посмотрел на сидевшую за столом женщину.

– Это леди Насрин, супруга Фуада. Вы должны его извинить. Он задумчив вовсе не потому, что не хочет выказывать вам должное уважение. Мужчине, который женился три недели назад, хочется проводить вечера с любимой женщиной, а не за столом, где ведут скучные деловые разговоры. Взгляните на нее, леди Эоланта, и вы все поймете. Восхитительный нежный цветок, созданный для того, чтобы хранить семейный очаг.

– Очень приятно, миледи, – слабо улыбнулась Насрин. – Вы красавица.

Ее французский акцент был едва заметным, но Сезар его уловил. И Эоланта, как выяснилось спустя мгновение, тоже.

– Сколько вам лет, леди Насрин? – спросила она по-французски.

Фуад и Насир, судя по всему, не знавшие языка, недоуменно переглянулись.

– Восемнадцать, моя госпожа. Леди Эоланта, – тут же поправилась миссис Талеб.

– Вы хорошо говорите по-арабски. Давно здесь живете?

Щеки собеседницы порозовели.

– Меня увезли из родного дома, когда я была еще девочкой.

– Думаете, я торгую детьми? – обратился к Эоланте Аднан. – Я прожил долгую жизнь и

сотворил много чудовищных вещей, но даже у меня есть границы. Она похожа на рабыню? Я устроил одному из своих подопечных хорошую партию, только и всего. И прилично за нее заплатил. Если бы не я, она продолжала бы ублажать богатых клиентов в борделе. А теперь она замужем за богатым мужчиной, покупает себе украшения и платья, живет в хорошем доме и ни в чем не нуждается.

– Что на тебя нашло? – понизив голос, спросил у сестры Сезар.

Бросив короткий взгляд на Фуада, Эоланта опустила глаза.

– Я плохо переносю дорогу, месье Саркис. Поверьте, я не хотела оскорбить вас.

– Тогда, думаю, вам следует отдохнуть и подышать свежим воздухом. Можете поужинать на балконе, погода сегодня отличная. Возьмите леди Насрин с собой. Вряд ли вам будут интересны мужские разговоры. Я распорядюсь, чтобы слуги принесли еду.

Когда сестра и Насрин вышли из комнаты следом за одной из жен Аднана, закутанной по самые глаза, Сезар опустился на подушки возле стола.

– Мимо нас прошло что-то важное? – осведомился Фуад. – К сожалению, я не знаю французского.

– Тебе не помешало бы его выучить, – заметил хозяин, разливая вино. – Займись этим в ближайшее время. Если, конечно, ты не передумал и хочешь участвовать в том деле, которое мы обсуждали. Ваше здоровье, господа.

Насир пригубил напиток и, отставив бокал в сторону, принялся за жаркое с бараниной и луком.

– Мы часто вспоминаем про Ливия, – сказал он, глянув на Сезара. – Надеюсь, у него все хорошо.

– Насколько я слышал, дела у него идут прекрасно.

– Если не думать о том, что он сидит в тюрьме строгого режима и попал туда благодаря вам, – вмешался Фуад.

Сезар пожал плечами, поливая кускус¹ в своей тарелке овощным бульоном.

– Вы правы, доля моей вины в этом есть. Но никто не заставлял Ливия везти героин через границу, на которой не было наших таможенников. И я его об этом предупреждал.

– Плевать я хотел на ваш героин. Меня волнует другая сделка. Та, которой я занимался чуть ли не двадцать четыре часа в сутки на протяжении нескольких месяцев. Знаете, каково это: объяснять озабоченным клиентам, что женщин они получают нескоро?

– Знаю, друг мой. Я объяснял то же самое наркоторговцам, которые употребляют собственный товар. Они родную мать готовы убить за дозу.

– А о том, как закон карает работорговцев, вы знаете? Это вам не пять лет за героин. Это в лучшем случае лет пятнадцать, а в худшем – смертная казнь. Благодаря вам мою голову чуть не сунули в петлю. Каково?

Аднан слушал беседу гостей, не торопясь притрагиваться к еде.

– Фуад принял эту историю близко к сердцу, – пояснил он. – Когда-то Ливий помог ему, одолжив деньги и обеспечив работой, и между ними завязалась крепкая дружба. От себя могу добавить, что вред, нанесенный случившимся, на первых порах не казался мне серьезным, но время обратное. И дело не в деньгах, а в том, что мы потеряли большую часть наших связей на французской границе. Тамошняя полиция встает на дыбы, услышав слово «работорговля». А на французскую границу мы традиционно возлагаем большие надежды.

– У меня есть связи с французской таможней, – сказал Сезар.

– Поэтому мы вас и позвали, – вновь заговорил Фуад. – Мы хотим, чтобы вы помогли

нам проверить кое-что. Дело будет прибыльным для обеих сторон. Большую часть работы сделаем мы. Ваша роль – обеспечить надежный коридор на границе. И, если получится, на части здешних границ. С этим, насколько мне известно, у вас тоже не будет проблем. Пока мы подготовим товар и утрясем последние детали, Ливий выйдет из тюрьмы. Он останется в Ираке и договорится с прошлыми покупателями. Лить мед в уши недовольным клиентам он умеет.

– То есть, вы хотите повторить несостоявшуюся сделку.

– О нет, друг мой. На этот раз нам предстоит кое-что покрупнее. В противном случае мы бы к вам не обращались.

– А рот у вас не треснет от такого большого куска?

Фуад громко расхохотался.

– Бойтесь, что Ливий в очередной раз выкинет какой-нибудь фортель? Не переживайте, все будет работать как часы. Голова у него, может, и горячая, но он учится на своих ошибках, особенно если речь идет о бизнесе.

– Да, я заметил. Человек, большую часть жизни проведенный в тюрьмах, конечно же, учится на своих ошибках как никто другой.

– Это правда, – подал голос Насир. – Кроме того, срок за работорговлю Ливий отбывал лишь единожды, в Штатах. Да и там дело было шито белыми нитками, и после пересмотра его признали невиновным.

– Выпустили за хорошее поведение, – уточнил Фуад. – Они там лояльные.

Аднан, перед которым до сих пор стояла пустая тарелка, посмотрел на Сезара в упор.

– Что решили, дорогой друг? – спросил он. – Я не смогу посвятить вас в финансовые детали, не услышав ответа.

– Меня устраивает все, помимо одной мелочи. Мне не нравится этот рыжеволосый джентльмен.

Фуад насмешливо вскинул бровь и допил вино.

– Нравлюсь я тебе или нет, но мы в одной лодке, сынок.

– Еще раз назовешь меня сынком – и получишь нож под ребро.

– О, да у месье Ноймана есть яйца? Выйдем и побеседуем, как взрослые люди? Или я получу нож под ребро прямо здесь, в доме, где тебя приняли и накормили, как дорогого гостя?

– Меня приняли и накормили как дорогого гостя, но это не дает тебе право говорить все, что вздумается.

– Прекратите, – вмешался хозяин. – Фуад, обращай к месье Нойману с должным уважением. Сезар, я не хочу слышать угрозы в своем доме. И по-прежнему жду вашего ответа.

– Я согласен.

Глава девятая. Тара. Настоящее

Весна 1977 года

Алжир

– Вот это нужно унести вниз, во двор. И вот это, и вот это.

– Как пожелает госпожа.

Высокий широкоплечий араб в белых одеждах подхватил набитые платьями Эоланты мешки и вынес их из спальни. Тара вытерла вспотевший лоб.

– Уф. Вроде все сложила.

– Тебе не следовало этого делать. Я сказал, что ты можешь носить ее платья, это мне не мешает.

– Не будем дергать тигра за усы, ладно, дружок?

Ливий сидел на подоконнике и пил сваренный несколько минут назад кофе. Вторая чашка, для Тары, ждала своей очереди на невысоком деревянном столике возле разноцветной ширмы.

– Как скажешь. Это просто тряпки. Купишь еще.

– Так, значит, деньги у тебя есть.

– Не так много, около трех тысяч долларов. В доме два сейфа, о которых знаю только я, и специалиста, способного взломать их, не найти на всем Ближнем Востоке. Хотя нет, один есть. – Халиф сверкнул улыбкой. – Он эти сейфы и установил.

Тара изумленно ахнула.

– Три тысячи долларов?! Охренеть!

– Эоланта могла спустить их на одежду меньше чем за сутки. Я попрошу Насира, он отвезет тебя туда, куда нужно. Покупай все, что душе угодно.

– Слушай, а как вы познакомились?

Ливий достал из лежавшей на подоконнике пачки сигарету и чиркнул спичкой. В последний раз Тара видела его часа три назад, утром, в постели, и до сих пор не могла осознать произошедшую в нем перемену. Халиф собрал растрепанные волосы в хвост, сбрил бороду и надел костюм из светлого шелка. Красивый, гад, с досадой подумала эльфийка. Ее всегда тянуло на плохих мальчиков, но сейчас она переплюнула саму себя. Одно дело – встречаться с мелким воришкой, и совсем другое – с криминальным авторитетом-работоторговцем. Хотя почему «встречаться»? Вроде как они не встречаются... или давать полужнакомым женщинам три тысячи долларов на шмотки – у работоторговцев обычное дело? И не такая уж она полужнакомая, если на то пошло. Ее прошлым Ливий пока что не интересовался, зато тело обшарил до последнего миллиметра, до самых интимных уголков.

В ту ночь, когда они познакомились, Тара пыталась сопротивляться, но продолжалось это недолго. Были у нее любовники и поискуснее, и понежнее, тем более что этот козел давным-давно забыл слово «нежность», если вообще его знал. Ливий разбудил в ней что-то неизведанное, дикое, животное. Она чувствовала себя первобытной самкой, которую берет силой вождь чужеземного племени, захвативший ее родную деревню. И Тара Царсина (вот же идиотское имя, все пятьдесят первых богов подери матушку) Ганим, ввязывавшаяся в дурацкие приключения и всю жизнь лелеявшая мечту о рыцаре на белом коне, романтических свиданиях под звездами и целомудренных поцелуях, нагло солгала бы, сказав, что ей это не нравится.

Наверное, дело в его эмоциональном запахе. Он выглядит холодным, как сердце северных земель, границы Мира, где в Средние века находился ледяной город Кирхаэль, в глазах – вечная зима. И так сладко пахнет запретными удовольствиями, тайнами, болью, кровью и опасностью. А опасность была самым любимым наркотиком Тары. Еще с тех пор, как она ушла из родного клана на поиски приключений. Ну, вот и доискалась. Трезвый рассудок подсказывал, что ничем хорошим это не закончится, и лучше бы ей поскорее отсюда убраться, скрывшись в какой-нибудь крохотной стране за океаном. Но разве она может так просто уйти от этого мерзавца? Он то говорит «проваливай, я тебя не держу», то требует, чтобы она разделась, то засыпает, как медведь зимой, повернувшись к ней спиной, то приносит кофе в постель. Уж не влюбилась ли она, часом? Тара прислушалась к себе, и с ужасом осознала, что эта мысль ее не пугает.

– В тюрьме, – ответил Ливий, делая очередную затяжку.

– Где-то есть смешанные тюрьмы? – подняла брови эльфийка.

– Возможно, и есть, но то была обычная тюрьма в Багдаде. Эоланта служила там надзирателем. Они все закутаны по самые глаза, высокая женщина могла сойти за мужчину.

– И что, ты тоже ее купил? Как меня? Или сделал жалобные глаза, попросив дополнительную пачку сигарет, а она решила не отказывать, потому что любит плохих мальчиков-красавчиков?

– Я услышал, как она говорит с подругой в коридоре, и спросил, могу ли шлепнуть ее по заднице. Она вошла в камеру и сказала: «Рискни». Я не ожидал столь любезного согласия и воспользовался предложением. А она двинула мне коленом под ребра и полоснула ножом по шее. Убивать не хотела, конечно, но было адски больно. Чертово храмовое серебро. Я сказал, что мне нужны иголка и нитка, желательнее, в нежных женских ручках, а заодно и успокаивающая терапия, и я буду рад, если в роли медсестры выступит она. А если присоединится подруга, еще лучше. Получил коленом под ребра еще разок и сразу понял, что это моя женщина.

Повертевшись перед большим зеркалом, Тара взяла расческу.

– Удивительно, как с таким острым языком ты выжил во всех своих тюрьмах.

– Помимо языка у меня был острый нож, и я умею им пользоваться.

– Это самая романтичная история знакомства из всех, что я когда-либо слышала. В котором часу будет ужин?

– В шесть. Соберемся в пять. Ты должна накрыть на стол.

Рука эльфийки замерла над волосами.

– В смысле? У тебя же есть слуги.

– На ужин придут мои близкие друзья. А еще я пригласил судью Аднана. Это важные персоны, и в таких случаях на стол накрывает моя женщина.

– Я не собираюсь быть горничной при твоих друзьях! Я не рабыня, знаешь ли! И не думаю, что Эоланта накрывала на стол! Судя по твоим рассказам, она бы, скорее, тебя прирезала!

– Иногда она упрячилась, но быстро приходила в себя, когда я доставал плетку. Я уже объяснял Фуаду, а теперь объясню и тебе на случай, если ты не очень внимательно подслушивала. Король выбирает женщину себе под стать и знает, как с ней обходиться. А женщине нужна плетка, такова ее природа.

Тара чувствовала, как внутри закипает гнев, и с трудом удержалась от того, чтобы швырнуть расческу напрямиком в зеркальное стекло.

– Ты не посмеешь поднять на меня руку.

Ливий расхохотался.

– Знаешь, а ты похожа на Эоланту. Я был неправ, когда говорил, что ты не лучший вариант. Все, что тебе нужно – немного воспитания.

– Ты не...

– Ни один мужчина в этом городе не говорит мне, что делать, а тупая шлюха – тем более. Если я захочу, то буду хлестать тебя плеткой до самого утра, потом оттрахаю как следует, а потом снова возьму плетку, и ты будешь говорить «прошу, продолжай, мой господин, делай со мной все, что пожелаешь».

– Черта с два, – вскинула подбородок эльфийка.

– Пей кофе и отправляйся вниз, Насир ждет. Купи несколько платьев и успокойся. В противном случае эта ночь покажется тебе не такой приятной, как предыдущие.

Мать Тары могла похвастаться богатым букетом недостатков, но все они меркли в свете главного достоинства: она была идеалом женственности, той хранительницей очага, о которой мечтают мужчины. Она владела несколькими видами рукоделия, посвящала утреннему туалету минимум три часа, тщательно подбирая одежду и украшения, готовила как богиня, великолепно танцевала, умела вести светскую беседу и достигла невероятных высот в искусстве любви. Помимо прочего, мать отлично разбиралась в тонкостях мужской психологии. Когда ей исполнилось семь, ее отдали в услужение к дочери главы клана, которая по счастливому стечению обстоятельств оказалась не глупой богатенькой вертихвосткой, а умной и образованной женщиной. Вампирша быстро смекнула, что в служанке есть потенциал, и обучила ее всему, что знала сама. К пятнадцати годам мать из замарашки превратилась в девушку, потенциальные женихи которой чуть ли не убивали друг друга в борьбе за один-единственный взгляд.

«Мужчины пришли в этот мир для того, чтобы удовлетворять желания женщин, – говорила вампирша. – Наша задача – направлять их, но делать это незаметно, ненавязчиво. Так, чтобы они думали, что принимают решения сами. У них есть много слабых мест, много болевых точек. Овладей искусством управления ими – и они будут приносить к твоим ногам все. Пусть воюют ради тебя, пусть захватывают города. А по возвращении ты будешь ждать их в постели и говорить, как гордишься ими, как восхищаешься их смелостью и воинской доблестью. Разреши им повелевать – и получишь все, о чем мечтаешь. И даже больше». Мать, талантливая и усердная ученица, впитывала новое знание и вдохновенно его практиковала. И передала своим дочерям, когда настал срок. У Тары было много шансов обзавестись хорошим мужем. Не одним из сыновей главы клана, конечно, но, может, кем-то из их слуг, что в клановых кругах тоже считалось отличной партией.

Внешний мир, в котором Тара не бывала ни разу за короткие пятнадцать лет своей темной жизни, шокировал ее как вылитый на голову кувшин ледяной воды. Нет, он не был злым, жестоким или враждебным. Совсем наоборот. Она привлекала к себе чересчур много внимания. Женщины смотрели на нее как на смертельно ядовитую змею, мужчины – как на восхитительно сладкий торт, который во что бы то ни стало должен достаться им целиком. Вампирши и эльфийки в клане не прятали свою сексуальность, она считалась абсолютно естественной. Даже служанки, наряжаясь на бал, надевали прозрачные платья, почти полностью открывавшие грудь. Внешний мир пялился на Тару Ганим, привыкшую к открытым проявлениям сексуальности, как на создание из другого мира (от истины были

недалеки), и она быстро смекнула, что нужно подстроиться под новые обстоятельства.

Она носила мужскую одежду, ходила, опустив голову, старалась меньше говорить и реже появляться на людях. Но практика показала, что подобные методы не работают. Тара могла надеть лохмотья и измазать лицо грязью из канавы, при желании могла бы научиться даже приглушать свой эмоциональный запах. Но женщина сидела в ней слишком глубоко, и ее попытки подавить голос контролировать не получалось. По окончании Первой мировой войны – два года на фронте, еще одна неудачная попытка переделать себя – она сдалась. Бессмысленная борьба с собой отнимала слишком много сил, а толпа мужчин, которой она была окружена чуть ли не двадцать четыре часа в сутки, столь яростно добивалась ее внимания, что любая в итоге капитулировала бы. Найдет себе мужа и будет жить спокойно... Кто бы знал, что с этого момента ее жизнь, и без того бешеная, превратится в настоящую карусель.

Следующие десятилетия Тара провела в бесконечных путешествиях по миру. Она несколько раз пересекала океан, побывала во всех странах Ближнего Востока, искала приключений в охваченной Второй мировой Европе, пряталась от бомбежек в Англии. Она меняла военную форму на шелковые платья, шелковые платья – на дешевые обноски, потом снова надевала форму, а мужчины отвоевывали ее друг у друга так быстро, что она порой не успевала запоминать их лица. Офицеры, политики, преступники, богатеи-капиталисты. Преступников среди них было много. Тара часто задумывалась о том, почему их к ней влечет так, будто медом намазано. Может, дело в том, что она темная эльфийка? Сильные мира сего (в том числе, и смертные) на протяжении истории выбирали их в боевые подружки чаще прочих. Или же у нее хреновая карма, и когда-нибудь она нарвется на неприятности похуже, чем очередной ухажер, не ладящий с законом. Так, как в свое время нарвалась проклятая Эоланта.

Вспомнив имя женщины, которую и в глаза-то никогда не видела, Тара почувствовала болезненный укол ревности. Вот дура-то. Может, они бы подружились, сложились все иначе? Такие, как Эоланта, ни с кем мужчин не делят. Не выдирают соперницам патлы и не царапают им лицо ногтями. Они знают себе цену и занимаются кое-чем поважнее бабьих ссор. А еще подобные ей дамы заводят ухажеров, к которым подступится не каждая, и достойных соперниц у нее раз-два и обчелся.

Насир остановил машину возле дома Тары и испытующе посмотрел на эльфийку.

– Что? – не выдержав, спросила она.

– Я тоже поднимусь. Халиф велел за тобой присматривать.

– Не переживай, я не убегу. Разве что с крыши спрыгну. Не думаю, что это меня убьет, но попробовать отчего-то не хочется. Да и чем я тебя угощу? Еды в доме нет, кофе закончился.

– Я пойду с тобой, – упорно повторил Насир.

– Я вернусь через несколько минут. Вещей немного, в маленькую сумку вместятся. Но если хочешь посмотреть на то, какое у меня нижнее белье, так и скажи.

Приятель Ливия покраснел как спелый помидор, отвел глаза и уставился на пыльную дорогу. Тара, нащупавшая слабое место собеседника, победоносно улыбнулась.

– Собственно, нижнее белье – почти все, что у меня там есть. Я ведь леди древнейшей профессии, как-никак. Атласное, шелковое, кружевное. На любой вкус. Уверен, что не хочешь взглянуть?

– Если не выйдешь через пять минут, пойду тебя искать.

– Уж слишком ты скромный для работорговца. Они при упоминании о нижнем белье не краснеют, как невинные юноши.

– А я и не работорговец. Я руководил... руковожу личной охраной Халифа на вилле. И время от времени лично разбираюсь с особо упорными клиентами, которые не хотят платить.

– И тебя, руководителя его личной охраны, не приглашали на тамошние оргии? О них, говорят, ходила слава по всему городу. Ладно, забудь.

Вернув машину Хадидже, Насир отправился на поиски другого транспорта, а Тара, воспользовавшись моментом, пристала к женщине с расспросами. Та наотрез отказывалась говорить о Халифе, но в итоге уступила.

«Сын шайтана. «Сам шайтан», – говорила хозяйка кафе, потягивая травяной чай. – Каких только девок ни продавал – и европейек, и чернокожих, и китайнок, и арабок. Все в округе знали: хочешь девку – иди к Халифу, у него лучший товар. Он и в гости позовет, и ужином накормит, и кофе сварит, и бабу попробовать даст. Не понравится – другую приведет. Но если купил и не заплатил – все, считай, вырыл себе могилу. Должников он из-под земли доставал, резал, почем зря. Когда шел по улице, все смотрели в сторону, не приведи Аллах встретиться с ним взглядом. В общем, за горло тут всех держал. Слушал только судью Аднана, раньше у него работал, еще в те времена, когда Аднан в городе заправлял. Но с полицией всегда ладил. Умел договариваться, язык у него хорошо подвешен. Если какие-то беспорядки, первым приходил выяснять, что случилось, и решал вопрос. А потом Фуад, сын шайтана, все испортил. Пытался подмять под себя город, но какое там. Сейчас со всеми на ножах. Халиф вышел из тюрьмы, все тут кровью зальют, дети шайтана. Уехать бы тебе отсюда, дочка, – внезапно сменила тему женщина. – Молодая, умная, красивая, разве это дело? Уезжай в Европу, как мои сыновья. Найдешь себе мужа, деток ему родишь. Я и подружке Халифа говорила то же самое. В те дни сюда приходил весь город, место известное было, клиенты в очередь выстраивались. Она приводила сюда подруг, я готовила им обед. Говорила ей: на что тебе этот Халиф? В нем же ничего человеческого не осталось. Нравится тебе смотреть на наложниц, которых он в дом приводит для своих прихвостней? Как ты можешь брать его деньги, носить купленные им украшения и платья, спать с ним в одной постели? Неужели в тебе нет ни капли жалости к этим женщинам? А она знай себе твердила: люблю его, буду с ним до конца, пойду куда угодно. Смотрю ей в глаза – и ни капли страха или сомнения, взгляд непримиримый, любой мужик позавидует. И вот чем это закончилось. Знаю, что вас к таким тянет. Купят гору тряпок и побрякушек, сделают королевой, поселят в замке на золотой цепи и будут показывать друзьям, как редкую диковинку. Ты заслуживаешь лучшего, дочка. Уезжай, пока не поздно».

Выслушав эту историю, Тара, не так давно кипевшая от гнева при мысли о груди Эоланты, неожиданно для себя прониклась к ней сочувствием. Она вспомнила, как Ливий сидел на кровати, держа в руках ее перчатки, и вдыхал запах навсегда потерянной женщины. Что ни говори, а решение сжечь платья было правильным. Ей бы не хватило совести разгуливать перед ним в этих нарядах.

Каждый, кто носится по свету как перекасти-поле, рано или поздно понимает, что для счастья ему нужно немного. Три огромных чемодана с вещами, которые Тара забрала из родительского дома, с годами «похудели» до размеров небольшой дорожной сумки.

Поразмыслив, эльфийка оставила в шкафу большую часть платьев и обуви, забрав только любимую одежду, бережно спрятала во внутренний карман браслет из храмового серебра (подарок отца на пятнадцатый день рождения, темное совершеннолетие) и нитку янтарных бус (подарок матери по случаю отъезда из дома, талисман, призванный напоминать ей о величии предков), подошла к окну для того, чтобы собрать несколько пар висевших на веревке солнцезащитных очков – и вздрогнула от неожиданности, услышав скрип открывающейся двери.

– Вот же глупый мальчишка, чего тебе не сиделось в машине? Я же сказала, что справлюсь сама, – возмутилась Тара, не оборачиваясь. – Не терпится взглянуть на мое нижнее белье?

– Только если ты успела прикупить что-нибудь новенькое, – ответил знакомый голос.

Фуад стоял в дверях, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, и смотрел на эльфийку с легкой усмешкой.

– А, это ты. Чем обязана? За квартиру я заплатила еще в начале месяца. Как видишь, съезжаю раньше. По-хорошему, следовало бы попросить у тебя остаток, но я буду вежливой девочкой. Если на моего друга внезапно навалятся финансовые проблемы, меня совесть замучает.

– Финансовые проблемы? С чего бы? Я потерял дешевую шляпку, но империя осталась при мне.

Тара начала снимать с веревки очки.

– Мы с Насиром останавливались для того, чтобы выпить кофейку. Хочешь узнать, что говорят о твоей империи, – подчеркнула она последнее слово, – на улицах?

– И что же? – широко улыбнулся мужчина.

– Что максимум через неделю ты превратишься в главного евнуха и будешь охранять гарем настоящего императора. Приводить гостям девочек и во весь голос расхваливать их прелести. А если среди них найдется ценитель мужской красоты, ты встанешь на четвереньки и приготовишься его ублажать.

Фуад подошел и присел на выкрашенный ярко-желтой краской деревянный табурет, предварительно смахнув с него несуществующую пыль. Мина у него при этом была такая брезгливая, будто ему предложили окунуться в грязное болото, не снимая сшитого на заказ итальянского костюма.

– Кто это сказал?

– Какая разница? – пожала плечами эльфийка. – Не думаю, что император, подопечные которого говорят такое, надолго задержится на троне.

– С тем, кому принадлежит трон, я разберусь, всему свой срок. И нужные языки тоже укорочу. Не стоит ли начать с твоего? С тех пор, как ты переползла из моей постели в постель Ливия, он стал слишком длинным.

Побросав очки в сумку, Тара застегнула «молнию».

– Я уйду – и тебе тоже пора валить. Спасибо за квартиру и за работу. Ты не был принцем на белом коне, о котором мечтают все красотки, но без тебя я бы осталась на улице.

Фуад поднялся на ноги и неспешно подошел к женщине.

– С Халифом я работал не один год – и не переставал удивляться тому, как самые умные бабы в его присутствии превращаются в идиоток. Думал: что это за магия, и есть ли у нее пределы? А теперь смотрю на тебя и понимаю, что пределов нет.

– Стой там, где стоишь, – предупредила Тара.

– Дура, – рассмеялся мужчина. – Ты не понимаешь, с кем связалась. Ливий Хиббинс – полный отморозок. Чудовище, которое получает удовольствие, причиняя другим боль. Он смотрит на красивую женщину и улыбается, а спустя полчаса может придушить ее в постели. Просто потому, что это возбуждает его сильнее, чем телячьи нежности. Ты видишь вокруг людей, а он – кукол, которыми можно воспользоваться для достижения своих целей. Ты понимаешь, что у этих людей есть чувства, а ему на это плевать. – Фуад приподнял голову эльфийки за подбородок. – У работорговцев есть такое поверье: чем смазливее у женщины мордашка, тем строже ее нужно воспитывать. Я видел многих, кто умеет воспитывать обладательниц смазливых мордашек, но ни один из них даже близко не сравнится с Халифом. Эоланта редко носила открытые платья. Прячала синяки, которые не успевали исчезать, потому что ее король добавлял новые. Скоро ты познакомишься поближе и с ним, и с его кулаками, и с его плеткой. И тогда вспомнишь о том, что я тебе говорил, но будет поздно.

Высвободившись, Тара вlepила ему пощечину и метнулась к двери. Фуад со смехом махнул на нее рукой.

– Беги, дурочка. Не дай бог, опоздаешь к ужину и не успеешь подать еду гостям своего господина.

– Я тебе это с рук не спущу, – пообещала эльфийка.

– Советую быть послушной рабыней. Халиф любит послушных шлюх. Таких, которые позволяют делать с собой все, что угодно. Это не про тебя, так что поработай над своим гадким характером.

– Какого дьявола ты тут делаешь?

Заглянувший в спальню Насир уставился на Фуада. Тот поклонился.

– Не заводись, я попросился с близкой подругой.

– И назвал ее рабыней и шлюхой.

– Господа, не будем ссориться, – попыталась обрести контроль над ситуацией Тара.

Фуад шагнул к двери, и рука Насира метнулась к пистолету, заткнутому за ремень.

– Да, я назвал ее рабыней и шлюхой. И не погрешил против истины. А у тебя другое мнение по этому поводу, щенок?

– Выбирай слова, когда говоришь с женщиной.

– Халиф вышел из тюрьмы – и ты осмелел? Надо было научить тебя уму-разуму десять лет назад, когда вы все скулили у моих ног, оставшись без покровителя.

– Может, кто-то и скулил, – согласился Насир. – Но теперь пришел твой черед скулить. Гости спрашивали, придешь ли ты на ужин. Еды будет много, а слуг мало. Кто-то должен помогать им и подносить блюда.

Холодно улыбнувшись, Фуад обошел Тару, миновал эльфа и остановился в дверях.

– Обязательно приду. У меня есть сюрприз для короля. Он оценит.

– Ты как? – спросил Насир у женщины.

– Порядок, – ответила та. – Но очень хочу убраться отсюда ко всем чертям и наконец-то купить пару платьев.

– Держи.

Тара оглядела маленький кинжал из храмового серебра в украшенных драгоценными камнями ножнах.

– Мой подарок королеве, – с серьезным видом сказал эльф.

– Эм... спасибо. В сказках королевам дарят хрустальные туфельки и драгоценности.

Похоже, мы в другой сказке.

– Эоланта-султана всегда носила с собой кинжал. Все женщины от крови первых богов носят оружие.

– Неудивительно, она же работала в тюрьме строгого режима. Привычка – вторая натура. – Тара спрятала кинжал. – Ладно, приятель. Я хочу попасть в самый дорогой магазин в этом чертовом городе и купить самое дорогое из тамошних платьев. И если мы не попадем туда в ближайшие двадцать минут, я воспользуюсь этой игрушкой и кого-нибудь прирежу.

Глава десятая. Ливий. Прошлое

1962 год

Багдад, Ирак

– Надзиратель! Э-э-эй, надзиратель! Оглохли вы там все, что ли?!

Асад наклонился и, взяв с пола металлическую миску, постучал ей по решетке камеры.

– Да не шуми ты, – успокоил его Эмир, перетасовывая колоду карт. – На тебя раздавать – или сегодня ты не собираешься возвращать сигареты, которые проиграл Ливию?

– Нахрен ваши карты, – огрызнулся Асад. – Я голоден, а на ужин нас должны были позвать час назад! У поваров что, забастовка?! Эй, надзиратель!

Эмир кивнул Халифу, который сидел на полу чуть поодаль, и начал раздавать карты.

– Дело твое. Если выиграю, все сигареты достанутся мне.

– У меня есть целых полгода для того, чтобы отыграться, – сказал Асад и вздохнул. – Эх, лучше бы тебя загребли за баб, которыми ты торгуешь, а не за наркоту, Халиф. И отмотал бы ты годков семь вместе с нами. А то выйдешь на свободу и упорхнешь, как певчая птичка. И опять начнется бардак, банда Гасана за старое примется. После того, как ты ему ребра переломал, они сидят тише воды, ниже травы.

– Ну так пойдем со мной, сынок, – предложил Ливий, изучая свои карты.

Асад отвернулся от решетки бросил на него насмешливый взгляд.

– Разве что смотаться отсюда под шумок, но если поймают – себе дороже.

Появившийся в коридоре надзиратель ударил по решетке дубинкой.

– Чего разорался, Карман? Вроде ты на прошлой неделе был в одиночной камере, не хватило?

– Жрать хочу, – коротко ответил Асад.

– Ужин скоро подадут. – Надзиратель заглянул в камеру. – А что насчет вас, девочки? Тоже проголодались – или на диете, после семи вечера есть нельзя?

Получив в ответ порцию молчания, он выпрямился и заложил большие пальцы за ремень брюк.

– Есть особые просьбы до того, как я уйду и оставлю вас сплетничать о женском? Хиббинс, у тебя точно есть. Ты сегодня чересчур молчалив.

Ливий в очередной раз глянул на карты и прикинул, какова вероятность того, что Эмир прячет в рукаве крупный козырь. Мухлевал соперник превосходно, обыграл бы самого черта при необходимости.

– Сегодня ничего особенного, сынок. Разве что позволю себе напомнить о марокканском масле, которое я выпрашиваю на коленях уже целую вечность. Посмотри, во что превратились мои волосы. Еще немного – и они потеряют восхитительный золотистый оттенок.

Надзиратель упер руки в бока.

– Что-то еще? Может, фен, щетку с натуральным ворсом и укрепляющий шампунь? А лак для ногтей тебе не нужен?

– Принесешь свой – или заберешь у младшей сестренки? Кстати, сколько ей исполнилось? Уже есть шестнадцать? Будет, с кем поразвлечься, когда я наконец-то отсюда выйду.

– Надеюсь, в постели она поискуснее, чем твоя младшая сестренка, с которой я

развлекаюсь сейчас. Совсем скоро мне надоест, и я примусь за старшую.

Положив карты на пол, Халиф поднялся на ноги и подошел к решетке. Асад шмыгнул в сторону.

– Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что ни одно слово, слетающее с твоего поганого языка, меня не задевает, сынок?

– Ты просидел здесь четыре с половиной года – и будешь сидеть еще шесть месяцев, Хиббинс. У меня есть все время на свете для того, чтобы выбить из твоей головы дурь. И будь уверен: я это сделаю. Ты забудешь про свой нож, перестанешь избивать других заключенных и выйдешь отсюда паинькой. Видал я и более крутых молодцов.

– Прости, забыл добавить. До того, как покувыркаться с твоей младшей сестренкой, я отымею твою мамочку. Помню, ты показывал кому-то из надзирателей фотографию, и я мельком увидел ее лицо. Кажется, мы с ней уже встречались. Только не могу вспомнить, где я ее видел. То ли в ливанском борделе, то ли среди дешевых потаскух, которых толкают заезжим европейцам. Скорее всего, второе. Европейцы любят восточных женщин. Экзотика.

– Эй, Халиф! – крикнул кто-то из соседней камеры. – Оттрахай его мамашу как следует, а потом пригласи нас в гости, чтобы мы тоже отведали!

Коридор наполнился громким хохотом. Надзиратель сделал шаг к решетке и положил руку на кожу дубинки, прикрепленный к ремню.

– Давно ты не отхватывал пару-тройку ударов по почкам, Хиббинс.

– Мечтаю о них сильнее, чем о раздвинутых ногах твоей мамочки. Думаю об этом двадцать четыре часа в сутки. Даже во сне.

– Какого хрена здесь происходит?

Второй надзиратель, ростом чуть пониже первого, но шире в плечах, подошел к приятелю.

– Хиббинс выкаблучивается, – последовал немедленный ответ.

– Он делает это каждый день на протяжении четырех с половиной лет, пора бы привыкнуть. – Второй надзиратель посмотрел на Ливия. – Заключенный номер D-489, на выход.

Халиф смиренно подождал, пока откроют дверь, отошел на шаг и протянул руки, ожидая, что на запястьях закроются наручники, но провожатый мотнул головой.

– Пошли, пошли. Сегодня обойдемся без браслетов.

– Мы с тобой еще не закончили, ублюдок, – пригрозил первый надзиратель. – Я припомню тебе и мать, и сестру.

– Уверен, сынок. Не забудь про обещанные удары по почкам.

– А чтобы и ты не забыл, вот тебе приятный сюрприз напоследок. Сегодня ты остаешься без ужина и в ближайший месяц не получишь ни одной сигареты.

Второй надзиратель взял Ливия под локоть.

– Хватит трепаться, заключенный номер D-489. Вас ждут.

– Эй! – ожил Асад. – Так что насчет еды, черт побери? Или без ужина оставили Халифа, а в итоге наказали всю тюрьму?!

Заключенные в других камерах дружно застучали мисками по решеткам, требуя ответа. Первый надзиратель прошелся по коридору.

– А ну заткнулись все! – гаркнул он. – Еда будет через полчаса! И если хотя бы одна миска еще раз ударит о решетку, останетесь не только без ужина, но и без завтрака!

Провожатый увел заключенного номер D-489 в большую комнату, где между сменами

отдыхали надзиратели, и вручил ему прозрачный полиэтиленовый пакет.

– Двадцать минут для того, чтобы привести себя в порядок, Хиббинс. Причешись и надень нормальную одежду.

– Вы решили наградить меня за хорошее поведение и устроить свидание с красивой женщиной? – улыбнулся Ливий, изучая содержимое пакета.

– У тебя встреча со старшим надзирателем.

– Я думал, что он заканчивает смену около пяти после полудня.

– Верно, – подтвердил собеседник. – Я повезу тебя к нему домой.

Халиф озадаченно кивнул, размышляя о том, что может означать такой поворот событий.

– Я буду послушным мальчиком.

– Очень на это надеюсь, а поэтому, как видишь, не заковал тебя в наручники – и не планирую. Я работаю здесь десять лет, но на моей памяти еще никто такой аудиенции не удостоивался. О чем бы вы ни говорили, беседа будет важной. И сбрей чертову щетину.

– Щетину? – удивленно переспросил Ливий. – А она-то в чем провинилась?

– Двадцать минут, Хиббинс. Я жду за дверью.

Неприметная служебная машина выехала за ворота тюрьмы и начала петлять по ночным улицам, удаляясь от каменного здания, в стенах которого Ливий провел последние четыре с половиной года. Притормозил надзиратель лишь один раз: сунул под нос дежурившему на контрольно-пропускном пункте охраннику удостоверение и передал бумагу с отпечатанным на машинке текстом. Охранник внимательно изучил документы и кивнул, жестом предлагая водителю ехать дальше. Когда городские пейзажи сменились полузаброшенной ухабистой дорогой и тянущимися по обе стороны от нее пустырями, Халиф, гадавший, где же кроется подвох, расслабился.

– Ты тоже в пригороде живешь, сынок? – обратился он к водителю.

– Еще раз назовешь меня «сынок» – и отхватишь по зубам, Хиббинс. Я повез тебя на короткую ночную прогулку, но в лучших друзей мы не превратились и вряд ли когда-нибудь превратимся. Я предпочитаю держаться подальше от такой швали, как ты.

– Откуда столько агрессии? Я задал невинный вопрос. Нужно же поддерживать разговор. В тюрьме я растерял навыки ведения светской беседы.

Сосредоточившийся на дороге надзиратель не ответил. Свет фар выхватывал из темноты отмечавшие расстояние столбы и засохшие растения. Ветер швырнул под колеса перекаати-поле, черная кошка шарахнулась в кусты. Ливий припомнил, что на востоке не разделяют европейские суеверия по поводу этих животных, кое-где черные кошки считаются чуть ли не талисманом.

– На месте старшего надзирателя я бы тоже поселился за городом. Тишина, красота, чистый воздух, одиночество. Можно творить все, что хочешь. – Халиф глянул на спутника. – Молчу.

Полчаса спустя надзиратель остановил машину возле высокого каменного забора, но двигатель глушить не стал.

– Выходи, Хиббинс.

– Я пойду один? – уточнил Ливий.

– Сотрудникам тюрьмы сюда входить запрещено.

– Звучит так, будто за воротами особо секретный объект. Может, вы решили меня потихому пристукнуть, а до этого помучить всласть? Подходящее место, криков никто не услышит, и труп закопаете неспешно и со знанием дела.

– Свой запас словесной чуши на сегодня вы исчерпали, заключенный номер D-489. И запас моего терпения тоже подходит к концу. Если вы прямо сейчас не поднимете свою костлявую задницу и не пойдете к воротам, я закопаю вас в ближайшем лесу.

Выбравшись из машины, Ливий ступил на аккуратную дорожку, по обеим сторонам которой лежали ровные ряды крупной гальки. Надзиратель переключил передачу и отъехал метров на пятьдесят, а потом остановился у обочины, освещая дорогу тусклыми фарами. Час от часу не легче, подумал Халиф и постучал в ворота, воспользовавшись висевшим здесь же бронзовым молоточком, украшенным миниатюрной фигурой русалки. Мгновение спустя одна из створок приоткрылась, и в проеме показалась кудрявая голова хорошенькой девушки. Она была одета в короткую полупрозрачную тунику и держала в руке фонарь.

– Привет, – поздоровался гость. – Меня зовут Ливий Хиббинс. Я пришел к старшему надзирателю. Вы, наверное, его... – Он оглядел девицу еще раз. – Хм. Дочь? И как он позволяет вам разгуливать в таком виде, да еще и выходить к незнакомым мужчинам?

Девушка приоткрыла накрашенные ярко-алой помадой губы, недоуменно уставившись на Ливия, а потом звонко расхохоталась.

– Дочь? – переспросила она. – Да, можно сказать и так. Проходите, мистер Хиббинс. Мой отец, – насмешливо подчеркнула девица последнее слово, – с нетерпением ждет вас весь вечер.

Заперев ворота, незнакомка провела гостя по тропинке между высоких деревьев и пышных кустов. Либо старший надзиратель никого не боится, либо его охрана хорошо прячется, подумал Ливий. Он изучал силуэт виллы из светло-серого камня, но плавный изгиб бедер девицы выглядел намного соблазнительнее изящной архитектуры. Взвесив все «за» и «против», он решил, что если ему и отрежут за наглость что-нибудь жизненно важное, это будет потом. А красивых женщин он не видел четыре с половиной года, и упущенная возможность пофлиртовать с одной из них приравнивалась к особо тяжкому преступлению.

– Как тебя зовут, солнышко?

– Китти, – ответила девица, не оборачиваясь.

– Не скучно такой красавице жить за городом, в глуши? Или папочка бережет тебя от посторонних глаз?

– Скучают только уродливые простушки, мистер Хиббинс. Красивые женщины находят развлечения везде и всюду.

– Пьешь безалкогольные коктейли с подругами и читаешь женские журналы?

Девица бросила на него короткий взгляд через плечо.

– В том числе. У меня много подруг. Хотите познакомиться с ними, мистер Хиббинс?

– Они такие же хорошенькие, как ты?

– Все как на подбор.

– Тогда я не прочь завести с ними по-настоящему близкое знакомство. Я успел истоскаться по красивым женщинам. В тюрьме подобными угощениями не балуют.

– Сами напросились.

Внезапно сменив курс, женщина направилась в сторону ярко освещенной лужайки, которая до сих пор скрывалась за кустами. Миновав их, она легко толкнула Ливия в спину, и он ступил на мягкую траву. Открывшееся зрелище походило на что угодно – но только не на

скромные посиделки подруг дочери старшего надзирателя. Возле большого бассейна, стилизованного под пруд, сидели десятка два женщин разных возрастов и рас. Объединяло их только одно: практически полное отсутствие одежды. Сборище мирно щебетало и смеялось, распивая шампанское, закусывало содержимым сырных тарелок и подносов с бутербродами. При появлении Халифа женщины замолчали, но уже через секунду заговорили снова. Совсем в другом тоне.

– Кого это ты нам привела, Китти? Мальчика-красавчика?

– Плохого мальчика-красавчика. Посмотрите на него, он мечтает о том, чтобы его кто-нибудь отшлепал.

– Какие чудесные серые глазки! Я уже от них без ума. Подойди поближе. Хочу рассмотреть тебя как следует.

– Какой стеснительный. Идем, у нас есть шампанское и черная икра. Садись сюда, плохой мальчик-красавчик. Сперва мы тебя отшлепаем, а потом накормим в качестве утешения.

Ливий пару раз моргнул, пытаясь отогнать видение. Должно быть, у него помутился рассудок. Шутка ли – впервые за четыре с половиной года оказаться на воле и вдохнуть полной грудью свежий воздух. В противном случае внятных объяснений тому, каким образом он перенесся на остров амазонок, не существовало.

Одна из женщин, высокая и темнокожая, поднялась и подошла к нему. Пальцы незнакомки ощупали лицо Халифа так, будто он был рабыней на невольничьем рынке. Спустя мгновение она потерлась щекой об его щеку и сделала глубокий вдох.

– Мне нравится новая игрушка. Советую согласиться по-хорошему и принять угощение.

Даже если бы Ливий знал, что на это ответить, он не смог бы произнести ни слова, так как от нереальности происходящего у него отнялся язык. Вторая женщина, светловолосая европейка с мягкими чертами лица, ткнула гостя пальцем в плечо.

– Худоват, – вынесла вердикт она. – Но на безрыбье и рак рыба. В последний раз предлагаем тебе шампанское и еду, плохой мальчик-красавчик. Потом я возьму плетку.

– Плетку?.. – переспросил Халиф, к которому вернулся дар речи.

Одно из окон на втором этаже виллы распахнулось, и в ночном воздухе разлилась нежная трель колокольчика. Женщины тут же отступили назад и заняли свои места на траве.

– Не забудь пройти этой же дорогой, когда будешь возвращаться, плохой мальчик-красавчик, – сказала темнокожая.

– Мы оставим тебе немного шампанского, – добавила европейка. – А если опоздаешь, придется слизывать его с меня. Уверен, что не хочешь попробовать сейчас?

С этими словами она вылила себе на грудь полный бокал и провела ладонями по мокрой ткани купальника, бросив на Ливия томный взгляд. Китти взяла гостя под руку и повела его к дверям виллы.

– Это и вправду твои подруги? – вполголоса спросил Халиф у девицы.

– Они тебе не понравились? – искренне удивилась та.

– Понравились. Но я представил, что они бы со мной сделали, согласись я выпить шампанского и закусить черной икрой.

Китти закатила глаза.

– Оттрахали бы тебя по очереди, только и всего. Как видишь, у нас тут сугубо женское общество, мужчины появляются редко. Мы скучаем.

– А что твой отец думает по поводу того, что ты проводишь время в такой компании?

– Сейчас ты спросишь сам.

Ступив за порог виллы, Ливий перенесся из восточного города в европейский особняк. Вместо персидских ковров на полу лежали звериные шкуры, стены были украшены латунными гравюрами, мебель выглядела лаконичной. Поднимаясь по лестнице следом за своей провожатой, Халиф поймал себя на странной мысли: а ведь он ни разу не видел старшего надзирателя даже издали и ничего о нем не знает, хотя проблемные заключенные имеют доверительные беседы с подобными господами чуть ли не каждый месяц. Чудной парень прячется от всех, живет на вилле, которая подошла бы европейцу – французу или, предположим, итальянцу – и собрал у себя гарем красавиц, готовых наброситься на любого мужчину. При мысли о повторной встрече с ними Ливий ощущал смутное беспокойство и надеялся, что обратно его поведут другим путем.

Остановившись перед одной из дверей, Китти коротко постучала и, не дождавсь ответа, вошла.

– Идем, трусишка, – со смехом позвала она Халифа. – Тебя тут не съедят.

Комната, оказавшаяся рабочим кабинетом, была обставлена по-спартански: небольшой письменный стол из темного дерева с двумя стульями на вытоптанном ковре, обитое алым бархатом кресло у большого окна и низкий кофейный столик напротив, шкаф, снизу доверху набитый книгами. Вторая половина комнаты частично скрывалась за разукрашенной японскими орнаментами ширмой, открывая взору гостей оттоманку с небрежно брошенным на нее шелковым халатом, стоящую на полу бутылку вина и большой старинный канделябр. В кабинете пахло свечным воском, терпкими древесными благовониями и свежими духами.

– Эо, ты здесь? – позвала Китти. – Я привела плохого мальчика-красавчика. Ой, то есть, заключенного номер D-489.

– Спасибо, Кантара, – донеслось из-за ширмы. – Ты можешь идти.

– Всегда пожалуйста, сестренка. Но если ты еще раз назовешь меня этим дурацким именем при посторонних, я выщарапаю тебе глаза.

– Присаживайтесь, заключенный номер D-489.

Ливий остался стоять, неотрывно наблюдая за ширмой. Тонкая рука с молочно-белой кожей взяла с оттоманки халат, и перед гостем появилась высокая стройная женщина с пышными иссиня-черными кудрями, свободно лежащими на плечах. Ее лицо – тонкое, с изящными высокими скулами, аккуратным прямым носом и чуть капризным изгибом губ – Халиф видел впервые, но янтарные глаза узнал мгновенно.

– Это вы, – сказал он.

– Не ожидали, что мы увидимся еще раз?

– Не ожидал. Я расспрашивал о вас всех надзирателей, но сукины дети так ничего и не рассказали.

– Славно. Значит, я хорошо обучила своих мальчиков. Садитесь, заключенный номер D-489.

Сказав это, женщина опустилась в кресло по другую сторону стола. Ливий, помедлив, занял один из стульев.

– Ваш супруг назначил мне встречу.

– Мой супруг? – рассмеялась незнакомка.

– Старший надзиратель. Разве вы – не его жена?

– Очень приятно, Эоланта Нойман. Встречу вам назначила я.

– Что? – переспросил Халиф, глядя в лицо женщины. – Вы старший надзиратель?..

Эоланта открыла малахитовую шкатулку и достала крохотный шарик мятного драже.

– У каждого своя работа. Вы продаете наркотики, я слежу за порядком в иракской тюрьме строгого режима. Вам по роду деятельности порой приходится сидеть в тюрьме, мне – избивать заключенных. Но чаще всего я нахожусь здесь и удовлетворяюсь докладами своих подопечных.

– Заключенных вы хорошо избиваете, спору нет.

Женщина провела ладонью по горлу и широко улыбнулась, показав идеально ровные зубы, похожие на жемчужины.

– Вижу, шрам почти зажил.

– Равно как и три сломанных ребра, вашими молитвами.

– Но за языком следить вы так и не научились.

– Как любил говорить мой почтенный отец, да упокоят первые боги его душу, горбатого исправит только могила.

Ливий наблюдал за тем, как Эоланта отправляет драже в рот. Средний палец ее правой руки украшало тонкое бриллиантовое кольцо, на запястье поблескивал браслет-цепочка из белого золота. В то, что эта красивая женщина в дорогом шелковом халате занимает должность старшего надзирателя, поверить было невозможно. Или она шутит? Решила его разыграть? Но какой в этом смысл? Да и кто бы позволил ему уехать из тюрьмы, не будь она старшим надзирателем, и не подпиши она соответствующий приказ?

– О чем размышляете, заключенный номер D-489?

– Не могли бы вы обращаться ко мне по имени, леди Эоланта?

– Как пожелаете. Ливиан. Отец дал вам красивое благородное имя. Жаль, что вы его сокращаете. Я часто встречаю темных эльфов в тюрьме, но создание, у которого не получается спрятать аристократическое происхождение даже под уголовными замашками, вижу впервые. Вас боятся все заключенные и большая часть надзирателей, а вы до сих пор выглядите милым эльфеночком, который во всем слушался родителей, в совершенстве знает темный язык и историю Темного мира и прекрасно владеет парными клинками. Может, вы еще и на музыкальных инструментах играете? Как насчет скрипки?

Обычно на ум Ливию в любой ситуации приходил не один десяток остроумных ответов, но в присутствии Эоланты он ощущал скованность, не позволявшую даже открыть рот. Он был околдован этой женщиной. Ее холодной красотой, силой, наполнявшей каждое ее движение. Высших темных эльфиек Халиф встречал много раз, но в Эоланте чувствовалось не свойственное этим созданиям благородство, а почти королевское величие. Он безошибочно уловил это еще тогда, когда они увиделись впервые, хотя она была закутана в накидку по самые глаза. А теперь они сидят здесь, друг напротив друга. Их не разделяет решетка, на нем нет наручников. Но невидимая черта, которую она провела между ними, прочнее тюремных стен.

– Нет, я не играю на скрипке.

– Что такое, проглотили язык? В тюрьме вы были поразговорчивее. И вели себя понаглее. Я вас смущаю? Кстати, как вам мои девочки?

– Очень милые дамы.

– Каково это: ощущать себя мясом, которое выставляют на продажу? Вам понравилось? Хотите попробовать еще?

– Зачем вы меня пригласили?

Эоланта достала из ящика стола тонкую папку и открыла ее.

– Хочу предложить вам сделку, Ливиан.

– Подслушать, что говорят другие заключенные, а потом передать вам? Я в такие игры не играю.

– Знаю. – Она начала переверачивать документы в папке. – Если верить паспорту, вам тридцать, и большую часть жизни вы провели в тюрьме. Вас судили за торговлю наркотиками и людьми, за убийства. И вот вы снова попали в тюрьму. И начали вести себя из рук вон плохо. Хамили надзирателям, избивали заключенных. Несчастный Гасан Хабиб из-за вас трижды попадал в лазарет.

– В следующий раз сукин сын крепко призадумается перед тем, как науськивать своих бандитов. Больше они не нападают на безоружных впятером из-за угла.

– Я не договорила, заключенный номер D-489.

В голосе Эоланты зазвучал металл. Ливий покорно опустил голову.

– Прошу прощения.

– У вас есть уникальная способность объединять людей вокруг себя и разрешать конфликты мирным путем. Как говорят смертные, природный талант лидера. Начальник тюрьмы хватается за голову, когда на его стол ложится очередная жалоба с указанием вашего имени, но вы избавили надзирателей от множества проблем. – Она помолчала. – К примеру, от чрезмерной наглости Гасана Хабиба. Надеюсь, трех визитов в лазарет ему хватит, и он поумнеет.

– Свежо придание – верится с трудом, – вставил Халиф, воспользовавшись паузой.

– Я знаю, что у вас есть покровители в криминальных кругах. Вы приходитеесь близким другом алжирскому работоторговцу Аднану, и без него давным-давно отбывали первое – и не последнее – пожизненное заключение. Но не будем ворошить все это, Ливиан. Представим, что вы выйдете из тюрьмы через две недели и начнете жизнь с чистого листа.

Ливий расслабленно улыбнулся.

– Вы ошиблись. Я буду мозолить глаза вашим мальчикам целых шесть месяцев, леди Эоланта.

Женщина достала из папки документ и помахала им в воздухе.

– Это мое прошение о досрочном освобождении Ливиана Хиббинса, заключенного номер D-489, подписанное начальником тюрьмы. Еще четырнадцать дней, дорогой мой – и вы смените душную камеру на уютную квартиру. Или на загородный дом, тут уже решать вам.

– Ваше прошение? Но зачем... простите. Вы пригласили меня на свою виллу, хотя могли принять в тюрьме. Могли передать письмо через одного из надзирателей. Зачем устраивать спектакль? Или вы хотели понаблюдать за тем, как меня домогаются ваши амазонки?

– Почему бы и нет? У вас был такой глупый и беспомощный вид. Самый уверенный в двух мирах мужчина почувствует себя полным дураком в таком обществе, верно?

Эоланта встала, медленно обошла стол и остановилась у Ливия за спиной. Он чувствовал запах розового масла от ее волос, ощущал тепло ее кожи и вздрогнул, когда ладонь женщины легла ему на плечо.

– Давай подумаем вместе. Может, у меня слабость к сероглазым джентльменам? Или я люблю плохих мальчиков, а на этот раз встретила по-настоящему плохого и решила поддаться соблазну? Или же мне нравится, когда мужчина не терпит оскорбления молча, а достает нож

и убивает обидчика, потому что ублюдок это заслужил? Нравится, когда он может постоять и за себя, и за других, и плевать хотел на закон, потому что именно так поступает мужчина? Сойдемся на том, что все варианты верны.

Запустив пальцы Халифу в волосы, Эоланта наклонилась ниже и зашептала, касаясь губами его уха:

– Вот как будет выглядеть наш план. Ровно через две недели ты заберешь свои вещи, выйдешь за ворота тюрьмы и отправишься сюда. Ты сможешь выбрать любую из амазонок, которых видел сегодня возле бассейна, сделать с ней все, что пожелает твоя душа, и ни одна из них не скажет ни слова против. А потом ты поднимешься в этот кабинет. Здесь есть внутренняя дверь, ведущая в мою спальню. Ты оттрахаешь меня так, чтобы я забыла собственное имя, и постарайся как следует, иначе я разозлюсь. Хочешь опустить бессмысленный этап с амазонками и перейти к последнему?

У Ливия пересохло во рту, и он с отчаянием путника, целую вечность бродившего в пустыне, посмотрел на графин с водой, стоявший на расстоянии вытянутой руки. Пальцы Эоланты погладили его щеку и прикоснулись к губам. Окружающий мир померк, перестал существовать, растворившись в облаке эмоционального запаха женщины: томного, сладкого, кружившего голову и прогонявшего все мысли, помимо одной. Сейчас он сорвет с нее халат и возьмет прямо здесь, на столе, наплевав на открытую дверь и девиц, что веселятся внизу. Это желание было таким сильным, что Халиф сжал кулаки, отдавая телу приказ успокоиться.

– Не тороплю с ответом.

Эоланта отошла к окну и, взяв маленькую лейку, начала поливать цветы на подоконнике. Краем глаза она следила за тем, как Ливий наполняет стакан водой из графина.

– Я понял, – сказал он. – Ты говорила о сделке. Какую услугу плохой мальчик может оказать всевластной госпоже?

– Поговорим после того, как ты покажешь, на что способен. Свое имя я пока что не забывала.

– А ты так приятно пахнешь, что я почти забыл свое.

– Постарайтесь не буянить сверх меры на протяжении этих двух недель, заключенный номер D-489. Вы свободны. Я позову Китти, она проводит вас безопасной дорогой.

Весна 1977 года

Алжир

Появившуюся в дверях кабинета мадам Брике Ливий узнал не сразу. Копна иссиня-черных кудрей сменилась модной в Европе короткой стрижкой, свободные одежды из разноцветного шелка – строгим деловым костюмом. Единственным, что напоминало о прошлом, было изящное кольцо из фиалковой бирюзы – свадебное украшение, которой ей преподнес ныне покойный супруг. Мадам Брике подошла к столу, двигаясь со свойственной ей кошачьей грацией, и остановилась в шаге от предназначавшегося для гостей кресла. Ее улыбка была не такой широкой, как раньше, но по-прежнему обещала все удовольствия в двух мирах.

– Каждый день за ужином мы возносили молитву Великому Богу и упоминали твое имя, – негромко сказала она по-французски. – Наш господин учит нас, что мы, неразумные дети, часто уходим с верной дороги, и Ему, милосердному и полному любви, приходится быть суровым. Все трудности, с которыми мы сталкиваемся на пути – уроки, благодаря которым мы становимся сильнее и мудрее. Слабым, говорит Великий Бог, уроки не нужны. Самые сложные испытания достаются сильным. – Женщина легко склонила голову. – Королей боги испытывали во все времена. Многие падают и не находят в себе сил подняться. Истинный король встает и продолжает свой путь.

– Рад тебя видеть. Ты изменилась.

– Только снаружи. Внутри я по-прежнему слабая женщина, преданная жрица того, кто подарил нам сердце, наполнив его любовью к красоте.

– Слабая женщина не смогла бы в течение десяти лет противостоять мужчинам, которым принадлежит этот город.

Аккуратные брови мадам Брике едва заметно приподнялись.

– Этот город принадлежит не тому, кто бродит по улицам с ножом и на каждом углу кричит, что он король, а тому, кто умеет решать проблемы. Как говорили на востоке еще издревле, умоляя об уважении, уважения не заслужишь.

Ливий поднялся женщине навстречу. Гостья протянула ему руку для поцелуя, а потом грациозно опустилась в кресло у стола.

– Сегодня за завтраком мы выпили за твое здоровье по бокалу золотого вина. Девочки отговаривали меня, дескать, нужно сохранить последнюю бутылку для праздника полной луны, но я сказала, что есть праздники и поважнее, да простит всех нас Великий Бог. Мы заработаем еще денег и забьем весь погреб золотым вином, но без нашего покровителя продолжим влачить жалкое существование.

– Вижу, дела у тебя не очень.

Мадам Брике опустила глаза на свои ногти, покрашенные ярко-алым лаком, и покрутила бриллиантовое кольцо на указательном пальце левой руки.

– С тех пор, как полиция наведальась к нам и перевернула все комнаты вверх дном, наше скромное заведение пользуется дурной славой. На улицах говорят, что островка изысканного разврата больше нет, остался грязный притон с дешевыми шляхами. Что здесь больше не угощают опиумом, тонкими винами, диковинным шоколадом и свежими фруктами. Я отдавала месье Талебу последние деньги, считала каждый цент, но он не торопился

выполнять своих обещаний. Потом я перестала платить и объяснила ему причину. И что же получилось в итоге? Его люди заявили к нам посреди ночи и устроили погром. Избили охранников. Девушкам, которые пробовали вмешаться, тоже досталось. А потом они пришли ко мне домой. Разбили окна, изодрали ковры, достали из шкафа платья и изрезали их в мелкие клочки. – Она развела руками. – Вот по каким законам живет твой наследный принц, Ливий. Дает пустые обещания и избивает женщин.

Халиф протянул мадам Брике позолоченный портсигар. Достав сигарету, она прикурила от зажженной им спички.

– Кто сейчас охраняет твое заведение?

– Я закрыла его на несколько дней. У меня не осталось людей для охраны, да и платить им нечем. Кое-кто из девушек попал в больницу... Гвендолен вряд ли выйдет оттуда в ближайшую неделю. – Гостья сокрушенно покачала головой. – Проклятая дикарка. Нет чтобы сидеть тихо – она просто обязана кинуться на противника с ножом, даже если это мужчина, который может прихлопнуть ее как муху. Это все индейская кровь. Если она смешивается с кровью темной эльфийки, жди беды.

Рука Ливия замерла на телефонной трубке.

– Что они с ней сделали?

– Сотрясение мозга и разбитый нос. Очень больно, но она поправится. – Жрица улыбнулась. – Я навещала ее сегодня утром. Она и до этого говорила о тебе чуть ли не каждый день, а сегодня произнесла твое имя раз двадцать, если не больше. Ждет, когда ее любимый господин снимет кожу с Фуада Талеба – желательно, посреди города, так, чтобы это видели все, и чтобы он вопил, как резаный – а потом проведет ночь в ее объятиях. Победа кажется воину особенно сладкой, если он овладел не только городом, но и женщиной.

– Не вижу ни одной причины тому, чтобы не поменять эти пункты местами и повторить первый после второго. Когда она выздоровеет, наведаюсь к вам в гости. К тому времени отыщу старого друга. Навестим вас вдвоем.

– Друзья короля – мои друзья.

Наблюдая за тем, как женщина затягивается и выпускает идеально круглые кольца дыма, Халиф поднял телефонную трубку и набрал короткий номер. Насир ответил после второго звонка.

– Тара скупила все платья в этом городе – или оставила хотя бы пару штук?

– Набрала целый ворох одежды и очень довольна, чего нельзя сказать обо мне.

– Ты должен был привыкнуть к такому, сопровождая Эоланту.

– Я не о магазинах. Позови, когда освободишься.

Ливий посмотрел на наручные часы, показывавшие начало второго после полудня.

– Можешь зайти через двадцать минут, а до этого распорядись, чтобы накрыли к обеду. Я сижу тут с шести утра и голоден, как последний черт.

– Уже иду на кухню. Еще что-нибудь?

– Да. Найди для леди Брике пару-тройку надежных охранников, поговори с каждым из них лично и объясни, что люди Фуада не должны переступать порог ее заведения. Если кто-то из них будет чересчур настойчив, можно вспороть брюхо. Вспороть брюхо, ты понял, Насир? Горло никто никому не режет и в лоб не стреляет. Я же не зверь какой-нибудь. Пусть не забывают, что Халиф не убивает людей на месте, а дает им второй шанс.

Брике, успевшая потушить сигарету в пепельнице, наблюдала за хозяином кабинета, сцепив пальцы под подбородком и неопределенно улыбаясь.

– Вспороть брюхо, – отозвался Насир. – Я понял.

– Позвони Адилю, у которого Аднан покупает вина, и попроси у него ящик золотого. Нет. Два ящика. Скажи, что я заплачу в ближайшее время, а пока он может просить о любой услуге, и я не откажу. Пусть их отвезут в заведение леди Брике.

– Боюсь, он до сих пор не расплатился с тобой за вторую жену, – рассмеялся помощник. – К слову, она успела родить ему двоих сыновей, и одного из них, первенца, он назвал в твою честь.

– Тогда передай, что я заплачу за один ящик, а второй закроет этот долг. Про оставшуюся часть мы забудем. Ах да, и еще кое-что, Насир. Распорядись, чтобы леди Гвендолен в больницу прислали букет цветов.

– Если не ошибаюсь, она любит белые розы?

– Не ошибаешься. Но на этот раз будут кроваво-красные. Пусть любит ими и представляет тот момент, когда я сниму кожу с Фуада Талеба.

Тару Халиф нашел на балконе. Она стояла в тени, пила вино и любовалась морем.

– Не скучаешь?

Эльфийка обернулась. На ней было полупрозрачное платье из лазурного кружева, делавшее ее и без того восхитительные глаза ярче. Ливий прикинул, сколько стоил этот наряд, и каким количеством ящиков золотого вина – самого дорогого в Темном мире – он смог бы за него расплатиться, но решил, что нет смысла забивать себе голову такими глупостями. Насир, с которым он успел перекинуться парой слов, сообщил много новостей. Большинство то были неприятные новости, но хорошая мгновенно подняла Халифу настроение. Помощник воспользовался своими связями в Европе и отыскал мужчину, когда-то носившего имя «Владимир Ковалев». Сегодня друга звали Рамон Эверетт, он жил в Треверберге и занимался юриспруденцией.

– Не-а, – ответила женщина. – А с чего бы мне скучать? Вино прекрасно, море прекрасно, я живу во дворце и сплю в постели короля. Кстати, у тебя шикарная библиотека! Какую часть из тамошних книг ты прочитал?

– Все. Больше половины – не по одному разу.

– Надо же.

– Что тебя удивляет?

Тара поболтала остатки вина в бокале.

– Никогда бы не подумала, что подобные тебе читают биографии политиков, королей и полководцев, не говоря уж о Платоне, Аристотеле и Цицероне.

– Я получил классическое образование, как многие из моих предков-темных эльфов, живших не один век назад. Древнегреческая философия, риторика и мертвые языки, включая диалекты общего эльфийского, входят в обязательную программу.

– Это я уже поняла. Если темный эльф получил классическое образование, то притвориться простачком даже при большом желании не сможет. А биографии-то чем тебя зацепили? Это же скука смертная.

– Почти все детство я провел в постели, умудряясь цеплять все болезни в двух мирах. У отца была огромная библиотека, под которую выделили целых три комнаты особняка. И я читал, читал и читал. Моими любимыми книгами были биографии людей и темных существ, которые изменили ход истории. Мне нравилось представлять себя на их месте. Я мечтал о том, что вырасту, стану сильным и буду творить свою историю так, как захочу. И сколько бы

мой отец ни посвящал меня, наследника, в тайны семейного бизнеса, сколько бы ни объяснял, как делаются деньги, глубоко внутри я уже тогда знал: рамки его мира мне не подходят. Они слишком узки и примитивны. Слишком много чужих правил, слишком много зависимости от других. Я тысячу раз видел, как он выпрашивает у клиентов долги, и поклялся себе, что никогда не паду так низко и ни перед кем не склоню головы.

Эльфийка понимающе кивнула и допила вино.

– И ничем хорошим это в итоге не закончилось, как я понимаю.

– Разумеется. Отец застрелился, потеряв бизнес и растратив все состояние, когда мне не исполнилось и двадцати. А мать двумя днями ранее умерла при родах. Я остался один на один с миром, о котором практически ничего не знал, с сестрами, которым приносили все на блюде с золотой каемкой, и братом, который был слишком мал для того, чтобы зарабатывать деньги. Три вечно голодных рта и ни намека на чудо вроде богатого дядюшки или случайно найденной суммы денег. Точнее, богатый дядюшка у меня есть, родной брат отца, но ползать перед ним на коленях я не стал бы даже в том случае, если бы мы оказались без крыши над головой. Я находил работу, терял ее, потом находил следующую – и снова терял. Отец научил меня руководить людьми, считать деньги, зарабатывать преумножать их, а вот умение подчиняться нерадивому сыну так и не привил. Я заметил, что большая часть людей и темных существ только и ждет, чтобы кто-то пару раз хлестнул их плеткой, и подумал: стоит ли подстраиваться под этот мир, если можно заставить других играть по своим правилам? Я не верю в первых богов, они умерли еще в те времена, когда по земле ходили эльфы с янтарными глазами и голубой кровью, но иногда они шепчут из того мира, откуда никто не возвращается. Наверное, благодаря ему я встретил работорговца, добывавшего светлых эльфиек для богатых вампиров. Я попробовал эту жизнь на вкус и понял, что нашел свое место. Надо мной не было законов. Я приходил и брал все, что хотел: женщин, деньги, уважение. Впервые я чувствовал себя свободным. Я одевал сестер в дорогие платья, покупал им украшения из храмового серебра и фиалковой бирюзы. Дарил брату все, чего он желал. Наш стол ломился от вкусной еды и изысканных вин. Младшая сестра, маленькая принцесса, искренне благодарила меня, равно как и младший брат. А старшей сестре всегда было мало. Она хотела больше денег, больше платьев, больше украшений для того, чтобы похвастаться перед подругами. И пришел тот день, когда я сказал: довольно. Я ухожу отсюда и не вернусь, как бы они об этом ни умоляли. Я оставил им крупную сумму денег и отправился восвояси. Почти сразу же после этого я впервые попал в тюрьму и должен был задуматься о том, что ступил на скользкую дорожку, но лишь уверился в правильности своего пути. Брата и сестер я содержу до сих пор, но потому, что это мой выбор. Все они знают, откуда у меня деньги, но принимают их с радостью. Хотя за старшую сестру не скажу. Она в закрытой психиатрической клинике во Франции и вряд ли понимает, кто платит за ее лечение.

Тара подошла к Ливию и приобняла его за талию.

– А младшая сестра и брат? Где они сейчас?

– Младшая сестра путешествует и ищет приключений на свою голову. Младший брат... – Ливий задумался. – Когда я слышал о нем в последний раз, он отбывал пожизненное заключение за убийство с отягчающими обстоятельствами. Не первое и даже не второе. Думаю, он до сих пор в тюрьме.

– Вижу, это у вас семейное.

– Так проявляет себя кровь первых богов. Недаром все поминают Наамана Жреца и его

янтарноглазых родственников дурным словом. Вышей еще вина, мне нужно переодеться к обеду.

– Ты переодеваешься посреди дня? – хохотнула эльфийка. – Ну и пижон. Не надо. Ты и так хорошо выглядишь. Потратим это время на кое-что более приятное.

Руки женщины обвили вокруг шеи Халифа, и она уже потянулась к его губам, но он отстранился.

– Почему ты не рассказала мне о встрече с Фуадом?

– Это Насир разболтал? Мерзавец! Я приказывала ему молчать!

– Он выполняет только мои приказы. О чем вы говорили?

– Да ни о чем, – уклончиво ответила Тара. – Он сказал пару слов, которые при дамах не произносят, но я уже привыкла.

– А потом ты вернулась и разворошила платья Эоланты, которые по твоей же просьбе разложили на заднем дворе для костра. Зачем?

Тара оттолкнула его и отошла к каменным перилам балкона.

– Какого дьявола ты за мной следишь?

– Если у тебя есть вопросы, задавай их сейчас. Второго шанса не будет.

Эльфийка молчала, нервно покусывая губы. Ее пальцы вертели пустой винный бокал.

– Этот подонок работал на меня не один год и подбирал объедки с моего стола, притворяясь послушной собачкой. Я знаю его как облупленного. Он говорил тебе, что я чудовище. Что я мучаю своих женщин, получая удовольствие от чужой боли. С чего бы Эоланте носить закрытую одежду? Конечно, она прячет под ней синяки. Вот то, что он тебе сказал? – Ливий подошел к ней. – Это правда. Я люблю мучить женщин. Мне нравится наблюдать за чужими страданиями. Они очищают меня и освобождают от мыслей о собственных страданиях, коих, уж будь уверена, в моей жизни было предостаточно. Я могу быть очень жестоким, но если что-то принадлежит мне, то я защищаю это любой ценой. Пройди по городской улице и поспрашивай встреченных там людей, причинял ли Халиф вред своим друзьям. Они расскажут, что я отдаю им последний динар и последние туфли, принимаю их как самых дорогих гостей и угощаю по-королевски даже в том случае, если завтра мне придется голодать. И уж точно не бью своих женщин. В противном случае я бы не называл их своими.

– Тогда что это были за разговоры про плетку? – прищурилась Тара.

– Если продолжишь меня злить, то с плеткой обязательно познакомишься, даю слово, – пригрозил Халиф.

– А Эоланта тебя злила?

– В тысячу раз сильнее, чем ты.

– Но ты все равно ее ни разу не ударил?

Ливий смотрел на морскую гладь и плывшие по ней корабли, с такого расстояния казавшиеся крохотными точками.

– Конечно, нет, – ответил он. – Порой ее упрямство приводило меня в ярость, но я не смог бы поднять на нее руку. Она была всем моим миром.

– Ты любил ее, – мягко сказала Тара, улыбнувшись. – Боги, это так мило.

– Если такие чудовища, как я, способны на чувства, то, наверное, любил. Но теперь это не имеет значения. Жаль, что я не могу познакомить тебя с ней. Вы бы стали близкими подругами. Она была поразительной женщиной. У нее не было завистниц и соперниц. Только подруги. Она каким-то непостижимым образом объединяла их в стаю. На такое не

способны даже волчицы.

– Мне бы хотелось с ней познакомиться, – согласилась эльфийка и не удержалась от того, чтобы добавить: – Но размер ее груди меня все равно нервирует.

– Опять ты за свое? – начал злиться Ливий. – Я думал, мы исчерпали эту тему!

– Не будь таким суровым, мой господин. Маленькая грудь в разы лучше большой, ведь она так уютно ложится в ладони.

Владимир, которого теперь следовало называть Рамоном – не хватило фантазии, и он переставил буквы в имени «Роман»? – на первый звонок не ответил, и Ливию пришлось набрать номер еще раз.

– Да, – раздался знакомый голос на другом конце провода.

– Привет, это я, – жизнерадостно объявил Халиф.

Мистер Эверетт выдержал долгую паузу.

– Ливий? – наконец заговорил он. – Ливий Хиббинс? На полном серьезе?! Как ты меня нашел?

– Мой незаменимый помощник справляется с любой задачей, какой бы сложной она ни была.

– Поверить не могу! Я не слышал тебя целых...

– ...десять лет. Вижу, ничего не изменилось – ты любишь давить на большую мозоль. Мог хотя бы ради приличия прислать маленький подарок. К примеру, на день рождения. Или на Рождество.

– Я был занят. Сумасшедшее время. – Собеседник вновь замолчал. – Прости, до сих пор в голове не укладывается. Я чертовски рад тебя слышать! Надеюсь, ты здоров?

– Спина болит нещадно, а еще я заработал гастрит и ношу очки для чтения. В остальном порядок.

– Теперь ты наконец прислушаешься к моим советам и будешь спать на полу. Это полезно для поясницы.

– Да-да. А потом, глядишь, брошу курить и начну бегать по десять километров каждый день, как ты. Но случится это в следующей жизни. Что за дурацкая идея – спать на полу? У меня есть кровать и мягкая подстилка. Последнюю ты обязательно оценишь, когда приедешь в гости. К слову, ты успел оттрахать всех женщин в Треверберге – или еще немного осталось?

– Теперь и я вижу, что ничего не изменилось. Предлагаю оставить эти разговоры для личной встречи и выбрать более важную тему.

– Отличная мысль. Сейчас ты назовешь коды моих швейцарских счетов, и я распоряжусь, чтобы Насир заказал для тебя билеты на ближайший рейс. Или ты, как пишут в дрянных детективах, решил завязать со всем этим дерьмом? Абсолютно законная адвокатская практика, налоги, образ жизни приличного гражданина?

– Во что ты вляпался на этот раз? – поинтересовался Рамон тоном родителя, которому позвонил сын-подросток с просьбой внести за него залог.

– Хочу организовать уборку в своем королевстве, выловить крыс и вручить империю наследному принцу. На этот раз я выберу его лично. Но мне нужна твоя помощь. Крыс слишком много, а я их никогда не любил.

– Да, я слышал вполуха. Кто бы мог подумать, что Фуад Талеб окажется таким скотом.

– Так это правда, ты завязал с преступным миром?

Собеседник весело рассмеялся.

– С мелочами, которыми мы с тобой баловались в давние дни, я завязал. Теперь у меня есть кое-что получше.

– И что же?

– Огромный европейский город, полный возможностей, по улицам которого текут реки денег. Он похож на дикую лошадку, которая ждет повернутого на всю голову седока. Я никогда не стремился к абсолютной власти, но ты на эту роль подойдешь идеально. Больше мы никому не подчиняемся, Ливий. Никаких авторитетов. Никаких судей. Мы сами будем судьями, а ты станешь главным судьей. Этот город будет принадлежать тебе. Над тобой – только Орден.

Халиф помолчал, осмысливая услышанное. На мгновение он забыл и про Эоланту, и про Фуада, и про Тару, и про утерянную корону, которую хотел вернуть. Он представил, каково это – получить власть не над крохотным городишкой вроде Алжира, а над гигантским Тревербергом. Время детских игрушек и мини-империй подошло к концу. Он будет королем обоих криминальных миров, светлого и темного. Орден? Его не пугает Орден. Договариваться Ливий умел не хуже, чем резать чужие языки. Орден заботится о равновесии, а уж наладить баланс сил между темной и светлой преступными структурами он сможет.

– Ты там онемел? – ожила трубка.

– Это... это... – Халиф потер лоб. – Это возбуждает.

– Хочешь записать коды до того, как на этой замечательной ноте отправишься к своей мягкой подстилке – или перезвонишь позже?

Ливий достал из ящика стола чистый блокнот и взял ручку.

– Диктуй.

Интерлюдия. Умар. Прошлое

Пятидесятые годы двадцатого века, Европа

Анвар Мутаз сделал последнюю затяжку и, щелкнув пальцем по остатку сигареты, отправил его прямиком в урну. Мусор вынесли несколько минут назад, иначе случился бы миниатюрный пожар, но Анвара это не смущало. Его вообще мало что смущало – помимо того факта, что он сидел в тюрьме, пожалуй, но за решетку он попадал не в первый раз и к роли заключенного успел привыкнуть. Анвар специализировался на крупных грабежах. Год назад его взяли с поличным и накинули еще три годка к основным пяти за причинение тяжких телесных повреждений полицейскому при исполнении. Это Анвара тоже не смущало: почесать кулаки он любил, особенно если мишень носила форму. Поговаривали, что однажды он убил таможенника, но Умар слухам не верил. Он верил фактам. А факты сообщали, что Анвар Мутаз в целом был неплохим парнем, с которым всегда можно договориться. Помимо прочего, он принадлежал к криминальной элите и имел высокий статус в тюремной иерархии. Анвар, в свою очередь, держал Умара при себе: ему нравились люди, умеющие решать конфликты. Как мирным, так и не совсем мирным путем.

– Бросал бы ты это дело, – сказал Умар. – Когда-нибудь легкие выплунешь.

– Да и черт с ним, – отозвался Анвар. – Все сдохнут, а мы с тобой вряд ли будем жить долго. Нужно наслаждаться, пока ты топчешь эту землю. Во, гляди. Весна на улице. Где-то птички поют и деревья цветут. Что еще нужно для счастья?

Они сидели на скамье закрытого двора и наблюдали за заключенными. Кто-то бесцельно бродил туда-сюда, кто-то играл в карты или шашки, кто-то читал книги в потертых обложках или писал письма. Надзиратели, разместившиеся чуть поодаль, пили кофе и время от времени поглядывали на своих подопечных. Публика в этом крыле была относительно спокойной, и за порядком здесь следить не требовалось. А даже если бы начались неприятности, Анвар их в два счета разрулил бы. Его в этих стенах уважали, равно как и Умара, имевшего статус свободного заключенного: он мог покидать свою камеру на протяжении дня и оказывал персоналу тюрьмы посильную помощь. В основном, организационного характера. Хорошее поведение творит чудеса.

– Для счастья? – повторил Умар. – Родной Алжир, мягкая кровать и красивая женщина без одежды.

Анвар хмыкнул и достал из смятой пачки еще одну сигарету.

– Вроде бы ты родом не из Алжира.

– Нет, но он давным-давно стал для меня вторым домом. И для Аднана тоже.

– Про твоего братца я слышал. Он, конечно, еще тот сукин сын, но пойдет далеко. У него природный талант. Я думаю, что для преступной жизни нужен талант. Жить так, как все, может каждый. Но в нашем мире все иначе. Если ты хочешь добиться многого, то должен быть выдающейся личностью.

Ответить Умар не успел. Доктор Самуэль, как всегда, появился внезапно: просто возник у него за спиной и похлопал по плечу.

– Добрый день, джентльмены, – сказал он по-английски с едва уловимым ирландским акцентом. – Как настроение? Как погода?

Главный врач тюремного госпиталя говорил со всеми так, словно они не заключенные, а члены какого-нибудь британского клуба, и вот-вот пойдут играть в гольф. Мужчина средних

лет с ухоженными руками, коротко стриженными светлыми волосами и внимательным взглядом золотисто-карих глаз, в этих стенах он выглядел чужим. Умар слышал, что доктор Самуэль наплевал на мечты о медицинской карьере и несколько лет скитался по миру, работая то сельским врачом, то фельдшером на борту корабля, то полевым хирургом. Он пережил много приключений и многое повидал. По крайней мере, к разбитым головам и пациентам с десятком ножевых ранений относился хладнокровно и с долей черного юмора.

– Отойдем-ка, Саркис. Хочу перекинуться с тобой парой слов.

Умар послушно встал и последовал за врачом в тень, отбрасываемую раскидистым деревом.

– Нужна помощь? – спросил он.

– Как у тебя с итальянским?

– «Божественную комедию» в оригинале прочитать не смогу, но худо-бедно общаюсь.

– Есть у меня один пациент, уже с неделю за ним ухаживаю. Бедняга отказывается от еды, почти не пьет воду и постоянно молчит. При учете того, что я даю ему много обезболивающих, не лучший расклад. Вроде бы по-английски он говорит, но начисто меня игнорирует. А ты умеешь находить подход к людям. Я подумал: может, поболтаешь с ним? Спросишь, что да как. Пообщаетесь, глядишь, и пойдет на поправку.

– Тот самый парень, которого отметелил Анвар? – уточнил Умар. – Вот же дурак. Когда молодые научатся вовремя закрывать рот?

– Анвар тоже постарался, – заметил врач.

– Наслышан. Меня в тот день на ужине не было, иначе я бы вмешался. Ладно. Веди к своему пациенту. Сперва выскажу ему все, что об этом думаю, а потом поговорим по душам.

Историю об избитом юнце заключенные пересказывали на все лады, и общие детали Умар уже знал. Связался с работорговцами, которые бросили его, когда запахло жареным, и смотались, поджав хвост. Парень отказался выдавать имена своих сообщников, а напоследок угостил одного из полицейского ударом в челюсть. Удар оказался не очень удачным для обоих. Полицейский попал в больницу, а юнец – в тюрьму. Ему приписали не только возможное сотрудничество с работорговцами, но и попытку убийства. Ни одно из этих преступлений доказано не было, но судей и присяжных, похоже, все устраивало. Умар заочно поставил наглому щенку пару плюсов. Во-первых, не каждый будет молчать на допросе, когда есть угроза отхватить срок. Во-вторых, мало кто из его знакомых решится на то, чтобы ударить полицейского. А подойти к Анвару на ужине в присутствии почти всей тюрьмы и попросить у него сигарету, отреагировав на отказ обещанием двинуть в морду – это уже высший пилотаж.

Умар и сам не знал, кого ожидал увидеть, но открывшаяся картина так удивила его, что он на несколько мгновений застыл с открытым ртом.

Пациент доктора Самуэля сидел в беседке во дворе тюремного госпиталя, держа в руках металлическую кружку, и смотрел на бабочек, беззаботно порхающих с цветка на цветок. Он оказался худощавым юношей с отросшими почти до плеч темно-каштановыми волосами с золотым отливом и как две капли воды походил на молодых темных эльфов со средневековых гравюр. Собственно, он и был темным эльфом. Чистокровным, высшим темным эльфом. Даже кожа у него была голубовато-белой, как у благородных представителей этой породы. Умару захотелось протереть глаза и удостовериться в том, что зрение его не обманывает. Как это создание попало в тюрьму? Оно якшалось с работорговцами, избило полицейского и

сцепилось языками с Анваром Мутазом?.. Видимо, Анвар был в хорошем настроении. В противном случае он бы переломил мальцу позвоночник большим и указательным пальцами.

Ощувив чужое присутствие, юноша повернул голову и посмотрел сперва на доктора Самуэля, а потом – на его спутника. Глаза у него были серо-стальными, и Умар поразился контрасту почти женственной внешности и холода в этом взгляде.

– Ну что же, джентльмены, оставлю вас, – заторопился доктор Самуэль. – Умар, ты знаешь, где меня найти.

– Знаю. Спасибо. Мы поболтаем. Обещаю, все будет хорошо.

Дождавшись ухода врача, Умар неспешно подошел к беседке и опустился на скамейку. Выражение лица юноши не изменилось, и взгляда он по-прежнему не отводил.

– Доктор Самуэль жаловался на то, что ты ничего не ешь. Если ты решил объявить голодовку, предупреждаю: идея дурацкая. Если ты не ешь потому, что больно двигать челюстями или глотать – не нужно было вести себя как полный идиот и приставать к тюремным авторитетам. Терпи, это твой урок.

Юноша опустил глаза и принялся разглядывать содержимое своей чашки. Судя по запаху, там был травяной чай.

– Как зовут? – предпринял очередную попытку Умар.

– Ливий, – последовал короткий ответ.

– О. А я уже было подумал, что ты отказался не только от еды, но и дал обет молчания. Ливий, значит. Очень хорошо. Понравилось тебе ссориться с Анваром? Хочешь повторить?

Собеседник промолчал, и Умар похлопал его по колену. Слабо, едва прикоснувшись, но Ливий зашипел от боли.

– Морду он тебе расквасил знатно. Надеюсь, следов не останется. Девки, наверное, бегают за тобой толпами?

– Кто вы такой?

– Я Умар. Твой инстинкт самосохранения, а заодно и твои мозги. Ни первым, ни вторым ты явно не располагаешь. Так что придется мне за тобой присмотреть.

– Я не нуждаюсь в няньках.

Умар скрестил руки на груди.

– Ты впервые попал в тюрьму, а, малыш?

– Я вам не малыш, – произнес Ливий прежним спокойным тоном, но в нем уже появились нотки раздражения.

– Ты безмозглый щенок. И ровным счетом ничего не смыслишь в здешних порядках. Не спорь, если не хочешь, чтобы на твоей смазливой роже появились дополнительные швы. За каким чертом ты во все это ввязался? Работоторговцы? Чего тебе не сиделось в доме твоего папочки?

– Вы ничего обо мне не знаете. У вас нет права учить меня жизни. Вы такой же заключенный, как я.

– Вот тут ты ошибаешься. Ты сидишь в камере под замком, а я свободно разгуливаю по тюрьме и, как говорят на воле, имею в этих кругах определенный вес. Равно как и право на то, чтобы учить тебя жизни. Но ты прав, я ничего о тебе не знаю. Ты тут надолго, да и я тоже. Так что можешь рассказать. Я люблю истории о чужих жизнях.

Ливий осторожно прикоснулся ко шву на правой щеке.

– Вы хорошо говорите по-итальянски. Но, судя по всему, родились на востоке, и имя у вас восточное. Как вы сюда попали?

– Долгая история. Когда-нибудь я тебе ее расскажу. Но ты первый. Так как ты попал в тюрьму?

Юноша допил чай и поставил кружку на деревянный стол.

– Да по глупости, – неохотно сказал он.

– Связываться с работорговцами – это и вправду глупость. Особенно для таких хороших мальчиков, как ты.

– Я попал в тюрьму потому, что был дураком. Работорговцы здесь ни при чем. Я связался с ними потому, что так захотел.

– А, вот оно что. Вот она, мечта твоей жизни. Мотаться хвостом за работорговцами и помогать им обдeldывать грязные делишки. Или ты хочешь чего-нибудь другого?

Ливий поднял голову и посмотрел собеседнику в глаза.

– Я хочу быть королем, – сказал он тихо, но твердо.

Умар расхохотался, спугнув сидевших на ветвях дерева птиц.

– Люблю амбициозных парней. Кстати, знаешь, что случилось с ребятами, благодаря которым ты попал за решетку?

– Они убежали из страны.

– А знаешь, что случилось с ними потом?

Вместо ответа Ливий пожал плечами. Умар наклонился к его уху.

– Есть у меня знакомый работорговец. Муса – так его зовут. Муса знает почти всех коллег по ремеслу и на Ближнем Востоке, и в Европе. В нашем мире слухи распространяются быстро. Он узнал о твоих бывших поделщиках. Мы часто ссоримся, делим территории и деньги, порой убиваем друг друга. Все конфликты можно решить. Но есть одна вещь, которую не прощают. Это предательство. Они сдали тебя полиции и скрылись, поджав хвост. Так у нас не поступают, Ливий. Это позор, и смыть его можно только кровью.

– Они мертвы?

Умар потянулся, расслабляя шею, и прикрыл глаза, подставляя лицо солнцу.

– Скорее всего. И будь уверен – перед смертью с ними сделали много интересных вещей. Почему ты не назвал их имена? Ведь ты знал, что попадешь в тюрьму. Уверен, полицейские обещали тебе золотые горы. Говорили, что отпустят на свободу.

– Говорили, – согласился Ливий. – Но я своих не сдаю.

– Даже если они до этого сдали тебя?

– Не вижу разницы.

Взяв со стола пустую кружку, Умар заглянул в нее и вернул на место.

– Вот что мы сделаем, дружок. Сперва ты поешь как следует и вдоволь напьешься воды. Потом примешь очередную дозу обезболивающих и поспишь несколько часов. А вечером я устрою тебе встречу с Анваром. Ты извинишься, он извинится. Или не будете извиняться, это уже не мое дело. Но вы пожмете друг другу руки и пообещаете, что такое дерьмо больше не повторится.

– Ладно, – буркнул Ливий.

– Ты должен с ним подружиться. Он многому тебя научит. Ключевое слово – уважение, приятель. В этом мире уважение открывает все двери. Ну, а потом... – Умар задумчиво потер подбородок. – А потом, когда ты отсюда выйдешь, я заберу тебя с собой и отвезу на восток. Познакомлю со своим братом. Ты ему понравишься.

– Кто он, ваш брат?

– Аднан Саркис, видный работорговец. Он тоже мечтает быть королем. И совсем скоро

им станет. Вы друг друга поймете.

Ливий откинулся на деревянную спинку скамейки и впервые за время их разговора улыбнулся. Если до этого он был похож на двадцатилетнего юношу, то теперь походил на мальчишку.

– Вашему брату нужен помощник?

– Можно сказать и так. Я чувствую, что голова у тебя дурная, и дело нельзя пускать на самотек. Лучше творить глупости, имея влиятельного покровителя, чем связываться непонятно с кем.

– Никогда не был на востоке. Каково там, в Алжире?

– Жарко, влажно, полно вкусной еды и возмутительно красивых женщин. Увидишь однажды – и не захочешь уезжать.

Анвар, как и следовало ожидать, от предложения помириться с «тем наглым щенком» в восторг не пришел.

– Ты совсем умом тронулся, Саркис? Может, мне и хлеб преломить с этим прохвостом? Поцеловать его в обе щеки и пообещать, что впредь буду вести себя хорошо?

– Я не против, но так далеко заходить не обязательно.

Они сидели за широким грубо сбитым столом на тюремной кухне. Умар резал огурцы и помидоры для салата, который должны были подать за ужином, а Анвар, как всегда, дымил сигаретой ипил крепкий чай.

– Хрена с два я буду с ним мириться.

– Ты придаешь этому слишком большое значение. Он не хотел тебя задеть, не пытался оскорбить в присутствии других. Бедняга всего лишь попросил сигаретку. На преступление века не тянет.

– «Одно из двух: либо ты немедленно дашь мне сигарету, либо получишь по морде», – процитировал Анвар, с громким стуком возвращая пустую кружку на стол. – Знаешь, когда со мной в последний раз так разговаривали? Хочешь, расскажу, как я отреагировал?

Умар аккуратно снял темно-зеленую кожицу с очередного огурца и, положив его на доску, ловко разрезал пополам.

– Он хороший парень, Анвар. Я говорил с ним, смотрел ему в глаза. Наглости в нем хоть отбавляй, спору нет, и проблемы с авторитетами у него явно имеются. Ты должен его понять. Он впервые оказался в тюрьме, вдали от дома. Вокруг все чужие, все незнакомое, другой мир, правила, о которых он и понятия не имеет. И попал он сюда потому, что его сдали коллеги по ремеслу. Он мог петь на допросе соловьем, называя адреса и имена, но молчал, как рыба. Молчал даже после того, как ему пригрозили тюремным сроком. Молчал и после того, как за ним закрылась дверь камеры. Я знаю заключенных, которые держались на допросе молодцами и строили из себя крутых парней, но за решеткой теряли самообладание и рассказывали обо всем первому попавшемуся надзирателю. Много ты знаешь пацанов, уважающих наши законы?

Анвар многозначительно хмыкнул, туша сигарету в жестяной пепельнице.

– Ненавижу работяг, – сказал он. – Сукины дети, скользкие, как угри. Язык подвешен, всюду связи, выберутся из любой передрыги целыми и невредимыми. У них нет ни совести, ни чести. Откуда возьмутся честь и совесть у того, кто толкает живой товар?

– Ни ты, ни я не знаем его историю, Анвар. Но готов поспорить на что угодно: это невеселая история. Такие юнцы не попадают в криминальный мир с мечтами о славе,

приключениях и легких деньгах. Боги милосердные, да ты его хоть разглядел как следует? По всему видно, что он из хорошего дома. Если и не купался в роскоши в детстве, то воспитание получил достойное. У него были мать, отец, возможно, братья и сестры. Слуги, повар, наставники. Он ездил верхом, рисовал, писал стихи и музыку, изучал языки. Его били по рукам, если он путал столовые приборы или неправильно держал вилку. А потом что-то сломалось. Может, когда-нибудь он мне об этом расскажет.

Анвар наблюдал за тем, как Умар отправляет нарезанные овощи в миску и берет из холщового мешка большой краснобокий помидор.

– Никогда не понимал в тебе этого, Саркис, – проговорил он задумчиво. – Ты можешь быть последним козлом, не думая дважды, хватаешься за нож, но порой встречаешь таких мальцов – и превращаешься в сопливую бабу. Что это? Тебе пора заводить собственных детишек?

– Как-нибудь перебыюсь, – насмешливо хмыкнул Умар. – Он славный малый. Я хочу, чтобы вы помирились. Возьми его в ученики.

– Ишь как запел. Может, мне усыновить его? Принести на ночь теплого молока с медом и рассказать сказку?

– Ему нужен не только покровитель, но и наставник. Ты на эту роль подойдешь.

– Наставник мелких щенков, – ухмыльнулся Анвар, вновь открывая сигаретную пачку. – Ладно, черт с тобой. Я дам поганцу шанс. Но только один шанс, Саркис. Не больше. Ты знаешь, Анвар Мутаз всегда держит свое слово.

После ужина Умар сказал дежурному надзирателю, что забирает Анвара на экскурсию в лазарет, и пообещал, что они вернутся максимум через полчаса. Тюремный график распространялся и на свободных заключенных: когда наступало время отбоя, они должны были находиться в камерах. Надзиратель глянул на часы, нахмурился для вида – свет должны были выключить как раз через тридцать минут – но согласился.

– Не опаздывать, – напоследок буркнул он.

– Так точно, – отозвался Умар. – Придем вовремя.

– Надеюсь. Если нет, будешь безвылазно сидеть в камере месяц. И не заливай мне про свое примерное поведение, Саркис. Не поможет.

Ливий сидел на больничной койке, скрестив ноги, и писал что-то в толстой тетради, обернутой белой кожей. Увидев Умара и шедшего за ним Анвара, он медленно отложил ручку и выпрямил спину.

– Добрый вечер, – поприветствовал Умар. – Мой друг не говорит по-итальянски, так что придется нам побеседовать на английском. Если у тебя возникнут проблемы, я переведу.

– Не возникнут, – ответил Ливий, не сводя взгляда с Анвара. В его глазах не было страха, чего не скажешь об угрозе. Казалось, сделай тот еще один шаг – и юнец, не раздумывая, вцепится ему в горло.

– Доктор Самуэль сказал, что ты плохо говоришь по-английски.

– Нормально я говорю по-английски. Но это еще не значит, что буду болтать со всеми подряд. Ваш доктор мне не нравится. У него раздутое самомнение, тупое лицо и взгляд последнего тюфяка.

Английским он владел хорошо, если не считать интонационного акцента, свойственного уроженцам средиземноморья.

– Это Анвар, – представил спутника Умар. – Помнишь его?

– И буду помнить еще долго, даже если он надеется на обратное.

– Слышал? – начал злиться Анвар. – Я пришел сюда после ужина, хотя мог покурить себе спокойно и поиграть в покер, и вот что этот щенок мне говорит.

– Успокойтесь оба, – осадил их Умар. – Ливий, Анвар здесь потому, что хочет принести тебе свои извинения. И услышать от тебя то же самое. Мы уже обсуждали это с тобой сегодня днем. То, что произошло между вами, было недоразумением. Я разьясню принятые здесь правила, и ты будешь их уважать.

Ливий перебирал в пальцах ручку, глядя куда-то в направлении окна, мимо собеседников.

– Ты начнешь первым, – продолжил Умар.

– Почему это? – тут же насторожился юнец. – Я никого не избивал. Все произошло с точностью до наоборот.

– Ты начнешь первым потому, что я так решил.

Ручка полетела на скомканное одеяло, следом отправилась тетрадь.

– Прошу прощения. – В тоне Ливия было столько яда, что им отравилась бы вся тюрьма, включая надзирателей. – Я был неправ, беседовал с вами недостаточно вежливо и больше так не поступлю.

Анвар неожиданно для Умара рассмеялся – тепло и добродушно.

– И ты извини, пацан. Я перегнул палку. Но иногда наглецов нужно ставить на место. А ты наглец, думаю, спорить не станешь.

Ливий взял тетрадь, проверил, не измялись ли листы, и провел ребром ладони по кожаной обложке. Спустя мгновение Анвар протянул ему руку, и тот крепко пожал ее.

– Ну, вот и все. Знаешь, я люблю наглецов. Если они что-то задумали, то говорят в глаза, а не шепчутся за спиной. И не плетут заговоры. Воспитания тебе, конечно, недостает, но это дело времени. Я чувствую, что тебе можно доверять. А интуиция Анвара Мутаза не подводит. Анвар Мутаз слепит из маленького ушлепка настоящего мужика.

Получив в ответ почти искреннюю улыбку, которая явно далась Ливию нелегко, Анвар кивнул.

– Ну, я пошел. Вряд ли успею сыграть в покер до отбоя, но зато подымлю. Спокойной ночи.

Умар присел на кровать и посмотрел на то, как Ливий кладет ручку между страниц тетради.

– Что это у тебя? – поинтересовался он.

– Дневник.

– А я думал, что ты пишешь письма домой. Или подружке. У тебя есть подружка?

Щеки Ливия порозовели, и он снова погладил белую кожу обложки – должно быть, это его успокаивало.

– Нет, – ответил он. – Да и писать мне некому. Точнее, есть кому, но... не очень-то хочется рассказывать сестрам и брату, что я попал в тюрьму.

Умар закивал.

– А, так у тебя есть сестры и братья. И много?

– Две сестры и брат.

– Ты старший?

– Второй по старшинству. Первой родилась сестра.

– А имя у твоей сестры есть?

– Альвис. Вторую сестру зовут Эльруния... Руна. А брата – Анигар.

– Классические имена. Вряд ли ты родился в вампирском клане, но, наверное, принадлежишь к первому поколению свободных темных эльфов. А что насчет твоих родителей?

Пальцы Ливия вцепились в тетрадную обложку.

– Их уже нет в живых. Давайте сменим тему.

– С удовольствием поговорил бы с тобой еще, но мне пора идти. Если не вернусь в камеру до отбоя, у меня отнимут права свободного заключенного.

– Свободный заключенный? Что это значит?

– Это значит, что я могу практически беспрепятственно передвигаться по тюрьме. К примеру, приходить сюда, в лазарет. Иногда помогаю доктору Самуэлю с пациентами.

– Вы врач?

– Не по образованию, если ты об этом. – Умар поднялся на ноги. – Завтра вернусь. Принести тебе что-нибудь? Помимо сигарет?

Ливий смущенно улыбнулся.

– У вас есть книги?

– Книги?..

– Здесь скучно. А я люблю читать.

– Спрошу у надзирателей, которые живут в городе. Там есть библиотека. Что ты обычно читаешь?

– Буду рад мемуарам исторических личностей или биографиям великих полководцев. Но научная литература меня тоже устроит. Или классика.

– Станный ты, дружок. Все у меня просили: дурь, порнографические картинки. Но биографии великих полководцев и классику? Черт с ним. Хочешь книги – пусть будут книги.

Глава двенадцатая. Ливий. Прошлое

1962 год

Багдад, Ирак

– Я работаю тут больше десяти лет, но еще никогда так не радовался освобождению заключенного. Будто с десяток заноз из задницы достал, ей-богу. Моя воля – сидел бы ты в одиночке все четыре с половиной года, Хиббинс, и не портил бы остальным кровь.

– Взаимно сынок. Если честно, я люблю доводить начатое до конца, и с не меньшим удовольствием провел бы в ваших стенах еще шесть месяцев, но уж коли начальник тюрьмы решил сделать мне подарок, кто я, чтобы говорить «нет».

– Подарок он сделал не тебе, а нам. Сюда, направо.

Надзиратель открыл перед Ливием железную дверь, за которой находился так называемый «коридор свободы» – участок тюрьмы, позволяющий обойти помещения с камерами. Халиф, успевший переодеться и воспользоваться услугами здешнего парикмахера, нес на плече небольшую дорожную сумку и размышлял о том, что делать дальше. Вряд ли ему предоставят машину с личным водителем, без которой до виллы Эоланты не добраться. Денег не было даже на еду, не говоря уж о возможности заправить автомобиль, если он им обзаведется. В Багдаде он бывал несколько раз, но с проводниками, и вряд ли быстро сориентируется на улицах. Оставалось надеяться на чудо. Или плюнуть на все и отправиться в пешее путешествие. Какой бы дикой ни казалась Ливию эта мысль, он был готов идти несколько дней без остановки, обходясь без пищи и воды.

С момента встречи с Эолантой прошло две недели, и для него они растянулись на несколько вечностей. Он почти не спал, отказывался от еды, отдавая ее сокамерникам, потерял интерес к книгам и игре в покер, не реагировал на нападки других заключенных. Асад и Эмир испугались, что друг подхватил серьезную болезнь – иных объяснений тому, что за четырнадцать дней он ни разу не сцепился языками с кем-то из заключенных и не притронулся к своему ножу, не нашлось. И с каждой минутой Ливий убеждался в том, что это правда. Он болен, его болезнь развивается чертовски быстро и пожирает трезвый рассудок, оставляя только воспоминания и предвкушение новой встречи с этой странной женщиной. Чем она отличается от других? Как ей удалось его зацепить? Почему он думает о ней двадцать четыре часа в сутки, не может выбросить из головы ее лицо, ее глаза, ее прикосновения? Почему вспоминает запах ее духов? В нем боролись два одинаково сильных, почти нестерпимых желания: вернуть контроль над своими мыслями и послать контроль ко всем чертям, окунувшись в омут с головой. И, хотя борьба еще не завершилась, Халиф знал, которое из желаний победит.

– Как там на улице, солнечно? – спросил у надзирателя Ливий. – У меня глаза болят от солнечного света. Знаешь, что случилось с моими очками? Я наступил на них, когда ребята на иракской таможне заламывали мне руки. И это после того, как я выразил готовность пойти с ними и пообещал не сопротивляться.

– Да-да, – кивнул спутник. – Знаю я твои обещания, Хиббинс. А они не просто так работают на таможне. Таких, как ты, видят насквозь. На их месте я бы двинул тебе в челюсть пару раз. Когда вижу мужиков с милой мордашкой, так и хочется их разукрасить.

– У тебя проблемы с немотивированной агрессией, сынок. Ты должен наладить отношения с отцом. Обида пополам с гневом – тяжкая ноша.

Надзиратель ткнул его в спину дубинкой.

– Я тысячу раз просил не обращаться ко мне «сынок».

– Между прочим, у меня больная спина.

– Не припомню, чтобы ты жаловался на больную спину, когда избивал Гасана Хабиба.

Иди вперед и помалкивай. Еще пять минут – и я навсегда от тебя избавлюсь.

– Совсем забыл. Мне нужно позвонить. Снаружи есть телефон?

– Нет, только внутри. Шагай, пока не получил по шее.

– Я должен поговорить с приятелем. Иначе придется ночевать на улице.

Тяжело вздохнув, надзиратель повернул назад.

– Хрен с тобой. Пройдем через коридор, где находятся камеры. Предупреждаю: если выкинешь глупость, отхватишь тумачков.

Увидев Ливия с почетным эскортом, заключенные подошли к решеткам камер и загалдели, перекрикивая друг друга, но быстро успокоились, стоило надзирателю на них прикрикнуть. Единственным, кто остался на месте, был Гасан Хабиб, двухметровый детина с широкими, как у портового грузчика, плечами, и не обезображенным интеллектом лицом.

– Посмотрите-ка, кто вернулся, – насмешливо протянул он, провожая спутников взглядом. – Король передумал и решил отсидеть свой срок до конца?

– Посмотрите-ка, у кого вновь отрос язык, стоило королю выйти на свободу, – откликнулся Халиф. – Что такое, сынок? Твои ребра зажили, и ты осмелел?

– Не разговаривать! – рявкнул надзиратель.

Гасан подошел вплотную к решетке и широко улыбнулся.

– Иди туда, куда шел. Торгуй шлюхами и наркотой – а я займусь своими делами. Теперь все вздохнут спокойно, и в этих стенах наконец-то будет порядок.

– На твоём месте я бы проявлял чуть больше уважения к тому, кто доставал для тебя этих шлюх, – понизил голос Ливий, замедлив шаг. – Если бы не я, ты бы трахал своих товарищей по камере. Или они тебя, как знать. Напомни-ка, сколько я за них просил? Ах да. Нисколько. Благодаря мне ты чуть ли не каждую неделю бесплатно имел новую бабу в комнате для свиданий, а надзиратели закрывали на это глаза. Что я получал в ответ? Угрозы и попытки разбить мне голову.

Пальцы Гасана вцепились в прутья решетки.

– Катись в Ад, Халиф. Баб я могу достать и без тебя. Работоторговцев здесь достаточно.

Ливий остановился и посмотрел на главаря тюремной банды с легкой улыбкой.

– Поглядим, сынок. Обещаю: я сделаю все возможное для того, чтобы шлюх ты не получал. Халиф слов на ветер не бросает.

– Надеюсь, тебя поймают за задницу, когда ты будешь их толкать, и ты вернешься сюда. И тогда мы поговорим.

– И не только поговорим. У тебя еще остались кости, которые я не переломал. Это большое упущение.

Надзиратель схватил Ливия за локоть.

– Я сказал, не разговаривать! – Он посмотрел на Гасана. – А ты сегодня останешься без ужина, Хабиб. Лежи и мечтай о шлюхах.

– Ну у короля-то точно будет ужин, и королевский, – хохотнул тот, отходя от решетки. – Я слышал, у тебя нет ни гроша, Халиф. Вечером буду лежать, глядя в потолок, и думать о том, что ты тоже умираешь от голода.

– Дело твое, сынок. Но лучше умирать от голода на свободе, чем в тюрьме, не находишь?

Подойдя к телефонному аппарату, Ливий опустил в щель полученный от надзирателя жетон, снял трубку и, дождавшись ответа оператора центральной станции тюрьмы, назвал номер Аднана. Тот ответил после пятого гудка.

– Слушаю.

– Привет, это я. Свободный и счастливый.

– Тебя выпустили на полгода раньше? Я был уверен, что это сплетни.

– Это правда от первого до последнего слова. Я соскучился и хочу обнять старых друзей.

А еще мне нужны деньги.

– Насчет денег распоряжусь. Как тебя найти?

– Я позвоню. – Халиф посмотрел на стоявшего в нескольких шагах надзирателя. – Может, через пару дней... или дня через три. У меня есть дела.

– Когда закончишь с делами, найди Сезара Ноймана. А потом возвращайся. И поскорее. Нужно кое-что обсудить.

– Послушай, Аднан. Я могу задержаться. Это личные дела. Сейчас я не объясню, но...

– Это ты меня послушай, дитя мое. Ты только что вышел из тюрьмы, у тебя нет ни машины, ни денег, ни крыши над головой. Ты не в том положении, чтобы ставить кому-то условия. Мне – так тем более.

– Все сложнее, чем ты думаешь.

– Выскажусь яснее. Я решил рискнуть и дать тебе шанс. Если все пройдет хорошо, ты получишь щедрую награду. Станешь королем. Заслужишь свою корону.

– Чего? – не понял Ливий. – Какую еще корону?

– Сделай то, что должен – а потом мы все обсудим.

Выйдя за ворота тюрьмы, Халиф зажмурился: полуденное солнце было нестерпимо ярким. На глазах тут же выступили слезы, и он в очередной раз вспомнил о безвременно почивших очках. Лучше бы его отпустили вечером или ранним утром. С другой стороны, жаловаться грех: он должен был просидеть в этих стенах еще полгода. Вытерев глаза тыльной стороной ладони, Ливий вышел на дорогу и побрел по обочине, то и дело оглядываясь назад в ожидании случайной машины. Спустя несколько минут ему улыбнулась удача: рядом притормозил ярко-красный кадиллак. Сидевшая за рулем женщина сняла солнцезащитные очки, и он узнал сестру Эоланты.

– О, кто это у нас здесь? – спросила она. – Неужто сам плохой мальчик-красавчик во плоти? Проезжаю случайно – и нате вам! Да шучу, шучу. Эо попросила тебя подвезти. Я в городе застряла, вот и припозднилась. Залезай, пока не испекся на чертовом солнце.

Повторять девице не пришлось – Ливий занял место пассажира и пристегнул ремень безопасности.

– Так как тебя зовут, солнышко – Китти или Кантара?

– «Солнышко» меня устроит. Есть хочешь?

– Очень. Но еще сильнее я хочу увидеть твою сестру.

Кантара вырулила на дорогу.

– Белое тебе к лицу. Я предпочитаю видеть плохих мальчиков-красавчиков без одежды, но, так уж и быть, этого оставлю Эо. Она трещит о тебе двадцать четыре часа в сутки. Не знаю, что за бес в нее вселился. На моей памяти она еще ни разу не вела себя так, когда дело касалось мужчин. Может, ты ее заколдовал?

– Уж скорее она меня, – помолчав, ответил Халиф.

– Это она умеет, – самодовольно улыбнулась Кантара. – Ишь как долго прихорашивался.

Даже подстригся. Начнешь с амазонок – а потом перейдешь к сладенькому?

– Амазонки мне не нужны. – Уже в который раз вспомнив разговор с Эолантой, Ливий замер, пораженный внезапной догадкой. – Фамилия твоей сестры – Нойман?

– Да, и моя тоже. А что такое, плохой мальчик-красавчик?

– Сезар Нойман – ваш брат?

Китти бросила на него заинтересованный взгляд, на мгновение оторвавшись от дороги.

– Старший, единственный и любимый. А ты с ним знаком?

– Когда-то мы работали вместе. И, возможно, еще будем работать. Боги милосердные.

Эоланта – сестра Сезара Ноймана?.. Он рассказывал, что у него есть сестры, но я никогда бы не подумал, что одна из них служит старшим надзирателем в тюрьме.

– Интересно, кто в кого втрескался сильнее – ты в нее или она в тебя? К слову, Сезар об этом не знает. Вроде бы. И советую быть поосторожнее. Он может прирезать ухажера Эо, если тот ему не нравится. Мы едем обедать, плохой мальчик-красавчик. Я умираю от голода. Заплачу и за тебя, и за себя. Вернешь потом. – Она соблазнительно улыбнулась. – Или сразу после. Могу взять плату натурой.

Вилла Эоланты дремала в лучах полуденного солнца. Возле пруда-бассейна было тихо, об амазонках напоминали только брошенные на траву полотенца и купальные халаты.

– Похоже, у всех сиеста? – спросил Ливий у Кантары, оглядывая ухоженный сад.

– Кое-кто спит, это верно. Остальные уехали в город. Кто по делам, кто по мужикам, кто к родителям.

– Кто они вообще такие, эти амазонки?

Девушка взбежала по ступеням главного входа и обернулась, дожидаясь гостя.

– Ну, Эо их всюду собирала. Одну за границей встретила, другую у приятелей Сезара, третью в ночном клубе. Почти все голодали и зарабатывали на жизнь собственным телом. Она их приютила, накормила, дала денег. Большая часть девушек рассталась с прошлым, но кое-кто до сих пор тайком уезжает из дома и занимается всякими мерзостями. Эо злится, но понимает, что привычка – вторая натура. Если женщина десять лет работала проституткой, то проститутку из нее не достать. Лестница здесь, плохой мальчик-красавчик. Следуй за мной.

Ливий начал подниматься по устланной зеленоватым ковром лестнице, изучая убранство гостиной. Она, как и увиденная им в прошлый раз часть виллы, была обставлена в европейском стиле. Теперь он понимал, почему. Сезар родился во Франции, и они с сестрами провели детство среди подобных интерьеров.

– Откуда у Эоланты деньги для того, чтобы содержать такую толпу сожителей?

– Любопытство сгубило кошку, ты в курсе, плохой мальчик-красавчик?

– У меня есть имя.

– Мне не нравится твое имя, и я буду звать тебя так, как захочу. И не выпендривайся сверх меры, ты не у себя дома.

Сказав это, наглая девушка даже не удосужилась обернуться и посмотреть на реакцию собеседника. Она продолжала подниматься по лестнице, соблазнительно покачивая бедрами. Халиф честно пытался отвести взгляд и смотреть себе под ноги, но ничего не вышло. И он был готов поспорить на что угодно – Кантара получала удовольствие от этого спектакля.

– Так откуда у твоей сестры деньги? Не думаю, что надзиратели могут позволить себе жизнь на такой вилле, да еще в компании стольких подруг. Вы живете на средства вашего почтенного отца?

– Наш почтенный отец нищий, как церковная крыса. Деньги зарабатывать он никогда не умел. Пределом его мечтаний было выдать меня и Эо за богатых мужиков, и мама с ним соглашалась. Да и Сезар тоже. Но когда дошло до дела, он внезапно встал на дыбы. Поссорился с отцом, довел мать до слез. Они говорили ему, что в древности девочек выдавали замуж сразу же после того, как они становились способными к деторождению, что мужей нам подыскивали отличных, и все такое. Но Сезар проявил удивительное упорство. Ни я, ни Эо от него такого не ожидали. Он всегда был самым тихим и стеснительным в двух мирах юношей, и вот нате вам. Сказал, что женился не по любви, последовав родительской воле, но жизнь сестер ломать не позволит. И это при том, что отца он до сих пор считает чуть ли не богом. Так мы уехали из дома. Сюда, на восток. У Сезара здесь были друзья, они нас приютили. Ну, а потом он начал работать с наркоторговцами. Купил для Эо виллу. Когда-то мы жили здесь втроем: я, она и Ниэнна, первая жена Сезара. Забавно, что я даже ее лица не вспомню, если не взгляну на фото. Помню только, что она часами сидела у окна за вышиванием и плакала, ожидая своего муженька. Любила его больше жизни, дура эдакая. Так и не поняла, что у мужиков работа всегда на первом месте, если это настоящие мужики. Думаю, она покончила с собой вовсе не из-за послеродовой депрессии, а из-за того, что дети отвлекали бы ее от страданий по Сезару. И не уверена, что она хотела этих детей. Словом, мы живем на деньги нашего братца, плохой мальчик-красавчик. А у тебя есть семья? Сестры? Братья?

– Будем считать, что нет.

Кантара шла по коридору, по-прежнему не оборачиваясь.

– А, я поняла. Ты средненький. Может, второй или третий по старшинству. Средненькие всегда чувствуют, что им что-то недодали, и обижены на весь мир.

– У меня есть старшая сестра.

– Как мило! Она читала тебе сказки на ночь?

– Мы занимались кое-чем поинтереснее.

– Изучали анатомию друг на друге под одеялом в темной спальне, бесстыдники?

– Как насчет любопытства, которое сгубило кошку?

Остановившись у нужной двери, сестра Эоланты бросила на него насмешливый взгляд.

– Знаешь, в том, что ты спал со своей старшей сестрой, нет ничего предосудительного.

Мы же не смертные, в конце-то концов. Это они парят себе мозги с инцестом и моральными нормами.

– Я не спал со своей старшей сестрой.

– Ладно, ладно. Солнышко Китти сохранит твой темный секретик. Но с одним условием. – Она протянула руку и погладила Ливия по волосам. – Эо отдыхает после обеда. Тот, кто ее разбудит, может получить тумака. Как насчет того, чтобы скоротать пару часиков у меня?

– Благодарю за предложение, но я вынужден отказаться.

Пальцы Халифа легли на ручку двери, но Кантара взяла его за запястье и медленно отвела руку в сторону.

– Не волнуйся, Эо не разозлится. Она позволяет мне пробовать лакомые кусочки, которые ей достаются. Я вроде как дегустатор вин, понял? – Сестра Эоланты прижала гостя

к стене и наклонилась к его лицу почти вплотную. Ливий чувствовал аромат сладковатых духов, смотрел ей в глаза, но не ощущал ни намека на интерес к этой женщине. Захочется ли ему ответить на поцелуй, если она решит его поцеловать? Вряд ли. Она была красива и полна жизни, он с удовольствием любовался ей со стороны, а сейчас хотел отойти подальше, сгладив неловкость. – Не будь таким стеснительным, плохой мальчик-красавчик. Я не видела, как ты на меня смотришь, но чувствовала твой взгляд. Ты любишь раздевать женщин – или предпочитаешь, чтобы они раздевались сами? Я думаю, ты любишь их раздевать. Любишь приходить и брать свое. Как вождь, захвативший город и получивший самую красивую женщину. Ее нужно взять силой, иначе победа не будет такой сладкой.

Губы Кантары прижались к его губам, и Ливий торопливо отвернулся.

– Ведите себя достойно, миледи. Я не хочу отталкивать вас, но мне придется это сделать, если вы продолжите навязчиво требовать моего внимания.

Девушка отошла на шаг и театрально захлопала в ладоши.

– Bravo. Вот это выдержка. Нет, я на полном серьезе. Давно я не встречала мужчину, который вел бы себя так холодно в моем присутствии. А после четырех с половиной лет в тюрьме строгого режима я на твоём месте набросилась бы на первый столб.

– Ты – не первый столб, солнышко, а восхитительно красивая женщина, которая может соблазнить даже мертвого. Встреть я тебя чуть раньше, чем твою сестру, то сейчас мы самозабвенно трахались бы, забыв об окружающем мире. И начали бы еще в саду. Но боги решили все за нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5fe>

notes

Ближневосточное блюдо из мелкой крупы, чаще всего подается с мясом или овощами, также встречается десертный вариант – месфуф.